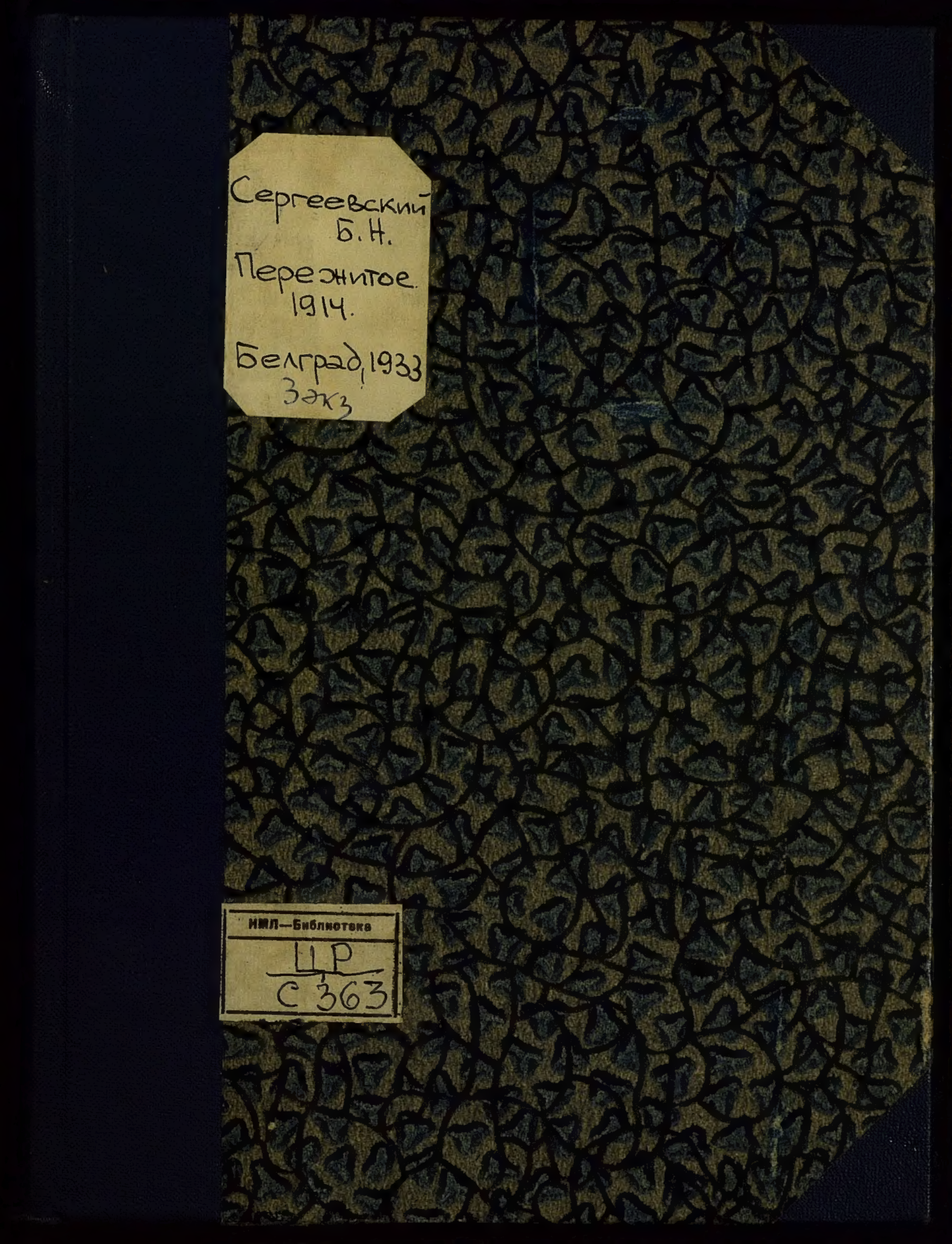
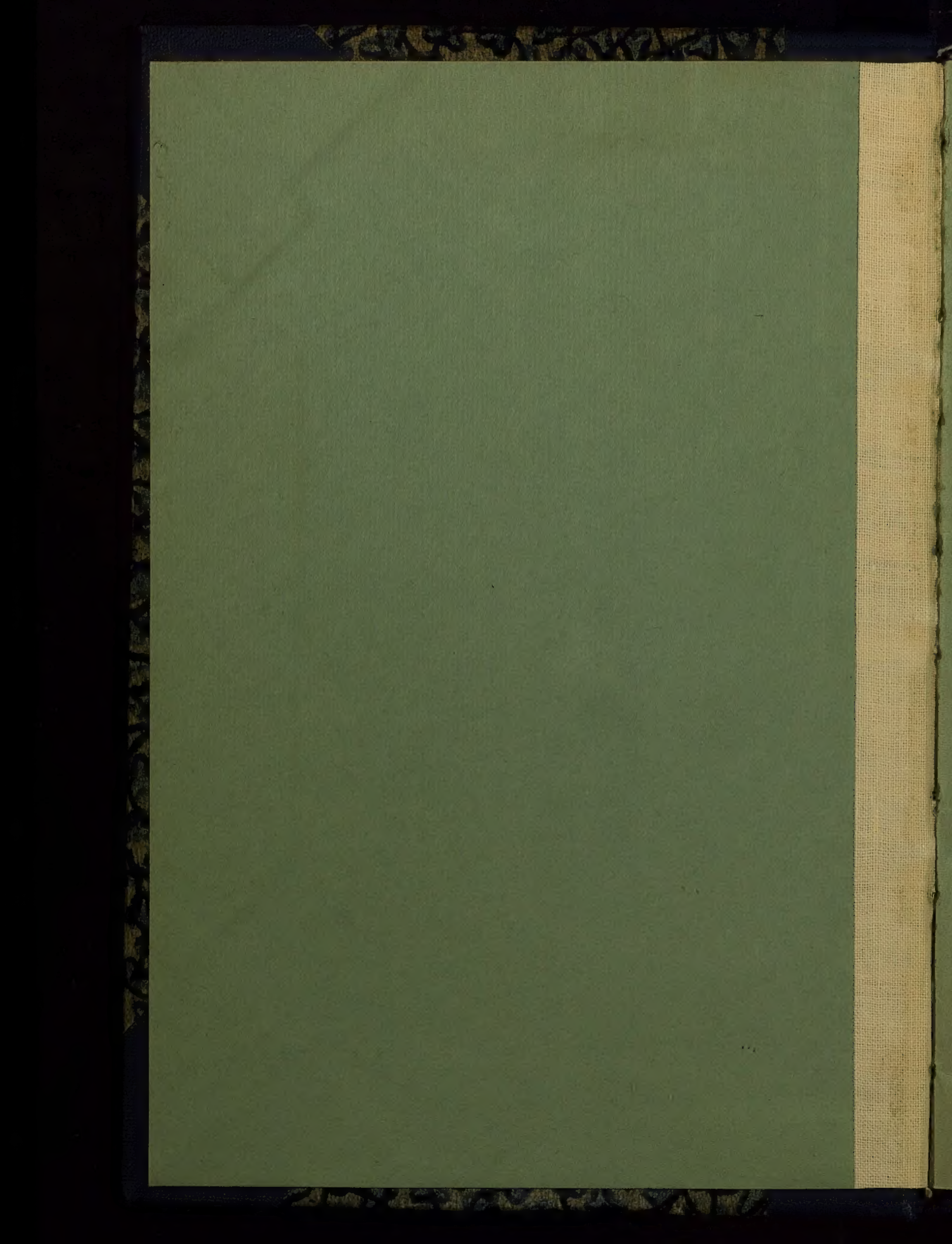

Сергеевский
Б. Н.
Пережитое.
1914.
Белград, 1933
3 экз

Б. Н. СЕРГѢЕВСКІЙ

ПЕРЕЖИТОЕ

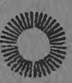
1914

БѢЛГРАДЪ
1933

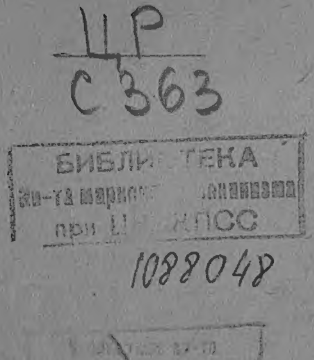
Б. Н. СЕРГѢЕВСКІЙ

ПЕРЕЖИТОЕ

1914

БѢЛГРАДЪ
1933

„Нова Штампарија". Београд, Кнез Милетина 28. За штампарију Александар Милићевић, Кнез Милетина 28.

Міровая война — der Weltkrieg — какъ чуждо и даже дико было это понятіе для большинства русскихъ людей до начала гигантской борьбы! А между тѣмъ идею эту уже давно лелѣяли наши воинственные сосѣди и самое слово „Weltkrieg“ было уже брошено ими въ словарь культурнаго человѣчества. Цѣлая литература по вопросу о будущей войнѣ, частью серьезная и чисто техническая, частью полу-фантастическая, но преслѣдовавшая опредѣленную цѣль — проповѣдь неизбѣжности міровой войны — была къ услугамъ читателя-германца.

Русское общество было далеко отъ сознанія этой неизбѣжности. Увлеченное политическими теоріями, среди которыхъ космополитизмъ и антимилитаризмъ играли не малую роль, а самый мягкотѣлый и, я бы сказалъ, сентиментальный либерализмъ составлялъ обязательный для каждаго интеллигента фонъ, оно не видѣло опасности и не хотѣло видѣть ея, и не могло, среди своихъ сентиментальныхъ иллюзій, представить себѣ такого ужаса...

Для старшихъ чиновъ нашей арміи и для нашего генеральнаго штаба неизбѣжность великаго столкновенія народовъ стала окончательно ясной уже въ 1908—1910 г.г. — И армія наша лихорадочно готовилась къ великому испытанію. Въ этой подготовкѣ было сдѣлано колоссально много. Но оставались и чрезвычайно серьезные пробѣлы, за которые огромными потоками крови заплатилъ русскій народъ...

Однако, несмотря на эти пробѣлы, черезъ $2^1/_2$ года войны, въ началѣ 1917 года, для нашего верховнаго командованія было уже ясно, что Россійская армія выходитъ побѣдительницей изъ Міровой войны.

Но не выдержало грознаго экзамена русское общество.

На-лицо результаты пацифистическаго воспитанія народа, недостаточнаго уваженія къ своей собственной силѣ — своей арміи...

Какъ горько было намъ, офицерамъ, въ довоенные годы видѣть къ себѣ въ своемъ народѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ интеллигентной части его, презрѣніе, а порою и ненависть!

„Бездѣльники“, „опричники“, „дармоѣды“ — вотъ тѣ комплименты, что мы часто слышали, и всегда чувствовали

со стороны тѣхъ, за кого мы должны были отдавать нашу жизнь.

Это не слова, это тяжелая, но несомнѣнная правда.

Въ 1901 году я кончалъ гимназію въ Петербургѣ, кончалъ хорошо, съ медалью. Заявилъ о желаніи поступить въ военное училище. Всѣ преподаватели меня отговаривали; дважды вызывался я на квартиру директора для убѣжденія отказаться отъ моего „некультурнаго“ желанія. „Это позоръ для гимназіи“, — говорилъ мнѣ директоръ.

„Вѣдь кто идетъ въ офицеры? Только идіоты или неудачники“ — говорили другіе.

Воинская повинность разсматривалась, какъ что-то дикое, непріемлемое для культурнаго человѣка. Это была не почетная обязанность, а тяжелая кара, почти каторга.

Такъ увѣряли наши либералы, такъ часто думалъ простолюдинъ, и, что всего удивительнѣе, — соотвѣтственно поступало и правительство.

Студентовъ, за участіе въ безпорядкахъ, „сдавали въ солдаты“. Учителей всѣхъ категорій освобождали отъ отбыванія воинской повинности. Офицеры были обречены на полунищенское существованіе.

Либерали наши были настолько убѣждены въ несомнѣнной безмысленности воинской службы, что считали, что и офицеры не могутъ не понимать этого.

Помню, какъ въ засѣданіи военно-окружного суда въ 1906 г. адвокатъ-защитникъ (если мнѣ не измѣняетъ память — самъ будущій „главковерхъ“ Керенскій) такъ распинался за своего подзащитнаго солдата-новобранца: „Господа судьи (генералъ и 2 гвардейскихъ полковника); вѣдь подсудимый интеллигентный и сознательный человѣкъ; что же могъ онъ, попавъ въ казарму, почувствовать, кромѣ ненависти къ военному режиму?“.

Какая же армія можетъ быть у народа, который такъ смотритъ на нее — свою силу и свою защитницу?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и должны послужить мои воспоминанія о трехлѣтнемъ кровавомъ испытаніи, выпавшемъ на долю русскаго народа.

Однако пусть не подумаетъ читатель, что я занялся оплевываніемъ родной арміи. Нѣтъ, я хочу въ самомъ правдивомъ, простомъ и непосредственномъ описаніи всего мною пережитого, описаніи войны такъ, какъ она дѣйствительно протекала, нарисовать картину величія духа русскаго офицера и солдата, картину колоссальной работы и неисчислимыхъ мукъ, принесенныхъ русскими воинами на алтарь оте-

чества, и, на-ряду съ этимъ, картину тѣхъ вопіющихъ недочетовъ, съ наличіемъ которыхъ мы вышли на театръ Міровой войны и которые мы сумѣли побороть и исправить уже къ 1916 году, побѣдивъ прежде всего самихъ себя.

Но откуда же эти недочеты?

Прежде всего оттуда, что „въ офицеры должны итти только идіоты или неудачники“, а все талантливое и волевое не должно итти въ армію. Затѣмъ оттого, что нищенски оплаченный государствомъ офицеръ постепенно засасывался жизнью, полной нужды и мыслей о кускѣ хлѣба, оттого, что при нищенскихъ пенсіяхъ и отсутствіи заботы государства объ оставившихъ службу офицерахъ, офицерскій составъ застарѣвалъ на службѣ, теряя съ годами и недугами свою воинскую годность и, въ тоже время, не давая хода молодымъ. Затѣмъ оттого, что недостатокъ общественнаго расположенія отдалилъ армію отъ общества, затворилъ ея офицерскій составъ въ отдѣльную касту, со всѣми недостатками кастоваго устройства и кастовой психологіи.

Эти причины не отразились на духѣ офицерскаго состава въ его массѣ, ибо безконечно великъ духъ Русскаго человѣка. Но онѣ, во-первыхъ создавали застой въ творческой дѣятельности мозга нашей арміи: онѣ долго удерживали и развивали безвольное и оторванное отъ жизни направленіе нашего военнаго искусства, приведшее насъ въ 1904—5 годахъ къ ряду пораженій въ Русско-Японской войнѣ; во-вторыхъ онѣ способствовали застарѣнію и недостаточной подготовкѣ средняго командного состава (баталіонныхъ и, частью, полковыхъ командировъ); въ-третьихъ, онѣ особенно отразились на подборѣ и подготовкѣ высшаго командного состава, недостатки котораго ярко проявились въ Русско-Японскую войну.

Огромная подготовительная и реформаціонная работа, о которой я упомянулъ выше, не смогла изгладить всѣхъ этихъ недочетовъ, такъ какъ неустранимы въ краткій срокъ были ихъ причины.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы читатель вынесъ изъ этой книги убѣжденіе, что армія и военное дѣло должны быть не только уважаемы обществомъ, но и обожаемы всѣмъ народомъ, если народъ этотъ *желаетъ жить*.

I. ОТЪ МИРА КЪ ВОЙНѢ.

Парадъ въ Красномъ Селѣ. Перерывъ лагернаго сбора. Предмобилизаціонное положеніе. Объявлеіе мобилизаціи. Отъѣздъ изъ Петербурга.

Въ іюлѣ 1914 года я ожидалъ перевода въ генеральный штабъ. Въ качествѣ причисленнаго къ нему, выполнивъ всѣ требовавшіеся закономъ цензы, я былъ на лѣто 1914 года прикомандированъ къ Штабу войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, т. к. предназначенная мнѣ вакансія въ штабѣ XXII арм. корпуса, въ Гельсингфорсѣ, еще не была свободна.

Ольгинъ день, 11 іюля, въ лагерѣ при Красномъ Селѣ.

Яркое солнечное утро. Повсюду движеніе и суета. Двигаются куда-то части войскъ. Гремитъ музыка.

Но это еще не война. Правда, политическій горизонтъ послѣднихъ дней сталъ темнѣть, но о войнѣ нѣтъ еще даже и разговоровъ.

Это только сборъ на парадъ войскъ Петербургскаго военнаго округа въ честь почетнаго и дорогого гостя — президента Французской Республики Пуанкарэ.

Среди предпарадной суеты, которая хорошо знакома каждому офицеру мирнаго времени, меня въ это утро задѣли и остались въ памяти два штриха, явившіеся какъ бы предвозвѣстниками грядущихъ событій, но не военныхъ, а тѣхъ, которыя расцвѣли въ концѣ войны, въ 1917 г.

Первый — это была пріятная вѣсть, что казачьи гвардейскіе полки, двинутые въ предыдущіе дни въ фабричные раіоны, ввиду начавшихся на заводахъ безпорядковъ и забастовокъ, смогутъ все же участвовать въ парадѣ, такъ какъ безпорядки оказались несерьезными. Слѣдовательно отпадало опасеніе, что даже въ день военной манифестаціи нашихъ союзныхъ чувствъ мы вынуждены будемъ сознаться передъ главой союзной Франціи въ нашемъ неблагополучіи внутри государства. Слава Богу, у рабочихъ хватило тогда патріотическаго чувства, чтобы распознать антигосударственную агитацію и удержаться...

Вторымъ — даже не штрихомъ, а штришкомъ былъ поразившій меня отвѣтъ одного изъ причисленныхъ къ гене-

ральному штабу офицеровъ послѣдняго выпуска академіи, поручика Рихтера, съ началомъ войны переименовавшагося въ Строева. На дружеское ему указаніе, что онъ неправильно одѣлъ шарфъ, этотъ поручикъ, чрезвычайно самоувѣренный молодой человѣкъ, съ блѣднымъ лицомъ и злыми глазами, отвѣтилъ тономъ нескрываемой ненависти: „Я не привыкъ обращать вниманіе на такія глупости. И, что мнѣ до того, какъ я имъ покажусь!“

Слова эти, а, главное, тонъ, настолько несоотвѣтствовали и общему настроенію, и, вообще порядкамъ и манерамъ петербургскаго штаба, что всѣ, услывавшіе отвѣтъ переглянулись, но, съ принятою въ генеральномъ штабѣ корректностью, удивленно промолчали.

Въ революцію, переименованный поручикъ Рихтеръ оказался, конечно, въ большевицкихъ рядахъ. При случаѣ, впрочемъ, прикинулся и бѣлымъ.

Описывать общей картины парада не буду. Желающій увидѣть ее найдетъ ея талантливое изображеніе въ I т. романа Краснова „Отъ двуглаваго орла къ красному знамени“. Хотя тамъ описанъ и не именно этотъ парадъ, но всѣ красносельскіе парады въ общихъ чертахъ были одинаковы. Я же остановлюсь лишь на тѣхъ его особенностяхъ, которыя, вопервыхъ, могли быть замѣчены лишь спеціалистомъ, а, вовторыхъ, относятся къ темѣ этихъ воспоминаній, т. е. не къ просто замѣченному или просто случившемуся, а къ „*пережитому*“.

Послѣ грохота барабановъ и величественныхъ звуковъ оркестровъ при встрѣчѣ монарха и президента, послѣ безконечныхъ переливовъ и перекатовъ „Боже, царя храни“ и „ура“ при продолжительномъ объѣздѣ войскъ, начался церемоніальный маршъ.

Государь, какъ всегда, сталъ на конѣ впереди Царскаго валика. На валикѣ, въ креслахъ, заняли мѣста Государыня, Пуанкарэ, во фракѣ и голубой андреевской лентѣ, и великія княжны.

За взводомъ полевыхъ жандармовъ, открывавшихъ церемоніальный маршъ войскъ, двигалась высокая фигура главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича, на высокомъ, породистомъ конѣ.

За нимъ — ген. Гулевичъ, начальникъ штаба Петербургскаго военнаго округа.

Затѣмъ, въ одну шеренгу, нѣсколько генераловъ штаба; затѣмъ, въ двѣ длинныя шеренги, офицеры штаба, всѣ, конечно, верхами.

За нами шелъ Собственный Его Величества Конвой.

Пройдя мимо Государя, великій князь заѣхалъ галопомъ къ нему, а штабъ, пройдя линію выстроенныхъ правѣе и нѣсколько позади Государя иностранныхъ военныхъ агентовъ въ ихъ разнообразныхъ формахъ, заѣхалъ плечомъ и выстроился позади этихъ агентовъ, бывшихъ также верхами.

Послѣ заѣзда, я оказался позади и промежуткѣ между германскимъ и австро-венгерскимъ военными агентами и потому мнѣ пришлось наблюдать не только войска, но и впечатлѣніе, которое они производили на тѣхъ, кто представлялъ арміи, съ которыми мы черезъ 8 дней были въ войнѣ.

Никогда еще красносельскій лагерь не видѣлъ такого церемоніальнаго марша. Здѣсь были собраны, сверхъ гвардіи, почти всѣ войска Петербургскаго округа и нѣкоторые полки другихъ округовъ. Были приняты всѣ мѣры ускоренія прохожденія: пѣхота, черезъ полкъ, шла то шагомъ, то бѣгомъ, стрѣлки — всѣ бѣгомъ, артиллерія рысью, безконечные полки конницы — галопомъ.

И тѣмъ не менѣе церемоніальный маршъ длился $2^1/_2$ часа!

Войска проходили блестяще. Хотя армія наша и сильно грѣшила увлеченіемъ такъ называемой „шагистикой" и муштрой въ ущербъ полевому обученію войскъ, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать огромнаго моральнаго значенія этихъ упражненій въ разумномъ количествѣ. Мѣрный, точный шагъ огромныхъ колоннъ, обращая каждаго отдѣльнаго человѣка въ автоматъ, а всю колонну въ огромную величественную машину, несомнѣнно воспитываетъ въ воинѣ то чувство непобѣдимости, которое жило въ хорошихъ полкахъ до самаго революціоннаго развала русской арміи и которое есть конечная цѣль моральной подготовки мирнаго времени.

Мнѣ много пришлось видѣть парадовъ, но такого выраженія мощи, духа, порядка и красоты я никогда не видалъ.

Правда, войска были не въ красивыхъ мундирахъ зимняго времени, а въ простой и удобной походной формѣ—защитныхъ рубахахъ. Для любителей блеска и мишуры, это, быть можетъ, было недостаткомъ, но на меня именно это произвело еще большее впечатлѣніе. Влѣво мнѣ были видны фигуры высочайшихъ особъ на Царскомъ валикѣ. Пуанкарэ вставалъ и приподнималъ свой цилиндръ при прохожденіи каждаго знамени или штандарта. Государыня и великія княжны вставали и, стоя, пропускали свои шефскіе полки.

А передо мной оба нашихъ будущихъ непріятеля настолько были подъ впечатлѣніемъ видимаго ими, что забы-

вались и не могли побороть волненія, выдавая то, чего мы еще не знали...

За пѣхотными полками шли ихъ пулеметныя команды. Ихъ въ предшествовавшіе годы не выводили на парадъ. За полками Гв. Стрѣлковой бригады, шедшимн бѣгомъ, проходили на рысяхъ пулеметы на вьюкахъ. За кавалерійскими полками такія же вьючно-пулеметныя команды шли широкимъ полевымъ галопомъ. Нѣмецъ и австріецъ волновались все больше и больше и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, въ пылу увлеченія, нагнулся въ сторону сосѣда, смотрѣвшаго въ эту минуту въ сторону, и началъ его дергать за мундиръ, а потомъ оба вытянули свои правыя руки въ сторону проходившихъ пулеметовъ и громко, перебивая другъ друга, стали дѣлиться впечатлѣніями.

Я тоже наклонился къ своему сосѣду и тронулъ его рукой, мы переглянулись и кивнули головами. Послѣ парада мы сказали другъ другу одновременно:

„Война будетъ — это ясно!".

Для меня лично волненіе этихъ господъ является лучшимъ доказательствомъ того, что они уже знали, что произойдетъ, и, если прохожденіе войскъ было для насъ просто парадомъ и манифестаціей франко-русскаго союза, то для нихъ — это было прохожденіемъ непріятельской арміи, непосредственно передъ рѣшительнымъ сраженіемъ.

И не странно-ли? Теперь, когда я пишу эти строки, я, уже справилъ 10-лѣтіе своего изгнанія, а они, если живы, вспоминаютъ, одинъ — пораженіе своей родины, а другой — ея полную гибель!

Дѣйствительно было отъ чего притти въ волненіе...

А въ это время посолъ Австро-Венгріи въ Сербіи, баронъ Гизлъ передавалъ сербскому правительству ультиматумъ, относительно котораго самъ сказалъ на другой день одному журналисту:

„Еще не было государства, которое приняло бы такія условія"...

. . . .

Церемоніальный маршъ кончился. Старшіе начальники окружили Государя. Отдавались какія-то распоряженія. Въ разныя стороны поскакали ординарцы и болѣе высокіе чины. Въ памяти у меня врѣзалась фигура генералъ-квартирмейстера, генерала Эрдели, который поскакалъ куда-то въ направленіи лагеря такимъ карьеромъ, что ему позавидовалъ бы любой корнетъ...

. . . .

Съ момента окончанія парада начинался 3-дневный „перерывъ лагернаго сбора“ и большая часть офицеровъ могла на 3 дня отлучиться изъ лагеря. Я имѣлъ соотвѣтствующее разрѣшеніе и спѣшилъ имъ воспользоваться.

Заѣхавъ въ штабъ, я переодѣлся, наскоро позавтракалъ въ штабной столовой, получилъ отъ моего начальника, полковника Шуберскаго, подтвержденіе отпуска и обѣщаніе вызвать меня, „если что“, телеграммой, и черезъ часъ былъ на платформѣ Красносельской станціи.

Курьерскій поѣздъ, который долженъ былъ везти меня въ Нарву, задерживался и благодаря этому я сталъ свидѣтелемъ отъѣзда царской семьи въ Петергофъ. На запасную вѣтку, около парадныхъ комнатъ вокзала, былъ поданъ императорскій составъ и вскорѣ прямо противъ меня въ большомъ окнѣ вагона появилась Государыня съ Пуанкарэ. Онъ что то говорилъ, весело улыбаясь. Она привѣтливо улыбалась въ отвѣтъ. Въ глубинѣ вагона мелькали фигуры Государя и великихъ княженъ. Стоявшіе на перронѣ главной линіи офицеры вытянулись, а бывшія вмѣстѣ съ ними дамы стали кричать ура. И Государыня, и президентъ весело кланялись. Лица ихъ казались совершенно беззаботными. Императорскій поѣздъ тронулся и скрылъ отъ насъ царскую семью, которую, кромѣ Государя, мнѣ не пришлось уже увидѣть...

Съ радостнымъ чувствомъ національной гордости, созданнымъ картиною военной мощи Россіи, и почти школьнической радостью предвкушенія отдыха и морского купанья въ Гунгербургѣ, куда я ѣхалъ, уносился я въ удобномъ вагонѣ... Если бы мнѣ кто-нибудь тогда сказалъ о близости міровой катастрофы, я, вѣроятно, разсмѣялся бы...

Тѣнь опасенія, мелькнувшая во время парада, скрылась среди этого чувства радости...

А наши братья въ Бѣлградѣ уже ощущали приближеніе ужаса...

Три дня на берегу моря прошли незамѣтно. Правда, пришли газеты, принесшія вѣсть объ автро-венгерскомъ ультиматумѣ, правда, какъ то сразу исчезли въ гунгербургской шумливой толпѣ появившіеся было одновременнно со мной многочисленные офицеры...

Я, не имѣя среди нихъ близкихъ знакомыхъ и отвлеченный кромѣ того очень важнымъ для меня личнымъ дѣломъ, не обратилъ какъ то на это особеннаго вниманія. Въ ночь на 16-е я предполагалъ вернуться къ мѣсту службы.

15-го, въ день Св. Владиміра, подъ вечеръ поползли какіе-то мрачные слухи. На пляжѣ, гдѣ я гулялъ съ женой,

стали ко мнѣ подходить незнакомые люди и спрашивать меня, какъ офицера, о возможности войны и безопасности Гунгербурга.

Помню, какъ ярко-багровое солнце опускалось въ воды Финскаго залива, а я совѣтовалъ женѣ немедленно покинуть Гунгербургъ, если дѣйствительно будетъ объявлена война: нѣмецкій дессантъ въ устьѣ Наровы въ моментъ начала военныхъ дѣйствій считался у насъ въ штабѣ возможнымъ. Я обѣщалъ телеграфировать условно: „бабушка опасно заболѣла", если окажется опасность. Помню, что все это я говорилъ, болѣе для „краснаго словца", а въ фактическую возможность не вѣрилъ...

Въ полночь пароходъ увозилъ меня вверхъ по Наровѣ въ толпѣ другихъ пассажировъ беззаботно дачнаго типа.

А на бѣлградской набережной въ это время уже гремѣли первые выстрѣлы Міровой войны.

. . . .

Сѣвъ среди ночи въ курьерскій поѣздъ въ Нарвѣ и съ удовольсгвіемъ найдя пустое купе, я улегся спать, приказавъ кондуктору разбудить меня при прохожденіи Дудергофа, гдѣ поѣздъ не останавливался, т. е. за 5 минутъ до Краснаго Села.

Кондукторъ былъ точенъ: когда онъ меня растолкалъ, въ окнѣ вагона мелькалъ фасадъ Дудергофскаго вокзала. Я всталъ и вышелъ на площадку. Сейчасъ будетъ Военная платформа, а, не доходя до нея, у полотна маленькое изящное офицерское собраніе Л.-Гв. Стрѣлковаго Артиллерійскаго дивизіона — моей родной части, форму которой я еще носилъ...

Вотъ оно! Но что это: окна заколочены досками, палатокъ солдатскаго лагеря нѣтъ, не видно ни души. Дальше виднѣлся въ такомъ же заколоченномъ видѣ баракъ Пажескаго корпуса... Мы проходимъ совершенно пустую Военную платформу... Что это значитъ? Да не сонъ ли это? Куда же все это дѣлось? Я обернулся къ какому то незнакомому офицеру, стоявшему на площадкѣ:

— „Скажите пожалуйста, что же это съ лагеремъ?".

— „Да что вы, съ луны что-ли свалились, штабсъ-капитанъ?".

— ? !

— Да уже 3 дня, какъ всѣ войска ушли въ Петербургъ — вѣдь объявлено предмобилизаціонное положеніе!".

. . . .

Красное Село. Я бросился на извощика и поспѣшилъ въ штабъ.

Предъ штабомъ стояло нѣсколько телѣгъ, на которыя солдаты грузили штабное имущество. На верху одного изъ этихъ возовъ возвышалась фигура моего деньщика Рыбина, старавшагося привязать поверхъ всѣхъ прочихъ вещей еще и мой письменный столъ.

Совершенно вѣрно: войска лагеря уже давно въ Петербургѣ. Штабъ округа еще не ушелъ, но уйдетъ сейчасъ, послѣ завтрака. Офицеры штаба поѣдутъ прямо автомобилями.

Я поспѣшилъ въ штабную столовую.

Тамъ узналъ я о событіяхъ предшествующихъ дней. Разсказывали, что утромъ 12-го (или 13-го?) въ Красносельскомъ дворцѣ Государю было доложено содержаніе австро-венгерскаго ультиматума Сербіи (или уже отвѣта Австро-Венгріи на нашу ноту по поводу ультиматума). Говорили, что при этомъ у Государя были вел. князь Николай Николаевичъ, Сухомлиновъ и Сазоновъ. Государь будто бы былъ столь возмущенъ содержаніемъ ноты, что вскочилъ и такъ сильно ударилъ стуломъ объ полъ, что стулъ сломался. Государь приказалъ объявить „предмобилизаціонное положеніе" во всей Россіи, а затѣмъ вызвалъ выпускныхъ юнкеровъ къ дворцу.

Въ училищахъ ничего не ожидали, производство должно было быть еще черезъ мѣсяцъ. Юнкера разныхъ училищъ толпами, въ разнообразной формѣ, спѣшили къ дворцу. Государь вышелъ къ нимъ, сказалъ имъ нѣсколько словъ о нападеніи австрійцевъ на братьевъ-славянъ и поздравилъ ихъ офицерами.

Несмотря на волненія этого дня, на то, что въ силу объявленія предмобилизаціоннаго положенія всѣ войска красносельскаго лагернаго сбора въ этотъ же день уходили на свои зимнія квартиры, Государь тѣмъ не менѣе, соблюдая расписаніе празднествъ въ честь Пуанкарэ, былъ на парадномъ спектаклѣ въ красносельскомъ императорскомъ театрѣ. Публика устроила ему и Пуанкарэ чрезвычайно одушевленную патріотическую манифестацію.

Къ утру слѣдующаго дня лагерь опустѣлъ.

Все это мнѣ разказывали отдѣльные офицеры штаба среди шумныхъ и сумбурныхъ разговоровъ передъ завтракомъ. Отвѣчало ли все это истинѣ, или сюда вкрались и штабныя сплетни — не знаю.

За завтракомъ общее вниманіе привлекъ разсказъ одного изъ причисленныхъ къ генеральному штабу офицеровъ, только что вернувшагося изъ Кронштадта. Онъ былъ туда

посланъ наканунѣ, чтобы передать коменданту крѣпости разрѣшеніе великаго князя главнокомандующаго изъять изъ мѣстной конторы государственнаго банка крупную сумму (кажется, 250.000 руб.) на расходы по минированію моря въ крѣпостномъ раіонѣ. Дѣло въ томъ, что выдача этой суммы и начало работъ по плану приведенія крѣпости на военное положеніе были назначены на 1-й день мобилизаціи. Великій князь считалъ однако болѣе осторожнымъ поставить минное загражденіе еще въ предмобилизаціонный періодъ, ввиду представлявшейся возможности, какъ я говорилъ выше, появленія германскаго флота въ Финскомъ заливѣ въ самые первые моменты военныхъ дѣйствій. Великій князь бралъ отвѣтственностъ за преждевременное израсходованіе денегъ на себя, что по бюрократическимъ взглядамъ мирнаго времени казалось дѣломъ большого гражданскаго мужества. Каково же было удивленіе офицера, когда, узнавъ о распоряженіи великаго князя, комендантъ крѣпости отвѣтилъ:

„Доложите его императорскому высочеству, что деньги взяты изъ казначейства на мою личную отвѣтственность два дня тому назадъ и постановка миннаго загражденія уже заканчивается".

Совершенное отсутствіе въ нашей арміи личной инициативы и неспособность начальниковъ самостоятельно принимать рѣшенія — были отличительными нашими чертами въ періодъ Японской войны. Приведенный фактъ свидѣтельствовалъ, что въ Міровую войну мы вступали съ признаками значительнаго успѣха въ волевомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, первый періодъ военныхъ дѣйствій все же показалъ, что этотъ успѣхъ далеко не былъ достаточнымъ.

Послѣ завтрака колонна легковыхъ автомобилей штаба округа двинулась въ Петербургъ. День былъ чудный. Настроеніе у всѣхъ повышенное, однако разнообразнѣйшія мысли и чувства образовали въ головѣ какой-то сумбуръ.

За время пути у меня созрѣло рѣшеніе воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что я еще не переведенъ въ генеральный штабъ, и, отказавшись отъ этого перевода, вернуться къ себѣ, въ строй гвардейской артиллеріи. По закону я имѣлъ на это право. Теперь мнѣ трудно объяснить причины этого желанія.

Въ психологіи строевого офицера временъ до Міровой войны было твердое предубѣжденіе противъ штабной службы, предубѣжденіе, созданное отрицательными чертами штабныхъ офицеровъ всего долгаго предшествующаго періода. И даже у такого офицера, какимъ былъ я, т. е. у избравшаго уже штабную службу и 6 лѣтъ къ ней подготовлявшагося, все же

въ глубинѣ души таилось это предубѣжденіе и хотѣлось, разъ пришелъ часъ настоящей службы — война, провести его наиболѣе достойно — въ строю.

Поэтому, по пріѣздѣ въ Петербургъ, я немедленно отправился въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Но тамъ мнѣ отвѣтили коротко и ясно:

„Уже поздно: вы переведены въ генеральный штабъ. Высочайшій приказъ подписанъ 15-го".

. . . .

На своей городской квартирѣ я нашелъ своего родственника, подпоручика Новочеркасскаго полка Демьянова. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ принято было въ полку объявленіе предмобилизаціоннаго положенія.

Полкъ былъ во Владимірскомъ лагерѣ у ст. Струги-Бѣлая, но отдѣльные его баталіоны были высланы на тушеніе лѣсныхъ пожаровъ въ Ярославскую и Вологодскую губерніи. Въ Петербургѣ, въ казармахъ полка на Малой Охтѣ, находилась лишь небольшая „оставшаяся команда" изъ нестроевыхъ чиновъ при двухъ офицерахъ. Въ моментъ полученія приказа о предмобилизаціонномъ положеніи въ офицерскомъ собраніи сидѣлъ еще одинъ, случайно зашедшій офицеръ полка, находившійся въ отпуску. Ему было приказано немедленно изъ собранія вести караулъ изъ первыхъ же попавшихся нестроевыхъ къ одному изъ жел.-дорожныхъ мостовъ на вѣткѣ, соединявшей Финляндскую жел. дорогу съ Николаевской. Другой офицеръ повелъ караулъ къ другому мосту. Въ секретномъ пакетѣ былъ указанъ срокъ выставленія карауловъ. До него оставалось менѣе часа, а разстояніе было около 6 верстъ. Караулы все время двигались бѣгомъ. Смѣны имъ до прибытія въ казармы баталіоновъ полка, не было.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что такое было наше „предмобилизаціонное положеніе". Долженъ оговориться, что свѣдѣнія о немъ имѣю отрывочныя и потому, можетъ быть, мое представленіе и не будетъ вполнѣ точнымъ.

Планъ всеобщей мобилизаціи бралъ за исходное положеніе, что всѣ части войскъ въ 1-й день мобилизаціи будутъ находиться въ мѣстахъ своего постояннаго квартированія. Между тѣмъ мобилизація могла быть объявлена въ такое время, какъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ, когда войска находятся въ лагерныхъ сборахъ, а отдѣльныя части въ различныхъ командировкахъ. Объявленіе „предмобилизаціоннаго положенія" предвидѣло возвращеніе всѣхъ войскъ въ свои казармы, вызовъ отпускныхъ чиновъ, окончательную повѣрку мобилизаціонныхъ плановъ и т. п.

Но было и еще одно очень важное мѣропріятіе предмобилизаціоннаго періода — это взятіе подъ охрану мостовъ и другихъ техническихъ сооруженій на всѣхъ важныхъ въ военномъ отношеніи (для движенія войскъ и призываемыхъ запасныхъ при мобилизаціи и сосредоточеніи арміи) желѣзнодорожныхъ путяхъ. Помню, что еще въ 1910 году, въ бытность мою слушателемъ академіи генеральнаго штаба, я слышалъ отъ одного изъ нашихъ руководителей, что есть свѣдѣнія, будто бы съ началомъ въ Россіи мобилизаціи, германскіе агенты будутъ пытаться взорвать у насъ возможно большее число желѣзнодорожныхъ мостовъ. При этомъ наше секретное наблюденіе будто бы установило проживаніе вблизи многихъ нашихъ мостовъ подозрительныхъ лицъ, германцевъ или германскаго происхожденія. На мой вопросъ, неужели же эти лица не арестуются, послѣдовалъ отвѣтъ, что, если это сдѣлать, то сосѣдями будутъ командированы другія лица и въ другія мѣста. Поэтому мы дѣлаемъ видъ, что не замѣчаемъ этого обстоятельства, а аресты и еще одно очень важное и секретное мѣропріятіе общаго характера будутъ произведены въ минуту надобности.

И дѣйствительно, не одни Новочеркассцы выставляли спѣшно караулы для охраны мостовъ. Охрана появилась въ этотъ день повсемѣстно по всему государству, гдѣ возможно — отъ войскъ, тамъ же, гдѣ войскъ не было — отъ полиціи или прямо отъ крестьянскихъ общинъ. Такимъ образомъ желѣзныя дороги были взяты подъ охрану еще за нѣсколько дней до мобилизаціи, лишь при предположеніи, что политическая обстановка сможетъ потребовать ея объявленіе.

Германскій стратегическій планъ войны повидимому совершенно игнорировалъ возможность быстраго осуществленія русской мобилизаціи и быстраго сосредоточенія войскъ къ нашей западной границѣ. На этомъ игнорированіи, очевидно и зиждился германскій планъ вторженія въ Бельгію и Францію почти всѣми германскими силами. Несомнѣнно, что наше вторженіе въ Восточную Пруссію въ началѣ августа явилось для германцевъ неожиданнымъ и непредвидѣннымъ, разъ потребовалось пресловутое снятіе съ праваго германскаго (ударнаго) крыла армій, наступавшихъ къ Парижу, 3-хъ корпусовъ и отправка ихъ на русскій фронтъ. Кто знаетъ, можетъ быть именно установленіе русскаго предмобилизаціоннаго положенія спасло Францію отъ пораженія на Марнѣ. Дѣйствительно, наше „предмобилизаціонное положеніе" было установлено вполнѣ секретнымъ порядкомъ и войсковыя части, полицейскія управленія и волостныя правленія не подо-

зрѣвали, что за распоряженія скрываются въ особомъ секретномъ пакетѣ, хранившемся запечатаннымъ до особаго приказанія...

. . . .

Подъ вечеръ 16-го іюля я былъ снова въ штабѣ округа и узналъ, что мобилизація объявлена, но... только южныхъ округовъ. Въ штабѣ царило недоумѣніе, ибо многимъ было извѣстно, что нашъ мобилизаціонный планъ предвидѣлъ только всеобщую мобилизацію всего государства.

Съ точки зрѣнія дипломатической, объявленіе мобилизаціи только южныхъ округовъ, т. е. угроза войной одной только Австро-Венгріи, напавшей на Сербію, было, можетъ быть, разумнымъ шагомъ или, правильнѣе, могло казаться таковымъ. Въ концѣ-концовъ вѣдь всякому было ясно, что, въ случаѣ войны Австро-Венгріи съ Россіей, Германія не останется нейтральной. Но, можетъ быть, наша рѣшительная угроза могла заставить Германію, если допустить, что она войны не желала, воздѣйствовать на своего союзника и остановить его наступленіе на Сербію? Едва ли... Но не въ этомъ лежала вся тяжесть неожиданно вставшаго передъ Россіей мобилизаціоннаго вопроса. Тяжесть эта заключалась въ томъ, что осуществить сколько-нибудь гладко мобилизацію однихъ южныхъ округовъ мы не могли, такъ какъ соотвѣтствующаго плана мобилизаціи мы не имѣли. И, что было еще безконечно важнѣе, если бы мы все же попытались осуществить такую мобилизацію, то начать нѣсколькими днями позже отдѣльную мобилизацію сѣверныхъ округовъ (если бы дѣйствія Германіи этого потребовали) мы были бы совершенно не въ состояніи. Только 1-й день мобилизаціонныхъ работъ могъ пройти гладко. Начиная со 2-го дня планъ нашъ предвидѣлъ массовыя перевозки запасныхъ изъ южной половины государства въ сѣверную и обратно и, слѣдовательно, отдѣльная мобилизація той или другой половины нарушала въ корнѣ эти разсчеты, чрезвычайно сложные (мобилизаціонный планъ разрабатывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ).

Поэтому понятно, какое волненіе охватило посвященныхъ въ это дѣло лицъ, когда они узнали, что принято рѣшеніе, которое, еще до начала военныхъ дѣйствій, ставило русскую армію передъ лицомъ катастрофы. Совершенно загадочнымъ являлось то обстоятельство, что военный министръ ген. Сухомлиновъ, являлся участникомъ совѣщанія у Государя 16-го іюля по этому важнѣйшему вопросу и, если вѣрить пока опубликованнымъ даннымъ, не возражалъ про-

тивъ формы мобилизаціи, грозившей Россіи столь ужасными послѣдствіями.

Единственнымъ способомъ исправить сдѣланную ошибку было объявленіе въ теченіе 17 іюля всеобщей мобилизаціи съ задержаніемъ мобилизаціи южныхъ округовъ на 1 день.

Наступило 17-е іюля. Я съ утра былъ въ штабѣ и пробылъ тамъ весь день, отлучаясь лишь на самое короткое время. Это былъ тягостный день. Въ штабѣ работы не было, привезенныя изъ лагеря дѣла лежали еще нераспакованными. Никому не хотѣлось начинать мирной работы, когда несомнѣнно грозила война.

Кто-то изъ офицеровъ показалъ мнѣ номеръ „Русскаго Инвалида" отъ того дня. Вся первая его страница и часть второй были заняты обычнымъ Высочайшимъ приказомъ отъ 15 іюля. Самой послѣдней его статьей были слѣдующія слова:

„*Назначается* причисленный къ Генеральному Штабу Л. Гв. Стрѣлковаго Артиллерійскаго Дивизіона Штабсъ-Капитанъ *Сергѣевскій* оберъ-офицеромъ для порученій при Штабѣ XXII арм. корпуса, съ переводомъ въ Генеральный Штабъ и съ переименованіемъ въ Капитаны".

Сейчасъ же подъ этой статьей была толстая черная черта, знаменовавшая собою конецъ мирнаго положенія арміи, и далѣе шелъ крупный заголовокъ

„Высочайшій указъ о мобиливаціи"

и текстъ указа о мобилизаціи южныхъ округовъ.

Странная у меня судьба: я кончилъ гимназію въ 1901 г., въ въ послѣднемъ выпускѣ, шедшемъ при полной классической программѣ; кончилъ артиллерійское училище въ годъ его переформированія; кончилъ академію тоже въ послѣднемъ выпускѣ по старому порядку; наконецъ, переведенъ въ генеральный штабъ послѣднимъ въ своемъ выпускѣ (изъ-за 4-мѣсячнаго отпуска по болѣзни въ 1913 г.) и послѣдней статьей мирнаго времени!

. . . .

Томительно протекалъ день... Циркулировали противорѣчивые слухи, и несмотря на то, что Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, то мѣсто, откуда должно было выйти распоряженіе о всеобщей мобилизаціи въ видѣ телеграммъ непосредственно командирамъ полковъ всей Россіи, находилось прямо противъ штаба округа (черезъ площадь), въ 8 часовъ вечера даже старшіе чины штаба округа еще ничего навѣрное не знали.

Въ началѣ 9-го часа всѣ офицеры генеральнаго штаба, вмѣстѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ, ген. Эрдели, какъ то сами собой собрались въ строевомъ отдѣленіи штаба, вѣроятнѣе всего потому, что изъ оконъ этого отдѣленія, широко открытыхъ, видно было это пресловутое и сейчасъ такое загадочное ГУГШ *) и насъ всѣхъ безсознательно тянуло къ этимъ окнамъ. Окна были въ первомъ этажѣ, выходили на Дворцовую площадь, всегда пустынную, но сейчасъ весьма оживленную. Группы людей самаго разнаго званія, но большею частью — молодежь, толпились на ней. Нѣкоторыя группы были съ національными флагами и стояли передъ Зимнимъ Дворцомъ, служившимъ для нихъ, вѣроятно, лишь символомъ власти, ибо во дворцѣ завѣдомо не было ни Государя, ни другихъ высочайшихъ особъ.

Многіе, видя въ нашихъ окнахъ большую группу офицеровъ въ аксельбантахъ, толпились вблизи нихъ и по-временамъ спрашивали:

„Господа офицеры, ради Бога скажите, объявлена-ли мобилизація?"

Мы отвѣчали, что сами еще не знаемъ.

Я помню и сейчасъ еще совершенно отчетливо то тяжелое, щемящее чувство ожиданія, которое охватывало не меня одного, но, вѣроятно, всѣхъ насъ, т. к. всѣ волновались ужасно.

Для читателей, не представляющихъ себѣ ясно всей сложности, величины и значенія мобилизаціонныхъ работъ, я скажу позже нѣсколько строкъ.

Около 8½ часовъ, въ строевое отдѣленіе вбѣжалъ писарь и доложилъ подполковнику Сахарову, завѣдывавшему мобилизаціоннымъ отдѣленіемъ штаба округа:

„Ваше высокоблагородіе, васъ просятъ къ телефону".

Сахаровъ вышелъ и черезъ минуту вернулся.

„Господа", сказалъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ, „адъютантъ Печорскаго полка изъ Нарвы доложилъ мнѣ, что у нихъ получена телеграмма „вскрыть четвертый".

— „Значитъ рѣшено?" спросилъ его ген. Эрдели.

„Нѣтъ, подождемъ: можетъ быть ошибка..."

— „Ваше высокоблагородіе, васъ къ телефону", перебилъ его снова появившійся писарь.

Черезъ минуту Сахаровъ сообщалъ намъ, что въ въ

*) ГУГШ — Главное Управленіе Генеральнаго Штаба — сокращенное названіе, которое было принято въ телеграфной перепискѣ, а также и въ разговорѣ.

200 Кроншлотскомъ полку въ Кронштадтѣ получено „вскрыть четвертый“, но его уже опять звали къ телефону. И еще черезъ минуту милѣйшій и всѣми любимый Валеріанъ Валеріановичъ*) со слезами на глазахъ говорилъ:

„И синіе кирасиры получили „вскрыть четвертый“ — сомнѣнія нѣтъ, господа: — война!“.

Эрдели перекрестился и закричалъ:

„Господа, ура!“.

— „Ура“, стали кричать мы всѣ и крестились, многіе плакали...

„Ура, ура!“ — кричала толпа на площади, быстро собираясь къ нашимъ окнамъ...

. . . .

Дальнѣйшаго не помню, оно было въ какомъ-то туманѣ...

. . . .

Въ полночь на 18-е іюля я, желая еще разъ повидать семью, опять катилъ въ скоромъ поѣздѣ въ Нарву. Безъ остановокъ мы пролетали Лигово, Красное Село, Гатчину. Платформы станцій были полны толпой, кричавшей ура...

На разсвѣтѣ извозчикъ, старикъ-эстонецъ, везъ меня черезъ пустынную и спящую Нарву къ пароходной пристани на Наровѣ. Полная тишина въ городѣ меня удивила. Неужели они еще ничего не знаютъ, подумалъ я и обратился къ извощику:

„А, что у васъ въ Нарвѣ новаго?“.

— Да ничего нѣтъ новаго, баринъ.

„А почему такъ пусто на улицахъ?“.

— Кому же быть на улицѣ? Лошадей уже прогнали...

„Какихъ лошадей?“.

— Да на базарную площадь, повинность значитъ...

„Какая повинность?“.

— Да, что вы, баринъ, точно не знаете? изумленно возразилъ старикъ, даже обернувшись: мобилизація у насъ объявлена, война, значитъ, съ нѣмцемъ!

И хладнокровно повернувшись къ лошади, онъ началъ ее подгонять.

Это поразительное хладнокровіе и извощика, и жителей города, снова улегшихся спать послѣ отправки лошадей, показалось мнѣ не только характернымъ, но и весьма положительнымъ: населеніе Россіи встрѣчало вѣсть о возможности войны съ эпическимъ спокойствіемъ.

---

*) Сахаровъ.

Въ 6 часовъ утра я былъ на дачѣ, занимаемой моей семьей, гдѣ всѣхъ засталъ спящими, а черезъ 40 минутъ уже плылъ обратно по Наровѣ. Въ 3 часа дня я снова входилъ въ зданіе штаба округа въ Петербургѣ. За своимъ письменнымъ столомъ я увидѣлъ упомянутаго мною выше подпоручика Демьянова. Думая, что онъ, разыскивая меня, ждетъ въ мѣстѣ моей службы, я его спросилъ, что случилось. Онъ же, вѣжливо вставая, произнесъ:

„Вамъ, что угодно, г. капитанъ?“.

Оказалось, что за 15 часовъ, что я отсутствовалъ, мобилизація уже многое измѣнила. Уже не было „Штаба Войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа“, а въ его помѣщеніи находилось два новыхъ штаба, на которые онъ раздѣлился: „штабъ 6 Арміи“ и „штабъ 9 Арміи“. 6-ая Армія оставалась въ Петербургѣ и на побережьѣ Финскаго залива, а Гвардейскій, I и XVIII корпуса, составляя 9-ую Армію, должны были быть перевезены куда-то на югъ (какъ потомъ оказалось — въ раіонъ Варшавы).

По мобилизаціонному плану, въ штабъ 9-ой арміи назначался одинъ младшій офицеръ отъ Новочеркасскаго полка; этимъ офицеромъ и оказался мой Костя Демьяновъ, такъ какъ онъ одинъ находился въ собраніи полка въ тотъ моментъ, когда, поздно вечеромъ 17-го тамъ получилось распоряженіе о назначеніи офицера.

Судьбѣ было угодно, что бы ему кто-то указалъ на мой столъ, сказавъ: „Столъ свободенъ, садитесь за него и будьте для начала журналистомъ новаго штаба“.

Это инцидентъ, конечно, пустяковый, но онъ реально свидѣтельствовалъ, какъ энергично заработала организаціонная машина, называемая мобилизаціей.

. . . .

Получивъ предписаніе объ отправленіи въ Гельсинфорсъ. заѣхавъ въ обмундировальную мастерскую Гв. Экономическаго Общества, тамъ переодѣвшись въ форму генеральнаго штаба, наскоро гдѣ-то пообѣдавъ, я пріѣхалъ на свою квартиру, быстро уложился и вмѣстѣ съ Рыбинымъ, ставшимъ отнынѣ моимъ нераздѣльнымъ спутникомъ и правителемъ моего имущества болѣе чѣмъ на три года, я отправился на Финляндскій вокзалъ.

Въ 8 часовъ вечера курьерскій поѣздъ изъ изящныхъ зеленыхъ финскихъ вагоновъ тронулся, и началась моя кочевая жизнь... Она продолжается уже 18 лѣтъ, а скоро ли кончится, одному Богу извѣстно...

II. ПЕРІОДЪ МОБИЛИЗАЦІИ И СОСРЕДОТОЧЕНІЯ.

Переѣздъ въ Гельсингфорсъ. Сущность мобилизаціи. Штабъ XXII арм. корпуса. Объявленіе войны. Мѣры по оборонѣ Финляндскаго побережья. Лойяльность населенія Финляндіи. Командировка въ Петербургъ. Ген. Жилинскій и браки офицеровъ. Отъѣздъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ 8 час. вечера, я попалъ въ Гельсингфорсъ вмѣсто ранняго утра только въ 3 часа дня 19-го іюля.

Сначала поѣздъ шелъ такъ, какъ ему положено было, по курьерскому расписанію. Мелькали маленькія пригородныя станціи, платформы которыхъ были полны народомъ. Гдѣ-то кажется въ 3-мъ Паргаловѣ, поѣздъ имѣлъ минутную остановку. Толпа окружила вагоны. Слышались вопросы: „Объявлена-ли война?“ и крики „ура“. Я вышелъ на площадку вагона, гдѣ былъ узнанъ двумя молодыми людьми, мѣстными дачниками, съ которыми я когда то познакомился въ Крыму. Они бросились ко мнѣ съ вопросами. Это повело къ цѣлой оваціи, Масса молодежи стащила мэня съ площадки на перронъ, пыталась качать, кричала „ура“; меня цѣловали... Поѣздъ тронулся и мнѣ едва удалось попасть въ вагонъ.

Прошелъ кондукторъ-финнъ, заявляя, какъ всегда:

„Вальта-Сари, Било-острофъ... Тамошени тосмотръ!“.

Проѣхали мы и эту станцію, съ ея обычными пограничными формальностями.

Странное вообще впечатлѣніе производила эта внутренняя граница. Черезъ Бѣлоостровъ проѣзжали въ дачныя мѣста между р. Сестрой и Выборгомъ тысячи петербуржцевъ, и каждый изъ нихъ на этой станціи долженъ былъ чувствовать, что онъ, какъ будто уже не въ Россіи, а въ „Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“. Императорскую Россію принято обвинять въ угнетеніи народностей. Позволительно спросить, какое другое государство потерпѣло бы подобный сепаратизмъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ своей столицы?

Въ настроеніи финляндцевъ мы не были вполнѣ увѣрены. Еще такъ недавно, въ 1906 г., во многихъ мѣстахъ были анти-русскіе безпорядки. Когда, весною 1914 г., командировался въ западную Финляндію рядъ ротъ различныхъ полковъ на формированіе новой 4-й Финляндской стрѣлковой бригады, то принимались даже мѣры на случай враждебныхъ демонстрацій или бойкота со стороны мѣстныхъ жителей. Правда, эти мѣры оказались излишними: жители-финны не только не бойкотировали русскихъ, но даже устроили въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ чествованія нашихъ офицеровъ; въ отношеніи солдатъ тоже проявлялось очень много вниманія.

Тѣмъ не менѣе настроеніе ѣхавшихъ со мною въ поѣздѣ многочисленныхъ офицеровъ было не вполнѣ спокойнымъ и поэтому, когда поѣздъ, вскорѣ за Бѣлоостровомъ, остановился среди перегона и послышался свистъ выпускаемаго паровозомъ пара, то пассажиры-офицеры всполошились въ серьозъ. Впрочемъ дѣло сейчасъ же разъяснилось: къ нашему поѣзду были прицѣплены вагоны съ чинами пограничной стражи, которая, согласно мобилизаціоннаго расписанія занимала побережье залива и для этого спѣшно выставляла караулы.

Такихъ остановокъ было нѣсколько и поѣздъ прибылъ поэтому въ Выборгъ съ опозданіемъ около часа.

Передъ Выборгомъ я, пользуясь спальнымъ мѣстомъ, заснулъ, предполагая проснуться передъ Гельсингфорсомъ. Однако, проснувшись утромъ, узналъ, что мы еще чуть-ли не на полъ-пути, при этомъ идемъ чрезвычайно малой скоростью и на каждомъ разъѣздѣ стоимъ по 7 минутъ. Пришлось, конечно, вспомнить, что начиная со второго дня мобилизаціи всѣ поѣзда идутъ по военному графику, поэтому и нашъ поѣздъ, хотя въ сущности линія была свободна, т. к. воинскія перевозки еще не захватили Финляндіи, долженъ былъ съ полуночи подчиниться военному порядку.

Порядокъ этотъ на Финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ можно было назвать безукоризненнымъ. Достаточно было увидѣть фигуру любого дежурнаго по станціи, который съ пресловутой финской флегматичностью смотрѣлъ на часы и отправлялъ поѣздъ съ абсолютной точностью, чтобы понять, что опасенія наши были совершенно излишними.

Позже я узналъ, что, ввиду объявленія еще 18-го во всей Финляндіи военнаго положенія и, слѣдовательно, подчиненія всѣхъ гражданскихъ властей командиру XXII арм. корпуса, этотъ послѣдній отдалъ по желѣзнымъ дорогамъ приказъ телеграфировать непосредственно ему о каждомъ опозданіи въ отправленіи поѣзда со станціи болѣе чѣмъ на 2 минуты. За всѣ дни мобилизаціи со всѣхъ станцій Финляндіи была получена только одна телеграмма объ опозданіи какого-то поѣзда на 10 минутъ.

Въ четвертомъ часу дня 19-го я былъ наконецъ въ штабѣ XXII корпуса, представлялся начальству и сейчасъ же сѣлъ за мобилизаціонную работу, шедшую въ штабѣ съ крайнимъ напряженіемъ, почти круглыя сутки.

Для незнакомыхъ съ технической стороною мобилиза-

ціоннаго вопроса позволю себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ описанія хода событій къ теоріи этого вопроса.

Сущность мобилизаціи состоитъ, во-первыхъ, въ доведеніи до штатовъ военнаго времени всѣхъ частей и учрежденій арміи, имѣвшихся въ мирное время, и, во-вторыхъ, въ сформированіи заново такъ называемыхъ второочередныхъ частей и массы учрежденій, въ мирное время не существовавшихъ.

Обычно въ мирное время части пѣхоты имѣютъ лишь $^1/_4$ своего военнаго состава въ смыслѣ числа солдатъ, $^1/_2$ состава офицеровъ и почти не имѣютъ лошадей для запряжки полкового обоза. Въ артиллеріи людской составъ содержится въ мирное время въ большемъ числѣ, но требуется очень много лошадей.

Всѣ эти недостающіе до штата люди находятся въ запасѣ арміи. Ихъ надо призвать на мѣстахъ ихъ жительства и, по заранѣе составленному точному разсчету, перевести въ мѣста стоянокъ частей. Лошадей надо взять по военно-конской повинности у населенія, для чего надо собрать на сборные пункты, осмотрѣть, выбрать и перевезти куда слѣдуетъ. Для ихъ пріема, на сборные пункты должны во-время прибыть пріемныя комиссіи и команды солдатъ. Для перевозки запасныхъ солдатъ и взятыхъ лошадей должны быть въ нужное время и на нужныхъ станціяхъ поѣздные составы, паровозы. Въ пути должно быть органязовано ихъ довольствіе. Ко времени прибытія этихъ людей и лошадей въ ихъ части, тамъ должны быть подготовлены для нихъ помѣщенія и коновязи. Должно быть обезпечено довольствіе, напр., должно выпекаться нужное количество хлѣба. Людей нужно одѣть и вооружить и сейчасъ же начать обученіе ихъ, т. к., состоя въ запасѣ, они многое позабыли, а многаго, вновь введеннаго, и вовсе не знаютъ. Лошадей надо пріучать къ ихъ будущей работѣ, а многихъ изъ нихъ вообще объѣзжать, ибо онѣ можетъ быть и вовсе не ходили въ упряжи.

Еще сложнѣе формированіе новыхъ частей и учрежденій. Часть имущества для нихъ хранится уже въ мирное время въ мѣстахъ ихъ будущаго формированія. Остальное нужно получить и перевезти. Людской составъ они получаютъ почти полностью изъ запаса; лишь небольшое число офицеровъ и унтеръ-офицеровъ выдѣляется для нихъ изъ частей мирнаго времени. Лошадей, а зачастую и повозки, нужно взять у населенія.

Мобилизація должна быть закончена въ наикратчайшій срокъ, каждый часъ дорогъ. Но еще важнѣе, чтобы эти

наикратчайшіе сроки были заранѣе точно опредѣлены, ибо только тогда заранѣе можно разсчитать и организовать всѣ этапы работы.

Для примѣра приведу нѣкоторыя данныя небольшой мобилизаціонной командировки, полученной мною еще во время Русско-Японской войны, въ Августѣ 1905 года. Тогда предвидѣлась „9-я частная мобилизація". За нѣсколько дней до нея я, тогда подпоручикъ артиллеріи, получилъ секретное предписаніе, въ 3-хъ-дневный срокъ изучить по такимъ то наставленіямъ, каковыя получить тамъ-то, правила пріема отъ населенія лошадей по военно-конской повинности и послѣ этого быть готовымъ къ отправленію въ командировку. Наканунѣ 1-го дня мобилизаціи я получилъ второе предписаніе о назначеніи меня военнымъ пріемщикомъ въ пріемную комиссію № 1 въ гор. Вольмарѣ Лифляндской губ. Мнѣ приказывалось въ 6 час. веч. 1-го дня принять на бригадномъ плацу моей бригады въ Петербургѣ команду въ 60 солдатъ отъ такихъ-то батарей, съ такимъ-то имуществомъ; къ 8 ч. веч. привести эту команду на Варшавскій вокзалъ и отправиться почтовымъ поѣздомъ, отходящимъ въ $8^1/_2$ ч., черезъ Псковъ въ Вольмаръ. Тамъ поступить въ вѣдѣніе уѣзднаго воинскаго начальника, принять 120 лошадей и перевезти ихъ по жел. дорогѣ до ст. Обухово Ник. жел. дороги, а далѣе походомъ въ м. Пелу, на р. Невѣ.

Въ 6 часовъ вечера на бригадномъ плацу меня уже ждала построенной команда съ имуществомъ. Въ 8 час. веч. писарь коменданта станціи на Варшавскомъ вокзалѣ указалъ приготовленный для команды вагонъ, а мнѣ лично вручилъ билетъ 2-го класса съ плацъ-картой на спальное мѣсто. Въ 6 час. утра на ст. Псковъ меня уже встрѣчалъ другой комендантскій писарь, указавшій составъ поѣзда на Ригу и вагонъ для команды, предупредивъ, что для пересадки имѣется всего 15 минутъ времени. Въ Вольмарѣ на вокзалѣ меня ждалъ унтеръ-офицеръ управленія уѣзднаго воинскаго начальника, доложившій, что онъ отведетъ мою команду въ казарму баталіона N-скаго полка, гдѣ ей отведено помѣщеніе и приготовленъ обѣдъ, а что для меня занятъ номеръ въ такой-то гостинницѣ, и вручилъ мнѣ ключъ отъ номера, жестянку извозчика, занятого для меня же (отъ вокзала до города версты двѣ), и пакетъ отъ воинскаго начальника, въ которомъ лежало приглашеніе меня черезъ часъ на совѣщаніе по поводу организаціи пріемки лошадей, которая началась на слѣдующій день, въ 7 час. утра.

При обратномъ моемъ переѣздѣ съ цѣлымъ поѣздомъ

лошадей, я на опредѣленныхъ станціяхъ находилъ вынесенный къ поѣзду обѣдъ для солдатъ, а на ст. Обухово меня ожидали 30 повозокъ съ поперечными жердями, для привязыванія къ каждой повозкѣ по 4 лошади, и легковой извозчикъ лично для меня — все это, заготовленное мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ, для облегченія мнѣ перевода лошадей въ м. Пелу (14 верстъ).

Изъ этого примѣра видно, сколько мелкихъ предварительныхъ сношеній между всевозможными органами военной и гражданской власти потребовалось для обезпеченія одного маленькаго мобилизаціоннаго дѣла. Какая же колоссальная машина должна была быть организована для проведенія въ жизнь единовременной мобилизаціи всѣхъ россійскихъ вооруженныхъ силъ!

И какъ точно должна была работать эта машина, что бы эта мобилизація прошла хотя бы удовлетворительно. А она на дѣлѣ прошла не удовлетворительно, а отлично.

Сейчасъ же, по окончаніи мобилизаціи, начиналась перевозка 7-милліонной Русской Арміи на западную границу.

Ко всѣмъ этимъ гигантскимъ, по размѣру своему, работамъ въ штабѣ XXII армейскаго корпуса надо было присоединить еще вопросы обороны побережья, вопросы международнаго характера на шведской и норвежской границахъ и вопросы гражданскаго управленія края, подчиненнаго, какъ я сказалъ выше, командиру корпуса. Нерусское населеніе края, особое его законодательство, сношенія съ военнымъ флотомъ — все это еще болѣе осложняло работу корпуснаго управленія въ эти исключительно тяжелые дни.

Командиромъ корпуса былъ генер. штаба ген.-лейт. Б. Участникъ Русско-Японской войны, потомъ долголѣтній начальникъ штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, онъ былъ извѣстенъ, какъ весьма независимый человѣкъ, большого самолюбія, не допускавшій вмѣшательства въ дѣла штаба постороннихъ лицъ, не выносившій различныхъ штукмейстеровъ, вродѣ извѣстнаго командира I арм. корпуса ген.-лейт. Артамонова, которому онъ однажды прямо сказалъ въ глаза при свидѣтеляхъ по поводу одного его проекта: „извольте, ваше превосходительство, сами доложить главнокомандующему, а я такихъ глупостей великому князю докладывать не могу“.

Все это говорило за то, что во главѣ XXII корпуса стоитъ сильный духомъ и знающій начальникъ. Къ сожалѣнію дѣйствительность не отвѣтила ожиданіямъ и мнѣ, знавшему генерала Б. по штабу округа (въ 1911 г.), прямо непонятна

была совершившаяся съ нимъ перемѣна. Позднѣе я понялъ, что, если отчасти года, а отчасти нѣкоторыя личныя переживанія и наложили на его дѣятельность въ 1914 году свой отпечатокъ, то главнымъ его недостаткомъ все же оказался недостатокъ тѣхъ знаній, которыя необходимы на войнѣ каждому начальнику, а начальникамъ высокихъ степеней тѣмъ болѣе, и которыхъ наша служба мирнаго времени вовсе не давала — знаній технически-организаціонныхъ, т. е. именно главнаго для начальника — умѣнія управлять войсками въ боевой обстановкѣ.

При этомъ самолюбивый характеръ генерала не позволялъ ему просить помощи у своихъ ближайшихъ помощниковъ, а эти послѣдніе или также не имѣли познаній, или же, будучи съ нимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, не желали помочь.

Позже, въ 1915 году, генералъ Б., найдя другихъ помощниковъ и передавъ многое въ руки младшихъ чиновъ, оказался въ ряду нашихъ начальниковъ далеко не худшимъ.

Начальникомъ штаба корпуса былъ ген. Огородниковъ, грубый и циничный человѣкъ, также, какъ и генералъ Б., не умѣвшій организовать управленія корпусомъ и къ тому же вообще не желавшій работать. Въ будущемъ — большевицкій генералъ.

Оба генерала находились въ явно враждебныхъ взаимоотношеніяхъ.

Помощникъ начальника штаба корпуса по нашему положенію носилъ странное названіе „штабъ-офицера для порученій“, отнюдь не дававшее ему того служебнаго авторитета, который онъ долженъ былъ бы имѣть въ штабѣ въ военное время. Такимъ штабъ-офицеромъ для порученій въ штабѣ XXII корпуса былъ полк. Фалѣевъ, который прямо-таки не выносилъ ген. Огородникова, о чемъ онъ доложилъ во время мобилизаціи командиру корпуса прямо и рѣзко: „или онъ (указаніе рукой на находившагося тутъ же Огородникова), или я. А вмѣстѣ мы служить не можемъ“.

Затѣмъ въ штабѣ былъ еще офицеръ генеральнаго штаба — старшій адъютантъ, капитанъ Ивановъ. Онъ служилъ уже давно въ штабѣ корпуса, но былъ человѣкомъ малообщительнымъ и не склоннымъ къ вмѣшательству въ дѣятельность старшихъ, что между тѣмъ на практикѣ оказалось совершенно необходимымъ ввиду того, что старшіе чины (и это являлось во многихъ штабахъ нормальнымъ явленіемъ) оказывались малоподготовленными къ своей дѣятельности.

Наконецъ „оберъ-офицеромъ для порученій“ былъ ген. штаба капитанъ Уперовъ, уже получившій другое назначеніе. На смѣну ему и прибылъ я, ставшій офицеромъ генеральнаго штаба буквально наканунѣ войны, слѣдовательно не имѣвшій никакого опыта въ штабной службѣ, не знавшій никого ни въ штабѣ, ни въ частяхъ корпуса и, по характеру своему, тоже не склонный дѣлать что-либо инымъ порядкомъ, нежели это установлено въ уставахъ.

Затѣмъ прибылъ еще одинъ офицеръ — причисленный къ ген. штабу, штабсъ-капитанъ Земцовъ, еще менѣе меня свѣдущій въ службѣ штаба.

Начальники отдѣловъ корпуснаго управленія *) тоже не были тѣми людьми, которые могли бы воздѣйствовать на командира корпуса совѣтомъ или помощью.

Поэтому, собственно говоря, уже понятно, что съ выходомъ на театръ военныхъ дѣйствій въ управленіи корпусомъ должны были обнаружиться большіе недочеты. Они, впрочемъ начали обнаруживаться уже съ перваго дня мобилизаціи. Никакой правильной организаціи работы и раздѣленія ея между отдѣльными офицерами не было. Въ штабѣ царилъ хаосъ, пока что прикрывавшійся еще привычнымъ обиходомъ и внѣшностью мирнаго времени.

Въ первые дни моей службы въ штабѣ XXII корпуса я еще не могъ по достоинству оцѣнить этого хаоса. Я только видѣлъ безконечныя кипы бумагъ и телеграммъ. Въ руки мнѣ попадали вопросы самаго различнаго свойства, отъ боевого приказа войскамъ побережья до вопроса о высылкѣ за границу германскихъ подданныхъ и другихъ распоряженій по полиціи включительно. При этомъ ближайшимъ моимъ сотрудникомъ въ эти сумбурные дни оказался почему то личный адъютантъ командира корпуса, поручикъ Л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка графъ Клейнмихель.

Работать приходилось часовъ по 18 въ сутки, съ небольшимъ перерывомъ на обѣдъ и 4—5 часовымъ сномъ. Спалъ я на своей походной койкѣ на квартирѣ кап. Иванова, который очень любезно предложилъ мнѣ свое гостепріимство. Правда тутъ же въ зданіи штаба корпуса была и квартира, предназначавшаяся мнѣ по условіямъ мирнаго времени — пять отличныхъ комнатъ, но я не хотѣлъ занимать ее и устраиваться, хотя по плану военныхъ дѣйствій XXII арм. корпусъ

*) Управленіе корпуса по нашему устройству состояло изъ штаба корпуса, управленій инспектора артиллеріи, корпуснаго инженера, корпуснаго интенданта, корпусныхъ врача и ветеринара и корпуснаго суда.

и предназначался къ оставленію въ Финляндіи: я какъ будто предчувствовалъ, что квартира эта мнѣ не понадобится.

. . . .

Въ день моего пріѣзда въ Гельсингфорсъ, вечеромъ, было получено извѣстіе объ *объ объявленіи намъ Германіей войны*... Итакъ, всякимъ иллюзіямъ былъ положенъ конецъ. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о томъ, что предшествующій объявленію войны германскій ультиматумъ о прекращеніи русской мобилизаціи былъ вообще неисполнимъ: безъ полнаго отказа отъ обороноспособности своей страны нельзя остановить гигантскую мобилизаціонную машину, ибо, если это сдѣлать, то потребуется значительное время на демобилизацію, т. е. на водвореніе людей и имущества туда, гдѣ они были до мобилизаціи, на распродажу лошадей, на возстановленіе всѣхъ расчетовъ и всѣхъ заготовленныхъ и уже использованныхъ запасовъ, а также и самой переписки всѣхъ видовъ. За все это время начать новую, планомѣрную мобилизацію невозможно и государство въ теченіе долгаго времени почти беззащитно.

Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ объявленіи войны, ночью было получено извѣстіе о появленіи въ Балтійскомъ морѣ большого количества судовъ, идущихъ на сѣверъ *). Въ связи съ существовавшимъ предположеніемъ о германскомъ дессантѣ въ Финскомъ заливѣ, это свѣдѣніе показалось мнѣ очень тревожнымъ и я ночью же послалъ своей семьѣ въ Гунгербургъ условленную телеграмму. Семья моя, получивъ ее, въ полдень 20 іюля выѣхала въ Петербургъ, при чемъ поѣздъ въ Нарвѣ уже брался съ бою и дѣтей моихъ съ трудомъ удалось посадить и то, передавъ ихъ въ окна, въ различные вагоны, въ руки случайныхъ пассажировъ.

Семнадцать послѣдующихъ дней (20 іюля — 5 августа) прошли за упорной мобилизаціонной работой.

Послѣ первыхъ дней мобилизаціи командиръ корпуса рѣшилъ принять мѣры обезпеченія побережья и, особенно, раіона Ганге, на случай высадки нѣмецкаго дессанта. Изъ мѣропріятій, принимавшихся въ этомъ направленіи, мнѣ запомнились два.

Начали съ того, что рѣшили уничтожить портовыя сооруженія въ Ганге. Туда былъ командированъ и. д. корпуснаго инженера, капитанъ Панковъ. Это былъ человѣкъ чрезвычайной тучности. О его служебныхъ качествахъ пусть судитъ читатель по фактамъ. Онъ вернулся изъ Ганге и доло-

*) Указаніе на появленіе судовъ есть и въ трудѣ ген. Данилова.

жилъ, что взорвалъ тамъ въ порту молъ и сжегъ пакгаузы. Докладъ былъ сдѣланъ въ такихъ тонахъ, что въ штабѣ создалось убѣжденіе, что, въ случаѣ появленія нѣмецкихъ дессантныхъ судовъ въ порту Ганге, ошвартованіе ихъ у набережной и непосредственная выгрузка войскъ и грузовъ будутъ неосуществимы.

Черезъ нѣсколько дней мы прочли въ полученныхъ въ Гельсингфорсѣ шведскихъ газетахъ, что „какой то сумасшедшій русскій офицеръ“, пріѣхавъ въ Ганге, произвелъ на набережной три небольшихъ взрыва, изъ которыхъ однимъ на огромной набережной, длиною чуть ли не въ версту, обвалено въ море нѣсколько камней облицовки, и сжегъ стоящую у воды небольшую сторожку. Это газетное свѣдѣніе оказалось справедливымъ. Однако Панковъ остался въ должности, которой онъ не соотвѣтствовалъ, уже хотя бы по чину.

Командиръ корпуса рѣшилъ заранѣе заготовить свои оперативныя распоряженія на случай непріятельскаго дессанта. Кое-что въ этомъ направленіи, ввидѣ общихъ директивъ, было заготовлено еще въ мирное время. Новая разработка была поручена мнѣ. Для этого мнѣ дали отдѣльную небольшую комнату, отпустили комплектъ верстовой карты и приказали составить рядъ приказовъ командира корпуса 1-й Финляндской стрѣлковой бригадѣ. Командиръ корпуса часами сидѣлъ со мною, обдумывая мельчайшія данныя этихъ распоряженій. Я тщетно старался его убѣдить, что не слѣдуетъ отдавать чрезмѣрно детальныхъ указаній подчиненнымъ. Одинъ изъ подобныхъ разговоровъ былъ особенно характеренъ. Я написалъ, подъ давленіемъ генерала Б., пунктъ о томъ, что 4-му Финл. стр. полку надлежитъ, въ случаѣ дессанта въ Ганге, въ такой-то срокъ занятъ однимъ баталіономъ Гангеудскій перешеекъ, выставивъ сторожевое охраненіе отъ . . . . до . . . . (поперекъ перешейка). Командиръ корпуса долго разсматривалъ карту и наконецъ приказалъ добавить: „занявъ полевымъ карауломъ шхерный островокъ, что въ полуверстѣ сѣвернѣе . . .“. Я началъ убѣждать генерала, что ему не слѣдуетъ давать своихъ указаній по вопросамъ, которые, по уставу, долженъ рѣшать на мѣстѣ командиръ взвода.

„Почему же, — возразилъ генералъ Б., — развѣ эту задачу можно разрѣшить какъ-нибудь иначе?“.

— „По уставу возможно выставить и „отдѣльный полевой караулъ“ и даже „отдѣльную заставу“.

„Да, вы правы; въ отдѣльномъ караулѣ 9 чиновъ, а не 7. Это надежнѣе. Напишите: „выставить отдѣльный полевой караулъ“.

Пришлось написать...

. . . .

Я говорилъ уже о томъ, что населеніе Финляндіи оказалось совершенно лойяльнымъ. Долженъ подчеркнуть это еще разъ и сказать даже болѣе того — населеніе подчеркивало свои патріотическія чувства въ русскомъ смыслѣ.

Командиръ корпуса приказалъ арестовать и выслать въ Швецію всѣхъ германско-подданныхъ. Когда группу изъ полиціи препровождали по Эспланадѣ *), то финская толпа стала ихъ бить и пришлось вызвать роту 2-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, чтобы охранить этихъ нѣмцевъ отъ дальнѣйшей расправы.

Лично я встрѣтился съ двумя случаями проявленія ко мнѣ симпатій. Въ Гельсингфорсѣ имѣлось два первоклассныхъ ресторана: Кемпъ и Феннія. Первый изъ нихъ считался руссофобскимъ (шведоманскимъ) и русскіе офицеры его не посѣщали. Не зная этого, я на другой день по пріѣздѣ, пойдя въ городъ пообѣдать, попалъ именно въ этотъ ресторанъ. Часъ былъ обѣденный и ресторанъ переполненъ лучшей публикой, но исключительно штатской. Мое появленіе произвело замѣтное движеніе. Увидѣвъ въ самой глубинѣ зала маленькій свободный столикъ, я направился къ нему, но два лакея и метрдотель бросились ко мнѣ и, такъ какъ я ихъ не понималъ, то знаками просили занять мѣсто за однимъ изъ центральныхъ столиковъ, который немедленно былъ для меня освобожденъ. Затѣмъ былъ вызванъ съ кухни говорившій по-русски кухонный мужикъ, чтобы перевести мнѣ меню. Прислуживали мнѣ и провожали со знаками особаго уваженія.

На другой день я опять обѣдалъ у Кемпа. Повторилась та же исторія. На третій день центральный столикъ былъ уже свободенъ и обозначенъ „резервированнымъ" и мнѣ немедленно было подано меню, написанное по-русски.

Другой случай былъ со мной на почтѣ. Желая отправить заказное письмо, я зашелъ на почту и сталъ въ довольно большую очередь. Сейчасъ же какая-то старушка, стоявшая второй отъ чиновника, ломанымъ русскимъ языкомъ просила меня стать на ея мѣсто, т. к., по ея словамъ, офицеръ во время войны не можетъ ждать и не одинъ человѣкъ не имѣетъ права быть впереди него.

. . . .

6-го августа мое пребываніе въ Финляндіи неожиданно прервалось. Командиръ корпуса приказалъ мнѣ отвезти какой-

---

*) Эспланада — лучшая улица Гельсингфорса.

то весьма секретный пакетъ въ Петербургъ, въ штабъ 6 арміи. Вернуться я долженъ былъ черезъ день, съ отвѣтомъ.

При этомъ надо отмѣтить маленькую, но характерную для генерала подробность. Такъ какъ составленіе бумаги задерживалось и я рисковалъ опоздать къ отходу курьерскаго поѣзда*), то командиръ корпуса лично поѣхалъ на вокзалъ задержать поѣздъ и ждалъ тамъ, пока я прибылъ съ пакетомъ. Задержка оказалась въ 10 минутъ.

Посылка для отвоза пакетовъ офицера генеральнаго штаба тоже была обычнымъ явленіемъ у генерала и практиковалась имъ первое время и на театрѣ военныхъ дѣйствій.

. . . .

Поздно вечеромъ 6 августа я уже ѣхалъ на извозчикѣ по Петербургу и слушалъ его разсказъ (разсказъ очевидца) о „сверженіи статуевъ“ со зданія германскаго посольства. Это сверженіе весьма восхвалялось.

Въ штабѣ арміи я услышалъ о первомъ, удачномъ для насъ, боѣ въ Восточной Пруссіи, объ уходѣ частей гвардіи къ Варшавѣ (штабъ 9-й арміи уходилъ на другой день).

За 7-ое и 8-ое августа выяснилось, что и нашъ XXII арм. корпусъ будетъ перевезенъ въ 9-ую армію, и я получилъ изъ Гельсингфорса приказаніе остаться въ Петербургѣ для урегулированія вопросовъ, связанныхъ съ этой перевозкой, и каждый день докладывать генералу по телефону или курьерами-офицерами, почти каждый день ѣздившими изъ Гельсингфорса въ Петербургъ и обратно.

Дѣла было много. Помимо самой перевозки, командиръ корпуса давалъ мнѣ много и крупныхъ, и мелкихъ порученій. Я долженъ былъ получить на весь корпусъ топографическія карты всего Западнаго фронта, добиться отпуска шашекъ для командъ конныхъ развѣдчиковъ для всѣхъ полковъ корпуса, выпросить цейсовскую трубу лично для командира корпуса и т. д. и т. д.

Всѣ эти порученія я выполнилъ болѣе или менѣе успѣшно. Трубу добылъ, хотя, ввиду недостатка такихъ трубъ, соотвѣтствующіе органы снабженія рѣшительно протестовали. На фронтѣ трубу эту долго и безплодно возили въ автомобилѣ командира корпуса и наконецъ потеряли. Вмѣсто шашекъ мнѣ было отпущено изъ арсенала 2.000 старыхъ сабель, образца временъ Александра II. Больше всего возни было съ картами. Я нѣсколько дней сортировалъ ихъ и раскладывалъ въ тюки

*) Кажется, съ 11-го дня мобилизаціи была возстановлена одна пара курьерскихъ поѣздовъ.

по полкамъ, а затѣмъ 18, 19 и 20 августа почти сплошь просидѣлъ на ст. Ланской*), передавая эшелонамъ эти тюки.

Одинъ разъ пріѣзжалъ на два дня командиръ корпуса. Когда онъ уѣзжалъ опять въ Гельсингфорсъ, я провожалъ его на Финляндскомъ вокзалѣ. На путяхъ станціи стояли эшелоны 84-й артиллерійской бригады (2-очередной), шедшей въ Финляндію на смѣну артиллеріи XXII-го корпуса. Генералъ, стоя у своего вагона, съ кѣмъ-то разговаривалъ. Я стоялъ около. Вдругъ подбѣжалъ ко мнѣ прапорщикъ-артиллеристъ и взволнованно сообщилъ, что у него въ эшелонѣ случай холеры. Я указалъ ему на виднѣвшуюся вдали на платформѣ вывѣску съ краснымъ крестомъ и рекомендовалъ обратиться туда. Но онъ требовалъ въ очень рѣшительной формѣ, что бы я лично пошелъ въ его эшелонъ. На мое возраженіе, что я провожаю своего командира корпуса и, при всемъ желаніи лично помочь ему, не могу отойти, прапорщикъ сталъ мнѣ весьма рѣзко говорить: „Вы просто трусите, вы такъ всегда относитесь къ вашимъ обязанностямъ! Это безобразіе!". Недоразумѣніе скоро объяснилось: онъ принялъ меня за врача... И сколько разъ за время войны и революціи, и даже въ эмиграціи (когда я бывалъ въ формѣ генеральнаго штаба) меня принимали за врача. Конечно, „погоны, выпушки, петлички" — вещи совершенно третьестепенной важности. Но все-же полагаю, что полное сходство въ формѣ двухъ противоположныхъ группъ военнослужащихъ — вещь недопустимая. И врачи, и офицеры генеральнаго штаба суть именно тѣ разряды военно-служащихъ, которыхъ каждый долженъ мочь опознать еще издалека.

. . . .

За описываемые дни мнѣ пришлось натолкнуться на одинъ фактъ, небезинтересный съ точки зрѣнія характеристики нашихъ старшихъ начальниковъ.

Одна моя знакомая барышня слезно молила меня узнать, что стало съ ея прошеніемъ на Высочайшее имя о разрѣшеніи ея жениху-офицеру вступить съ ней въ бракъ до достиженія имъ установленнаго 23-лѣтняго возраста. Этотъ офицеръ, подпоручикъ Новогеоргіевской крѣпостной артиллеріи Поповъ, обучался въ это время въ Севастопольской авіаціонной школѣ. На свое прошеніе, поданное еще въ маѣ 1914 г., моя знакомая имѣла отвѣтъ изъ Главнаго Штаба, что ея про-

*) Ланская — 1-я станція отъ Петербурга въ сторону Финляндіи; отсюда эшелоны сворачивали по соединительной вѣтви на желѣзно-дорожный мостъ черезъ Неву.

шеніе направлено съ судъ чести Новогеоргіевской крѣпостной артиллеріи для рѣшенія вопроса о пристойности брака и, что, въ случаѣ положительнаго рѣшенія суда чести, бракъ будетъ разрѣшенъ. Затѣмъ она получила письмо отъ адъютанта начальника артиллеріи крѣпости съ извѣщеніемъ, что судъ чести призналъ бракъ пристойнымъ, и что переписка направлена коменданту крѣпости. Все это было до объявленія мобилизаціи. Теперь же оффиціальный отвѣтъ не приходилъ. Я обѣщалъ навести справки и отправился въ 4-ое отдѣленіе Главнаго Штаба. Начальникъ отдѣленія мнѣ сообщилъ, что переписка только что возвращена въ Главный Штабъ, и что просительницѣ отказано. Онъ показалъ мнѣ эту переписку, гдѣ все было въ порядкѣ: и Высочайшее соизволеніе, и признаніе пристойности брака. Но оказалось, что комендантъ Новогеоргіевска вмѣсто того, чтобы направить переписку непосредственно въ Главный Штабъ, ошибочно представилъ ее по командѣ. Переписка попала во вновь сформированный штабъ главнокомандующаго арміями Сѣверо-западнаго фронта и удостоилась собственноручной резолюціи главнокомандующаго, ген. Жилинскаго, въ нѣсколько строкъ длиной: офицеру де стыдно въ военное время думать о бракѣ и посему неумѣстное прошеніе подлежитъ рѣшительному отклоненію.

Итакъ, ген. Жилинскій въ самый разгаръ подготовки и начала Восточно-Прусской операціи находилъ время и силы для личнаго разбора подобныхъ мелкихъ дѣлъ и наложенія собственноручныхъ подробныхъ резолюцій.

Я не успокоился на прочтеніи этого „повелѣнія главнокомандующаго", а убѣдилъ начальника отдѣленія въ томъ, что оно не имѣетъ силы, ибо подпоручикъ Поповъ подчиненъ не ему, а главнокомандующему Юго-западнымъ фронтомъ, т. к. состоитъ въ Севастопольской школѣ, и что, сверхъ того, требуется разрѣшеніе не главнокомандующаго, а начальника школы.

Для завершенія этого дѣла я, каюсь, урвалъ 1 минуту дѣйствительно драгоцѣннаго времени у дежурнаго генерала Главнаго Штаба, ген. Архангельскаго, и въ результатѣ черезъ день въ Главномъ Штабѣ была получена телеграмма: „препятствій къ браку подпор. Попова не встрѣчаю. Вр. и. д. начальника школы штабсъ-капитанъ X.". А еще черезъ день моя знакомая катила въ Севастополь вѣнчаться, имѣя при себѣ оффиціальное Высочайшее разрѣшеніе на бракъ.

Въ 1918 г. въ Кіевѣ летчикъ Поповъ, уже инструкторъ Кіевской школы, погибъ вмѣстѣ со своей женой при паденіи аэроплана, на которомъ они совершали совмѣстный полетъ

Супруги Поповы оставили сиротами трехъ крошечныхъ дѣтей.

. . . .

21-го августа черезъ Ланскую проходилъ эшелонъ штаба XXII-го корпуса. Я присоединился къ нему и, совершивъ объѣздъ Петербурга, вечеромъ того же дня окончательно выѣхалъ съ Царскосельскаго вокзала на театръ военныхъ дѣйствій, какъ предполагалось, въ раіонъ крѣпости Ивангорода.

За хлопотами послѣднихъ дней я не зналъ еще о гибели 2 арміи ген. Самсонова (о чемъ въ публикѣ стали извѣстно только въ этотъ день).

III. ОПЕРАЦІИ МЕЖДУ АВГУСТОВОМЪ И ЛЫКОМЪ.

(См. схему № 1).

Прибытіе на фронтъ. Первыя впечатлѣнія, первыя нелѣпости. Впечатлѣніе отъ гибели арміи Самсонова. Развертываніе XXII арм. корпуса. Городъ Лыкъ подъ русской властью. Бои у Бялы и Ариса. Паническія настроенія. Отводъ корпуса къ Августову.

22 августа штабъ XXII корпуса пробылъ въ пути. Въ отличномъ финляндскомъ вагонѣ I класса въ одномъ изъ купе помѣщался командиръ корпуса, въ другомъ — начальникъ штаба, въ остальныхъ — офицеры генеральнаго штаба, въ числѣ всего двухъ (я и шт.-кап. Земцовъ), инспекторъ артиллеріи ген.-лейт. Головачевъ съ адъютантомъ, адъютанты командира корпуса — два корнета 20-го Финляндскаго драгунскаго полка... Обстановка была еще чисто мирнаго времени и не вѣрилось, что мы черезъ нѣсколько часовъ будемъ, быть можетъ, уже въ бою...

Разнообразныя мысли и ощущенія... Разлука съ близкими; предстоящая дѣятельность, незнакомая сама по-себѣ и соединенная съ постоянной опасностью — нѣчто совершенно дикое для человѣка мирнаго времени; побѣдоносныя извѣстія предшествующихъ 2-хъ недѣль; тяжкая неудача ген. Самсонова, о которой я узналъ уже въ поѣздѣ; закрадывавшееся сомнѣніе въ силахъ и способностяхъ своихъ начальниковъ; отсутствіе двухъ единственныхъ опытныхъ офицеровъ генеральнаго штаба: полк. Фалѣевъ остался въ Гельсингфорсѣ, кап. Ивановъ былъ посланъ впередъ, въ Ивангородъ...

Поздно вечеромъ нашъ поѣздъ прибылъ на ст. Ораны

и къ нашему удивленію былъ принятъ на линію Ораны — Сувалки. Главный вокзалъ виднѣлся въ полуверстѣ въ сторонѣ. Командиру корпуса было передано, что тамъ находится начальникъ штаба сѣверо-западнаго фронта ген. Орановскій и проситъ его къ себѣ. Ген. Б. взялъ съ собою ген. Огородникова (начальника штаба) и меня. На главномъ вокзалѣ мы узнали отъ ген. Орановскаго неожиданныя и очень тяжелыя извѣстія. Пораженіе арміи ген. Самсонова полное, нашъ корпусъ переданъ на сѣверо-западный фронтъ и направляется по двумъ желѣзнымъ дорогамъ: часть эшелоновъ, (ранѣе прошедшіе) — на Бѣлостокъ — Граево, часть, вмѣстѣ со штабомъ корпуса, — на Сувалки — Августовъ. Корпусъ долженъ вдвинуться между 1 арміей ген. Ренненкампфа и остатками 2-й арміи.

Все это было и неожиданно, и тягостно. Но хуже всего было общее впечатлѣніе растерянности и подавленности, которое на меня произвелъ ген. Орановскій. Я понялъ, что, во-первыхъ, дѣла очень не хороши, а, во-вторыхъ, — что и въ высшемъ управленіи — хаосъ.

Тогда, не имѣя еще никакого личнаго опыта въ дѣлѣ управленія войсками, я не могъ такъ опредѣленно формулировать своего впечатлѣнія, но ощутилъ чувство страшнаго душевнаго гнета и недоумѣнія.

Командиръ корпуса рѣшилъ сейчасъ же ѣхать одинъ, съ адъютантомъ, по С.-Петербурго-Варшавской жел. дорогѣ на Бѣлостокъ и Граево. Мы съ нимъ простились и поспѣшили къ нашему поѣзду.

На разсвѣтѣ 23-го августа мы были въ Сувалкахъ, а затѣмъ прибыли въ Августовъ, станцію нашей выгрузки.

День прошелъ въ выясненіи частей нашего корпуса, уже прибывшихъ и прибывающихъ, и въ ѣздѣ со станціи, гдѣ мы остались въ вагонахъ, на городской телеграфъ и обратно.

Жалкій полу-еврейскій городишко, разные нелѣпые слухи, ничего яснаго и точнаго.

Вечеромъ отъ командира корпуса пришла телеграмма, что онъ въ 9 часовъ выѣдетъ изъ Граева къ намъ по шоссе черезъ Райгродъ (ему, немедленно по прибытіи нашего поѣзда въ Августовъ, было выслано въ Граево два автомобиля).

Вслѣдъ затѣмъ съ телеграфа пришло извѣстіе, что телеграфистъ ст. Райгродъ сообщилъ, что въ мѣстечкѣ стрѣльба, будто бы нѣмцы, что онъ снимаетъ аппаратъ и пытается бѣжать.

Совершенно не будучи оріентированы въ обстановкѣ, мы съ ген. Огородниковымъ не могли рѣшить, насколько вѣро-

ятно появленіе непріятеля въ Райгродѣ, и предположили, что тамъ можетъ быть только какой-нибудь разъѣздъ. Тѣмъ не менѣе мы подумали, что ѣдущій изъ Граева командиръ корпуса можетъ оказаться въ непріятномъ положеніи. Поэтому ген. Огородниковъ приказалъ мнѣ выѣхать автомобилемъ съ двумя казаками на-встрѣчу генералу Б. Спрашивается, чѣмъ бы я могъ помочь ему, если бы шоссе дѣйствительно оказалось въ рукахъ противника?

Это первое „боевое" порученіе кончилось для меня весьма рѣзкимъ разносомъ командира корпуса. Я встрѣтилъ его недалеко отъ Райгрода. Я шелъ съ огнями, его машины — безъ огней. Подозвавъ меня къ своему автомобилю, генералъ сталъ на меня кричать:

„Какъ смѣете вы ѣздить съ огнями вблизи непріятеля! Потушить огни! Безобразіе, недостойное офицера генеральнаго штаба!".

А вслѣдъ затѣмъ онъ сообщилъ, что никакихъ нѣмцевъ въ Райгродѣ нѣтъ и быть не можетъ, что наши части у Мазурскихъ озеръ (около 60 верстъ отъ Райгрода), что онъ, встрѣтивъ на шоссе телеграфиста съ аппаратомъ, вернулъ его назадъ въ Райгродъ, не то выпоровъ, не то пригрозивъ выпороть — не помню.

Я приказалъ потушить огни и поѣхалъ за командиромъ корпуса назадъ въ Августовъ, совершенно не понимая, почему въ 60 верстахъ отъ противника, позади своихъ войскъ, нельзя ѣздить съ огнями...

На душѣ началъ появляться непріятный осадокъ.

. . . .

По возвращеніи командира корпуса въ нашъ вагонъ на ст. Августовъ, мы съ начальникомъ штаба узнали наконецъ обстановку.

Части нашихъ 1-й и 3-й Финляндскихъ стрѣлковыхъ бригадъ высаживаются вперемешку на станціяхъ Граево и Гроссъ-Простькенъ (русская и германская пограничныя станціи линіи Осовецъ — Лыкъ). Ихъ временно объединяетъ начальникъ 3-й бригады, ген.-лейт. Стельницкій, находящійся въ Лыкѣ. Изъ этихъ частей 10-й Финляндскій стр. полкъ выдвинутъ къ перешейку среди Мазурскихъ озеръ у гор. Арисъ, отрядъ изъ 1-го, 4-го и 12-го Финл. стр. полковъ наступаетъ на Іоганнисбургъ, гдѣ по свѣдѣніямъ 2-й арміи находится казачья сотня, свѣдѣній о противникѣ не имѣющая. Сѣвернѣе Ариса перешейки между Мазурскими озерами наблюдаются частями 1-й арміи, главныя силы которой сосредоточены значительно сѣвернѣе. Влѣво отъ насъ — остатки

2-й арміи, примѣрно на фронтѣ Щучинъ — Млава. Весь нашъ корпусъ долженъ сосредоточиться въ раіонѣ Лыка.

Такимъ образомъ оказалось, что противникъ еще гдѣ-то за Мазурскими озерами и даже неизвѣстно, гдѣ именно.

Почему же тогда нельзя двигаться на автомобилѣ съ зажженными фонарями? Что съ командиромъ корпуса?

На этомъ маленькомъ случаѣ съ автомобильными фонарями и на цѣломъ рядѣ кошмарныхъ по нелѣпости случаевъ, о которыхъ я разскажу далѣе, военный человѣкъ долженъ увидѣть все моральное значеніе побѣды, съ одной стороны, и пораженія, съ другой. Гибель штаба и корпусовъ арміи Самсонова потрясающе повліяла на психику не только участниковъ, но и совершенно непричастныхъ къ операціи 2-ой арміи начальниковъ. Командованіе нашимъ, чуднымъ по составу и еще лишь сосредоточивающимся XXII корпусомъ было уже приведено въ полную негодность, охваченное ужасомъ отъ однихъ только слуховъ о Самсоновской катастрофѣ.

Объ этой катастрофѣ передавали какіе-то нелѣпые разсказы: штабъ 2-й арміи, расположившійся гдѣ-то въ лѣсной сторожкѣ на пересѣченіи германскихъ шоссе, былъ будто бы неожиданно окруженъ колоннами броневыхъ автомобилей и погибъ въ тылу своихъ войскъ. Одному генералу удалось будто бы выскочить въ окошко и лѣсами добраться до Варшавы (?!). Повторяю эти нелѣпости для того, чтобы показать, во что претворились извѣстные намъ теперь въ подробностяхъ факты. А вѣдь этимъ нелѣпостямъ тогда вѣрили и старшіе начальники чувствовали себя совершенно выбитыми изъ колеи привычныхъ представленій о войнѣ. Стали повсюду въ тылу чудиться броневтомобильныя колонны, шпіоны, засады и т. п. Паническое настроеніе стало проникать въ корпусъ съ головы.

24-го августа и въ Граевѣ, и въ Августовѣ заканчивалась высадка частей корпуса. Штабъ продолжалъ сидѣть въ своемъ вагонѣ, а сборныя части корпуса съ импровизованнымъ управленіемъ уже вели бой подъ Іоганнисбургомъ, гдѣ перепившаяся казачья сотня 2-й арміи (кажется 37-го Донского казачьяго полка) была вырѣзана подошедшими германскими частями, и нашъ, двигавшійся на Іоганнисбургъ отрядъ, натолкнулся на серьезное сопротивленіе. Выѣзжавшій къ отряду лично ген. Стельницкій приказалъ отряду ночью отойти къ Бялѣ. Но мы объ этомъ узнали только на другой день вечеромъ.

Итакъ, нашъ корпусъ начиналъ войну „по манджурски" — отрядами случайнаго состава, со случайными начальниками и

неорганизованнымъ управленіемъ. А настоящіе начальники сидѣли въ Августовѣ и разстраивали свое воображеніе тыловыми сплетнями*).

. . . .

Здѣсь умѣстно будетъ привести составъ XXII арм. корпуса, о дѣйствіяхъ котораго мнѣ придется разсказывать.

1-я Финляндская стрѣлковая бригада:
начальникъ бригады — вакансія,
начальникъ штаба — полк. Стоговъ,
старшій адъютантъ — кап. Даровскій.

2-я Финляндская стрѣлковая бригада:
начальникъ бригады — ген.-м. Нотбекъ,
начальникъ штаба — полк. Марушевскій,
старшій адъютантъ — кап. Щишковскій.

3-я Финляндская стрѣлковая бригада:
начальникъ бригады — ген.-лейт. Стельницкій,
начальникъ штаба — полк. Уляновскій,
старшій адъютантъ — кап Верховскій.

4-я Финляндская стрѣлковая бригада:
начальникъ бригады — ген.-м. Селивачевъ,
начальникъ штаба — полк. гр. Каменскій,
старшій адъютантъ — кап. Архиповъ.

22-й Мортирный артил. дивизіонъ (двѣ батареи) — полк. фонъ-Озаровскій.

Отдѣльный Оренбургскій казачій дивизіонъ (двѣ сотни)— полк. Желтухинъ.

22-й Саперный баталіонъ.

Авіаціонный отрядъ (почти негодныя для полета машины).

Донской казачій полкъ (кажется 38-й — второй очереди).

Въ конвоѣ командира корпуса — отдѣльная Донская сотня.

Каждая изъ бригадъ корпуса состояла изъ 4-хъ стрѣлковыхъ 2-хъ баталіонныхъ полковъ и 3-хъ-батарейнаго стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона (третьи батареи дивизіоновъ — горныя).

Итого въ корпусѣ было 32 баталіона, при 128 вьючныхъ пулеметахъ, 108 орудій, 9 сотенъ, 16 полковыхъ командъ

---

*) Казалось бы, что оперативная часть штаба корпуса уже къ полудню 23-го могла автомобилями переѣхать въ Лыкъ и объединить управленіе собравшимися тамъ частями, использовавъ ген. Стельницкаго со всѣмъ штабомъ 3-й Финл. стр. бригады для веденія операціи подъ Арисомъ или Іоганнисбургомъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, какъ, изъ-за отсутствія правильныхъ органовъ управленія, части корпуса понесли пораженіе при Бялѣ.

конныхъ развѣдчиковъ, по 150 сабель каждая (т. е. всего 25 „эскадроновъ“), 1 бат. саперъ и 6 аэроплановъ.

Составъ корпуса нельзя не признать сильнымъ. Къ этому надо еще прибавить и высокія качества частей: корпусъ содержался въ мирное время въ усиленномъ составѣ штыковъ, а офицерскій составъ можно назвать отборнымъ, ибо въ Финляндіи содержаніе получалось „золотомъ“ (по курсу финской марки чуть ли не 1825 г.), т. е. полуторное, почему въ части XXII корпуса выходили изъ училищъ лучшіе по успѣхамъ.

И все же моральный шокъ, полученный командованіемъ корпуса, былъ настолько силенъ, что въ теченіе цѣлыхъ 4-хъ недѣль корпусъ, какъ увидимъ, не былъ способенъ одерживать успѣховъ. И только, когда успокоились нервы начальниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ успѣли и вовсе освободить отъ своего присутствія ряды корпуса, послѣдній началъ проявлять свои высокія качества.

. . . .

25 августа съ утра штабъ корпуса и 2-я и 4-я Финл. стр. бригады выступили изъ Августова въ Лыкъ. 2-я бригада была направлена болѣе короткимъ путемъ, но менѣе удобнымъ — грунтовыми дорогами, 4-я — нѣсколько кружно, черезъ Райгродъ, но зато по шоссе. Штабъ корпуса передвигался въ составѣ этой послѣдней колонны.

Весь первый періодъ военныхъ дѣйствій мы совершали переходы подобнымъ образомъ. Между полками пѣхоты въ общей колоннѣ шелъ штабъ: командиръ корпуса верхомъ, за нимъ начальникъ штаба, затѣмъ офицеры штаба, имѣвшіе лошадей, справа по три, затѣмъ чины, не имѣвшіе лошадей, въ автомобиляхъ, которые, числомъ около 10, шли скоростью пѣшаго человѣка. Два взвода сотни конвоя шли по одному, справа и слѣва отъ колонны штаба, шагахъ въ 50—100, цѣлиною, очевидно охраняя штабъ отъ нападенія изъ засады.

Я началъ этотъ своеобразный маршъ въ автомобилѣ, нo въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Августова мы обогнали попавшій почему-то впередъ обозъ штаба. При немъ оказалась моя лошадь или, вѣрнѣе, мои лошади съ вѣстовымъ. Конь на войнѣ — ближайшій другъ и соратникъ штабного офицера. Поэтому считаю умѣстнымъ посвятить нѣсколько строкъ этому моему соратнику.

При переводѣ въ генеральный штабъ я не имѣлъ своей лошади, но, по мирному времени, имѣлъ право получить лошадь по казенной цѣнѣ изъ какого-либо кавалерійскаго полка. Будучи въ Петербургѣ въ командировкѣ, я просилъ коман-

дира корпуса помочь мнѣ найти коня. Въ составѣ XXII арм. корпуса въ Финляндіи былъ 20-й Финляндскій драгунскій полкъ. Генералъ, наканунѣ выступленія изъ Гельсингфорса, т. е. въ послѣдній день, когда этотъ полкъ ему еще подчинялся, послалъ его командиру телеграфное приказаніе, уступить для меня одну изъ строевыхъ лошадей, доставивъ ее въ г. Выборгъ ко времени прохода эшелона штаба, въ каковой эшелонъ ее и погрузить.

Здѣсь, на маршѣ я получилъ этотъ почти-что подарокъ Финляндскихъ драгунъ. Оказалась прекрасно выѣзжанная, полукровная кобыла, при ней отличнѣйшій драгунъ-вѣстовой, Петръ Семеновъ, а при немъ еще и его строевая лошадь. Итого я получилъ двухъ лошадей, изъ нихъ одну отличныхъ качествъ, и прекраснаго вѣстового, о доблести и преданности котораго мнѣ не разъ придется упоминать въ этихъ запискахъ.

Я былъ радъ покинуть идущій „шагомъ" автомобиль и продолжать маршъ верхомъ. Впрочемъ это удовольствіе продолжалось лишь до большого привала, на который штабъ корпуса остановился вмѣстѣ съ колонной, не доходя Райгрода.

Здѣсь командиръ корпуса приказалъ мнѣ и шт.-кап. Земцову, взявъ отъ ближайшей пѣхотной части двухъ стрѣлковъ въ конвой, выѣхать автомобилемъ прямо въ Лыкъ для отвода квартиръ штабу и управленію корпуса.

Я подошелъ къ фельдфебелю роты, лежавшей на шоссе впереди штаба, и передалъ ему приказаніе командира корпуса. И фельдфебель, и рота оказались мнѣ знакомыми: это была рота недавно сформированнаго 14-го Финляндскаго стр. полка, которая полностью была передана изъ 145-го пѣх. Новочеркасскаго полка, въ которомъ я до мая 1914 г. также командовалъ ротой.

Люди меня узнали и желающихъ со мной ѣхать оказалось очень много. Фельдфебель назначилъ двухъ рядовыхъ и мы быстро покатили въ Лыкъ, черезъ Граево.

Штабъ корпуса остался безъ единаго офицера генеральнаго штаба. Зато комендантъ штаба и другіе чины хозяйственно-административной части остались при командирѣ корпуса. Отводъ квартиръ повидимому почитался ближайшей обязанностью генеральнаго штаба.

. . . .

Около часа дня мы переѣхали государственную границу. При приближеніи къ ней, по обѣ стороны шоссе тянулась русская деревня. Довольно чистенькіе, но очень скромные

крестьянскіе домики. Около послѣдняго изъ нихъ на обочинѣ шоссе гордо возвышался на бѣло-черно-желтомъ столбѣ черный двуглавый орелъ. Шагахъ въ 30 далѣе лежалъ поверженнымъ на землю почти точно такой же столбъ, но съ одноглавымъ орломъ... Сейчасъ же дальше началась нѣмецкая улица селенія Гроссъ-Просткенъ — огромныя двухъ-этажныя зданія, садики съ желѣзными рѣшетками, прекрасныя службы, тротуары и т. д. Разница между русской и германской деревней была по-истинѣ изумительна. Но вѣдь и то правда— мы были уже „въ другомъ царствѣ, въ иномъ государствѣ".

Еще нѣсколько минутъ быстрой ѣзды и мы въѣзжали въ Лыкъ, уже болѣе двухъ недѣль занятый нами. Городъ былъ еще совершенно не тронутъ войной. Улицы были полны народомъ, всѣ магазины и кафэ торговали. При въѣздѣ нашемъ въ городъ какія-то двѣ барышни въ бѣлыхъ платьяхъ очень мило махали намъ платками...

Въ центрѣ города слышалась музыка: на главную улицу изъ боковой выходила колонна одного изъ полковъ нашей 2-ой бригады; впереди оркестръ и развернутое знамя; по бокамъ, вокругъ оркестра и знамени, съ упоеніемъ маршировала толпа нѣмецкихъ ребятишекъ. Полкъ шелъ какъ на парадѣ. Яркое августовское солнце сіяло на русскихъ штыкахъ... Но гдѣ же война?

Вотъ на главной улицѣ нѣмецкая гауптвахта: караульный домъ, платформа, будка — все какъ въ Россіи. На платформѣ русскій солдатъ-часовой.

Здѣсь мы остановились и отъ прохожихъ узнали, что въ глубинѣ сада, за гауптвахтой, имѣется большое зданіе какой-то школы. Мы проѣхали туда. Зданіе оказалось совершенно пустымъ. Я рѣшилъ занять его подъ штабъ корпуса. Войдя въ вестибюль я сталъ звать. На зовъ вышла старуха привратница. Она была блѣдна и такъ дрожала отъ страха, что едва могла говорить... Первое ощущеніе того, что мы въ непріятельской странѣ.

Я осмотрѣлъ зданіе и распредѣлилъ его отличныя комнаты по отдѣламъ корпуснаго управленія. Затѣмъ приказалъ старухѣ сварить для насъ съ Земцовымъ кофе; а пока она его варила—оба мы пошли въ городъ, купить съѣстного.

Мы зашли въ два магазина: въ одномъ купили колбасы и сыра, въ другомъ — шеколада и печенья. Въ обоихъ было много покупателей, среди нихъ русскіе солдаты, которые покупали за деньги. Намъ предложили печенье московской фирмы Сіу и К°, но по цѣнѣ, насъ поразившей: 1 р. 10 к., вмѣсто 35 к., какъ было обычно въ Россіи; мы отказались;

тогда намъ было предложено нѣмецкое печенье, крайне дешевое. Заплатили мы за рядъ покупокъ русскими деньгами: дали серебряный рубль и получили 15 копѣекъ сдачи.

Вернувшись въ зданіе школы, мы долго пили кофе и закусывали, а потомъ безрезультатно ждали штабъ. Только передъ темнотою пришелъ еще одинъ автомобиль: то былъ предсѣдатель корпуснаго суда, ген.-м. Донъ, прокуроръ, полк. ф. Раупахъ, и еще кто-то. Имъ удалось отпроситься у генерала Б. изъ колонны, все еще двигавшейся по шоссе Августовъ — Граево. Новостей они никакихъ не привезли.

Между тѣмъ стемнѣло, а съ темнотой появились недобрые признаки: на главной улицѣ появились отдѣльные русскіе солдаты, растерзаннаго и измученнаго вида. Караулъ на гаупвахтѣ задержалъ нѣсколькихъ такихъ солдатъ. Я вышелъ ихъ опросить. Они несли какой то вздоръ: „всѣ наши разбиты, все кончено, всѣ погибли“... Гдѣ и что именно случилось, понять было невозможно. Пока я съ ними разговаривалъ передъ платформой гауптвахты, гдѣ то дальше на главной улицѣ стали раздаваться отдѣльные выстрѣлы, сопровождаемые дикимъ крикомъ и звономъ разбитыхъ стеколъ. Я предложилъ караульному начальнику — унтеръ-офицеру послать патруль и прекратить это безобразіе. Онъ однако отказался, доложивъ, что мнѣ не подчиненъ, а самъ не считаетъ возможнымъ разъединять силы караула, когда повидимому вблизи непріятель *). Тогда я приказалъ солдатамъ, которыхъ опрашивалъ, итти за мной и самъ направился на выстрѣлы. Мы обогнули одинъ кварталъ и выбѣжали сбоку опять на главную улицу. Ярко свѣтила луна, освѣщая противоположную намъ сторону улицы, мы же были въ тѣни. По противоположному тротуару шелъ солдатъ, дико кричавшій во все горло, бившій прикладомъ стекла магазиновъ и по временамъ стрѣлявшій. Я его окрикнулъ; онъ остановился и быстро, на вскидку, выстрѣлилъ въ насъ, но промахнулся. Я, крича „стать смирно“, бросился къ нему. Онъ, цѣлясь мнѣ въ грудь, выстрѣлилъ еще разъ, почти въ упоръ. На мое счастье, оказалась осѣчка. Въ слѣдующее мгновенье я схватилъ его винтовку за штыкъ, а бывшіе со мною солдаты, вырвали ее у стрѣлявшаго и схватили его. Онъ оказался финляндскимъ стрѣлкомъ, что то бормоталъ совсѣмъ безсвязное и или былъ совершенно пьянъ, или въ припадкѣ безумія. Я сдалъ его караулу и дальнѣйшей судьбы его не знаю.

---

*) Караулъ былъ выставленъ отъ какого то мнѣ неизвѣстнаго коменданта гор. Лыка, повидимому изъ состава I Арміи, занимавшей своими фланговыми частями городъ до прихода частей XXII арм. корпуса.

Вынутый изъ его винтовки патронъ съ пробитымъ капсюлемъ я долго хранилъ, какъ воспоминаніе о первой опасности, которой подвергся въ Міровую войну.

Между тѣмъ число бѣглецовъ увеличивалось и изъ ихъ разсказовъ мы съ Земцовымъ наконецъ выяснили, что нашими частями понесено пораженіе у Бялы.

Штабъ корпуса не прибывалъ. Мы съ ген. Дономъ полъ ночи простояли около караула въ полномъ невѣдѣніи, что дѣлается и что дѣлать намъ.

Наконецъ, уже послѣ часу ночи, прибылъ кто то изъ штаба корпуса и передалъ мнѣ приказаніе ѣхать на ст. Граево, гдѣ остановился штабъ, но не прямо, а кругомъ, черезъ Райгродъ, ибо возможно, что прямой путь перерѣзанъ конницей противника.

Мы всѣ сейчасъ же выѣхали и послѣ безпрепятственнаго, но тяжелаго (по незнакомымъ дорогамъ, ночью, безъ огней) переѣзда, на разсвѣтѣ 26-го августа прибыли на станцію Граево.

Командира корпуса и начальника штаба мы нашли сидящими въ небольшой комнатѣ станціоннаго телеграфа. Тамъ же сидѣло человѣкъ пять офицеровъ штаба. Начальство было утомлено и въ очень дурномъ настроеніи. О пораженіи при Бялѣ ему было извѣстно, но свѣдѣнія были повидимому самыя неопредѣленныя. Чины штаба сидѣли въ состояніи крайняго утомленія. Никакой штабной работы не производилось.

Постоявъ безъ дѣла нѣкоторое время, я рѣшилъ поискать мѣста для отдыха. Станція была подготовлена къ эвакуаціи. Въ ея залы III и II класса были снесены и сложены какія то скамьи. Въ залѣ II класса одна такая скамейка стояла отдѣльно. Въ обѣихъ залахъ никого не было. Я прилегъ на эту отдѣльную скамейку и сейчасъ же уснулъ. Спалъ вѣроятно съ полъчаса. Проснулся отъ страшнаго грохота. Со сна мнѣ показалось, что по обѣ стороны станціоннаго зданія происходитъ рядъ взрывовъ. Я бросился въ сосѣдній залъ III класса и здѣсь увидѣлъ какого то человѣка безъ погонъ, но въ какой то незнакомой мнѣ формѣ, который на четверенькахъ ползъ между стѣной и сложенными скамьями. Мнѣ представилось, что нѣмцы напали на вокзалъ и бросаютъ ручныя гранаты и что предо мною одинъ изъ нихъ. Я выхватилъ револьверъ и бросился къ этому человѣку, который сталъ на колѣни и, поднявъ вверхъ руки, сталъ чистымъ русскимъ языкомъ молить меня о пощадѣ. Между тѣмъ грохотъ продолжался, а на его фонѣ слышался голосъ командира корпуса, который отчаянно ругался. Вся эта нелѣпая сцена быстро разъяснилась.

надъ станціей летѣлъ нашъ аэропланъ, поднявшійся съ аэродрома, расположеннаго за станціей. Только что выгрузившаяся на станціи рота ополченцевъ приняла его за нѣмца и открыла огонь вверхъ изъ своихъ берданокъ, а прятавшійся за скамейками человѣкъ былъ чиномъ лѣсного вѣдомства, зачѣмъ то пришедшимъ на вокзалъ и искавшимъ спасенія отъ бомбъ, которыя по его мнѣнію бросались съ аэроплана...

Итакъ, паническія настроенія росли.

Весь день 26-го августа я провелъ въ телеграфной комнатѣ, утомленный, голодный, не понимающій происходящаго и безъ всякаго дѣла. Командиру корпуса явилось много лицъ, разсказывавшихъ довольно противорѣчиво и нелѣпо о вчерашнемъ боѣ у Бялы. Еще менѣе ясны были данныя о противникѣ и о нашихъ частяхъ въ данную минуту. У меня создалось впечатлѣніе, что было неизвѣстно даже, гдѣ находятся нѣкоторыя изъ бывшихъ вчера у Бялы нашихъ частей.

Примѣрно черезъ мѣсяцъ мнѣ было поручено произвести разслѣдованіе о поведеніи въ этомъ бою нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ. Опросивъ тогда очень многихъ участниковъ боя, я составилъ себѣ слѣдующее о немъ впечатлѣніе.

24-го августа нашъ отрядъ въ составѣ 1-го, 4-го и 12-го Финл. стр. полковъ при трехъ батареяхъ разныхъ дивизіоновъ и 38-мъ Дон. казачьемъ полку, подъ общимъ начальствомъ старшаго изъ командировъ полковъ — полковника Погона (к-ръ 12-го полка) пытался овладѣть Іоганнисбургомъ. Въ качествѣ начальника штаба при полк. Погонѣ былъ старшій адъютантъ штаба 3-й Финл. стр. бригады, генеральнаго штаба капитанъ Верховскій.

Бой затянулся до вечера и успѣха не имѣлъ. Въ Іоганнисбургѣ оказывались значительныя силы противника. На всемъ остальномъ фронтѣ Мазурскихъ озеръ никакой активности противника еще не наблюдалось.

Подъ вечеръ къ отряду пріѣхалъ изъ Лыка замѣститель командира корпуса ген.-лейт. Стельницкій, со своимъ начальникомъ штаба, полк. Уляновскимъ. Стельницкій приказалъ прекратить бой и за ночь отвести части къ Бялѣ. При этомъ отходѣ Стельницкій и Уляновскій двигались вмѣстѣ съ колонной. На разсвѣтѣ 25-го части стали на отдыхъ на западной окраинѣ Бялы бивакомъ. Штабъ 3-й бригады занялъ отдѣльно стоящій домикъ, при чемъ кап. Верховскій, выйдя въ сосѣднюю комнату, немедленно заснулъ. Никакихъ приказаній по выставленію сторожевого охраненія онъ не отдалъ и гдѣ находился начальникъ отряда, полк. Погонъ, не зналъ, такъ

какъ считалъ, что съ прiѣздомъ полк. Уляновскаго и ген. Стельницкаго, его обязанности начальника штаба отряда сами собой отпали.

Между тѣмъ ген. Стельницкiй и полк. Уляновскiй полагали, что полк. Погонъ и кап. Верховскiй управляютъ попрежнему отрядомъ. Поэтому, немного отдохнувъ, они оба на своемъ автомобилѣ уѣхали въ Лыкъ. Уѣзжая, полк. Уляновскiй разбудилъ кап. Верховскаго и сказалъ ему: „мы уѣзжаемъ, начальникомъ отряда остается Погонъ". Но Верховскiй, со сна, не понялъ его и сейчасъ же снова заснулъ.

Въ 11-мъ часу утра командиры 1-го и 4-го полковъ, озабоченные отсутствiемъ охраненiя, послѣ долгихъ поисковъ начальника отряда, нашли и разбудили кап. Верховскаго. Узнавъ въ чемъ дѣло, послѣднiй сталъ писать приказъ о высылкѣ охраненiя, но въ это время совершенно неожиданно начался съ двухъ сторонъ обстрѣлъ бивака тяжелой артиллерiей. Кап. Верховскiй выбѣжалъ на пригорокъ и увидѣлъ наступающую съ запада цѣпь противника. Между тѣмъ на бивакѣ поднялась невообразимая паника.

Начальникъ отряда, полк. Погонъ, спавшiй въ отдѣльномъ домѣ среди рощицы, отдѣльно отъ своего полка, выбѣжалъ на шоссе и увидѣлъ скачущiе мимо него въ тылъ зарядные ящики. На одномъ изъ нихъ сидѣлъ командиръ артиллерiйскаго дивизiона полк. Порошинъ, задержавшiй ящикъ и предложившiй полк. Погону мѣсто около себя. Между тѣмъ около полк. Погона оказался знаменный взводъ его полка. Взявъ отъ знаменщика знамя, полк. Погонъ вскочилъ съ нимъ на зарядный ящикъ и ускакалъ.

Вслѣдъ за начальствомъ, въ безпорядкѣ бѣжалъ весь 12-й Финл. стр. полкъ и двѣ батареи.

Нѣсколько далѣе, на окраинѣ селенiя по тревогѣ построились въ полномъ порядкѣ 5 сотенъ 38-го (?) Донского каз. полка. Офицеровъ не было ни одного, такъ какъ они отдыхали въ селенiи. Въ это время командиръ одной изъ батарей и ея старшiй офицеръ, шт. капитанъ, выскакали на пригорокъ, бывшiй впереди казаковъ, и увидѣли эскадронъ германскихъ гусаръ, идущiй въ развернутомъ строю изъ лѣса къ нашему биваку. Съ разрѣшенiя командира батареи, штабсъ-капитанъ, слушатель Военной академiи, подскакалъ къ казачьему полку и, обнаживъ шашку, закричалъ: „полкъ, слушать мою команду! за мной!" и двинулся на встрѣчу гусарамъ. Сотни двинулись было за нимъ, но въ это время сзади появился командиръ полка, полк. Голубевъ, и скомандовалъ: „полкъ, стой!". А затѣмъ, несмотря на убѣжденiя шт.-капи-

тана, заявилъ, что полкъ имѣетъ другую задачу и увелъ его въ тылъ, галопомъ. Въ дальнѣйшемъ полкъ, потерявъ строй и дисциплину, несся по шоссе въ разсыпную, распространяя въ тылу панику криками объ общей гибели. Благодаря этому, шедшій къ Бялѣ изъ Граева свѣжій полкъ (кажется, 2-й) также „отступилъ“, бросивъ свои пулеметы.

На полѣ сраженія у Бялы остались: кап. Верховскій, вступившій въ командованіе отрядомъ именемъ полк. Погона, и тѣ части, начальники которыхъ оказались на высотѣ: 1-й и 4-й полки и 1-я батарея 3-го Финл. стр. арт. дивизіона (подполковникъ Аргамаковъ). Эти части отразили гусаръ, отбросили цѣпи противника и, несмотря на значительныя потери, держались до темноты (т. е. minimum 7 часовъ), послѣ чего отошли въ порядкѣ, бросивъ правда всѣ орудія, такъ какъ батарея потеряла чуть-ли не $^2/_3$ своего людского и конскаго состава, растрѣляла всѣ патроны до послѣдняго и имѣла бо́льшую часть орудій подбитыми. Противникъ не преслѣдовалъ. Повидимому съ его стороны была только конница съ 4—6 гаубицами.

Дѣло это было передано военному прокурору, но въ концѣ концовъ замято. Полковникъ Погонъ получилъ въ командованіе Ораніенбаумскую школу прапорщиковъ. Кап. Верховскій и подполк. Аргамаковъ награждены орденомъ Св. Георгія 4 ст. Пострадалъ (отрѣшенъ отъ должности) лишь полк. Порошинъ.

Не лишнее отмѣтить, что въ мирное время полк. Погонъ считался лучшимъ полковымъ командиромъ въ корпусѣ.

Хочется отмѣтить и положительную сторону: потеря орудій уже не считается преступленіемъ, разъ долгъ и задача батареи выполнены; капитанъ генеральнаго штаба командуетъ 2-мя полками; его мужество (подъ нимъ убита лошадь, его плащъ простреленъ въ 3-хъ мѣстахъ) искупаетъ его первоначальный промахъ.

Кто же виноватъ? Импровизація сборныхъ отрядовъ; случайные начальники; неясность командныхъ отношеній; пренебреженіе къ требованіямъ устава... А въ концѣ концовъ — двѣ главныя и основныя причины: неумѣнье управлять войсками и служебная нечестность, какъ непосредственно виновныхъ начальниковъ (полковниковъ Погона, Голубева и Порошина), такъ и высшаго начальства, не настоявшаго на преданіи суду этихъ виновныхъ *).

. . . .

*) Впрочемъ, дѣйствующая армія освободилась отъ нихъ всѣхъ, т. к. и Голубевъ вскорѣ былъ отрѣшенъ отъ должности за денежныя растраты и другія преступленія.

Возвращаюсь ко дню 26-го августа на ст. Граево.

Томительно протекалъ этотъ день. Подъ вечеръ одинъ изъ офицеровъ штаба узналъ, что въ 2—3-хъ домахъ отъ вокзала имѣется столовая, гдѣ довольствовались чины пограничной стражи, и что тамъ можно поѣсть. Кто-то изъ насъ обратился къ командиру корпуса, прося разрѣшенія по-очереди сходить закусить. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный и рѣзкій: у насъ де война, а не время для ужиновъ. Мы все же по одному, по-двое отлучались и закусили.

Стемнѣло. Командиръ корпуса приказалъ мнѣ поѣхать автомобилемъ въ Лыкъ, найти тамъ штабъ 3-й бригады и выяснить положеніе ея частей у Ариса. Почти вся ночь прошла въ этомъ путешествіи. Такъ какъ снова появились слухи, что на шоссе Граево — Лыкъ конница противника, то я и туда, и назадъ ѣздилъ кругомъ, черезъ Райгродъ. Тяжелую картину пришлось видѣть въ Лыкѣ: на какомъ-то пустырѣ на его окраинѣ, при свѣтѣ нѣсколькихъ ручныхъ фонарей перевязочный пунктъ, а по дорогѣ къ этому пустырю непрерывной вереницей несли раненыхъ — жертвы боя подъ Арисомъ. Неизбѣжное и совершенно обычное на войнѣ зрѣлище. Но въ первый разъ оно производило очень сильное впечатлѣніе.

Въ штабѣ 3-й бригады я узналъ, что послѣ очень тяжелаго боя нашъ 10-й Финл. стр. полкъ отошелъ отъ Ариса въ направленіи на Лыкъ.

Съ этимъ извѣстіемъ я и вернулся къ разсвѣту въ Граево.

Общая обстановка на фронтѣ стала выясняться: противникъ дебушировалъ изъ-за Мазурскихъ озеръ черезъ южные проходы между озерами у Іоганнисбурга и Ариса. Тоже происходило и на болѣе сѣверныхъ проходахъ. Рядъ германскихъ колоннъ устремился на востокъ, глубоко обходя І-ую армію Ренненкампфа, занимавшую фронтъ за р. Ангерапъ, сѣвернѣе и даже сѣверо-западнѣе Мазурскихъ озеръ.

Эта обстановка несомнѣнно была ясна въ штабѣ фронта. Мы, въ штабѣ XXII корпуса, видѣли только ея обрывокъ, но и по нему могли уже судить о дѣйствительной угрозѣ нашей 1-й арміи тѣмъ же, отъ чего уже погибла 2-ая...

Теперь мнѣ стыдно за себя, когда я вспоминаю эти первые дни на театрѣ военныхъ дѣйствій. Я, офицеръ штаба корпуса, былъ совершенно не оріентированъ въ томъ, что происходило у насъ же въ корпусѣ.

Я не могу утвердительно сказать, были ли командиръ корпуса и начальникъ штаба оріентированы лучше моего, но во всякомъ случаѣ они меня и Земцова ни съ чѣмъ не

знакомили и почти ни въ какіе разговоры не вступали. Я, напримѣръ, не зналъ и до сихъ поръ не знаю, была ли, и съ кѣмъ именно, у насъ въ Граевѣ телеграфная или телефонная связь кромѣ, какъ съ крѣпостью Осовцомъ.

Послѣ двухъ безсонныхъ ночей, день 27 августа былъ для меня еще болѣе смутнымъ, чѣмъ 26-е. Помнится, что въ Граево начала прибывать голова III Сибирскаго корпуса. Стали говорить о смѣнѣ насъ сибиряками. Командиръ корпуса выѣзжалъ днемъ по жел. дорогѣ въ кр. Осовецъ для переговоровъ, съ кѣмъ — теперь не помню. Вернувшись, онъ говорилъ о необходимости для корпуса отдыха, а вслѣдъ затѣмъ было получено приказаніе (вѣроятно штаба фронта, такъ какъ нашъ корпусъ ни въ какую армію не входилъ) о сосредоточеніи XXII корпуса къ Августову (т. е. объ отходѣ на 40 верстъ). И это въ то время, когда, какъ мы теперь знаемъ, но и тогда было несомнѣнно извѣстно штабу фронта, перешейки между Мазурскими озерами перешли въ руки противника и, слѣдовательно, арміи ген. Ренненкампфа начинала грозить судьба Самсонова!

Ген. Головинъ въ своемъ трудѣ „Восточно-Прусская операція" утверждаетъ, что объ отводѣ XXII корпуса къ Августову просилъ самъ генералъ Б., указывая на то, что корпусъ разстроенъ боями. Въ бояхъ 24, 25 и 26 августа участвовали только четыре изъ шестнадцати стрѣлковыхъ полковъ корпуса. Можно ли, при этихъ условіяхъ говорить о разстройствѣ корпуса или его крайнемъ утомленіи? Не проще ли сказать, что разстроенъ былъ самъ начальникъ главнымъ образомъ тѣмъ, что не зналъ, какъ приняться за управленіе своими многочисленными войсками?

Какъ бы то ни было, съ наступленіемъ темноты наши части должны были очистить Лыкъ, Гроссъ-Простkенъ и Граево и двигаться къ Августову. Въ Граевѣ оставались выгружающіеся головные эшелоны сибиряковъ.

Противникъ освобождался отъ той „финляндской" угрозы, которая висѣла надъ флангомъ и тыломъ его корпусовъ, обходившихъ уже I-ую армію...

Передъ темнотою офицеры штаба корпуса наблюдали съ путей станціи Граево на сѣверѣ, за Лыкомъ, на вечернемъ небѣ какіе-то продолговатые силуэты. Сначала предполагали, что это „эскадра цеппелиновъ". Затѣмъ выяснилось, что это дымки шрапнельныхъ разрывовъ. Впрочемъ, нѣкоторые остались въ убѣжденіи, что это были цеппелины.

Съ темнотою — отходъ. Штабъ корпуса опять двигался въ колоннѣ пѣхоты, по шоссе на Райгродъ. Въ Райгродѣ

ночевка, для меня — на полу, сумка и бинокль вмѣсто подушки. Но послѣ 2-хъ безсонныхъ ночей спалось отлично.

Утромъ 28 августа колонна и штабъ ушли въ Августовъ. Я былъ оставленъ въ Райгродѣ „для связи", съ кѣмъ — неизвѣстно. Сидѣлъ въ домѣ безъ всякаго дѣла до 4 час. дня, какъ было приказано, затѣмъ отправился верхомъ въ Августовъ, куда прибылъ въ темнотѣ.

Ночлегъ въ какихъ-то казармахъ и снова на голомъ полу, т. к. генералъ Б. не разрѣшилъ офицерамъ разставлять походныя койки („у насъ война!"). Впрочемъ, инспекторъ артиллеріи, ген. Головачевъ, все-таки демонстративно разставилъ и спалъ на койкѣ. Я — на полу, рядомъ съ его койкой.

Мнѣ разсказывали, что по пріѣздѣ въ Августовъ, между генераломъ Б. и Огородниковымъ было рѣзкое столкновеніе.

Части корпуса ночевали въ Августовѣ и его окрестностяхъ.

Со мной случился маленькій комичный инцидентъ. Въ Райгродѣ штабъ останавливался въ домѣ, занятомъ командиромъ 4-го Финляндскаго стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона*). Онъ встрѣтилъ штабъ чаемъ и закуской. Его сынъ, Миша, канониръ-доброволецъ, очень ловко разливалъ намъ чай. Сидя 28-го одиноко въ Райгродѣ и увидѣвъ этого „Мишу", я подозвалъ его къ себѣ, распросилъ, сколько ему лѣтъ и гдѣ учился и, со словами „молодецъ", сильно похлопалъ его по спинѣ. Когда я объ этомъ разсказалъ по пріѣздѣ въ Августовъ, меня подняли на смѣхъ: Миша былъ вовсе не Миша, а Маша, дочь этого полковника, пошедшая добровolицей, съ Высочайшаго разрѣшенія.

IV. „ДЛЯ СПАСЕНІЯ АРМІИ РЕННЕНКАМПФА".

Маршъ къ Маркграбову. Штабъ корпуса на маршѣ и отдыхѣ. Выгодное положеніе корпуса у Клещовенъ. Какъ трудно принять активное рѣшеніе. Отказъ отъ задачи. Отходъ, не видавши непріятеля. Настроенія. Оставленіе Августова.

Пребываніе въ Августовѣ оказалось непродолжительнымъ. Черезъ сутки послѣ прибытія туда частей корпуса, 29 августа послѣ полудня, была получена телеграмма ген.

*) Правильнѣе—дивизіона 50 артиллерійской бригады, позднѣе переименованнаго въ 4-й Финляндскій стрѣлковый артиллерійскій дивизіонъ, который до войны еще не былъ сформированъ.

Жилинскаго, въ которой, въ чрезвычайно мрачныхъ краскахъ, описывалось положеніе обходимой нѣмцами съ юга и юго-востока І-ой арміи. Поэтому приказывалось: „для спасенія арміи Ренненкампфа XXII-му корпусу въ одинъ переходъ занять Маркграбово".

Итакъ предписывался переходъ въ 60 верстъ... Зачѣмъ же, спрашивается, насъ уводили изъ Лыка, зачѣмъ мы потеряли соприкосновеніе съ противникомъ?

Корпусъ въ тотъ же вечеръ выступилъ двумя колоннами, которыя должны были 30 августа послѣ полудня сосредоточиться въ раіонѣ дер. Клещовенъ, верстахъ въ 15 южнѣе Маркграбова, и далѣе двигаться къ этому городу уже въ зависимости отъ обстановки.

Штабъ корпуса выступилъ въ 8 час. вечера, двигаясь, какъ и прежде, въ колоннѣ пѣхоты, опять по шоссе на Райгродъ, а далѣе на сѣверъ.

Передъ разсвѣтомъ мы подходили снова къ государственной границѣ. На маломъ привалѣ штабъ спѣшился. Командиръ корпуса пожелалъ что-то разсмотрѣть на картѣ. Ее разложили на землѣ и, закрывая свѣтъ фуражками, освѣщали электрическимъ фонарикомъ.

При этомъ генералъ Б. увидѣлъ, что начальникъ штаба куритъ сигару, и крайне рѣзко приказалъ ему бросить ее, т. к. „нельзя курить вблизи непріятеля".

Разсвѣло. Мы переходили границу. Сокращая дорогу, колонна пересѣкала пограничную линію цѣлиной. Я видѣлъ, какъ задняя рота полка, шедшаго впереди штаба, рядъ за рядомъ, снимала фуражки и крестилась, переходя уже на половину заѣзжанную пограничную канаву.

Съ первыми лучами восходящаго солнца мы подошли къ дер. Боржименъ. Здѣсь былъ назначенъ большой привалъ. Генералъ Б. избралъ для отдыха штаба небольшой круглаго очертанія хвойный лѣсокъ въ полуверстѣ отъ деревни. Штабъ направился туда. Мнѣ же было приказано осмотрѣть расположеніе частей въ дер. Боржименъ и представить схему. Я проскакалъ черезъ деревню, объѣхалъ ее кругомъ, разспросилъ нѣсколькихъ офицеровъ и въ результатѣ черезъ $1/_2$ часа представилъ генералу Б., уже расположившемуся со штабомъ на полянкѣ среди лѣса, схему расположенія $1^1/_2$ стрѣлковыхъ полковъ и дивизіона артиллеріи. Зачѣмъ это было нужно, когда расположеніе остальныхъ частей корпуса никто не зарисовывалъ, — не знаю.

Выполнивъ нѣкоторыя работы по штабу и не имѣя больше никакого дѣла, я прилегъ подъ одной изъ сосенъ на

мягкій сухой мохъ и собирался заснуть на оставшіеся до конца привала два часа времени. Но не успѣлъ я задремать, какъ былъ поднятъ лично командиромъ корпуса, приказавшимъ мнѣ не спать, такъ какъ мы „на войнѣ". Черезъ нѣсколько минутъ, отъ крайняго утомленія, я опять опустился на землю и задремалъ. На этотъ разъ генералъ разбудилъ меня уже съ крикомъ и сильно толкая... носкомъ своего сапога.

Пришлось сѣсть, прислонясь къ дереву, и употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы не заснуть.

Выступленіе было назначено въ 11 часовъ. За полъ-часа до этого времени послышался стукъ идущей рысью повозки, вслѣдъ затѣмъ появилась офицерская походная кухня, а впереди нея поручикъ, адъютантъ инспектора артиллеріи, который исполнялъ у насъ обязанности хозяина офицерскаго собранія.

— „Господа", провозгласилъ поручикъ, „обѣдъ привезенъ изъ деревни, пожалуйте поскорѣе кушать". Но кушать не пришлось.

Съ крикомъ устремился на-встрѣчу кухнѣ командиръ корпуса.

— Что это за безобразіе! Кто это вамъ позволилъ? Какъ вы смѣли! Неужели вы не понимаете, что онъ догадается, что здѣсь штабъ и броситъ въ насъ бомбы!?". Жестъ въ небо разъяснялъ въ чемъ дѣло: генералъ опасался нѣмецкихъ летчиковъ, хотя мы до этого времени еще не видѣли ни одного.

— „Галопомъ назадъ въ деревню", кричалъ Б., и кухня укатила, оставя насъ неѣвшими съ 7 час. вечера наканунѣ (тѣхъ, кто тогда ужиналъ, а нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, меня, и съ полудня наканунѣ).

Мы съ недоумѣніемъ смотрѣли на начальство. Но это недоумѣніе перешло въ еще худшее чувство, когда мы вслѣдъ затѣмъ увидѣли, какъ командиръ корпуса, на этотъ разъ любезно пригласивъ ген. Огородникова, усѣлся вмѣстѣ съ нимъ въ свой автомобиль и, открывъ въ немъ передній ящикъ, началъ съ апетитомъ закусывать имѣвшимся у него запасомъ...

Черезъ полъ-часа, голодные и злые, мы сѣли на коней и, выйдя изъ лѣсу, вступили снова въ колонну пѣхоты.

Не знаю, что чувствовали чины строевыхъ частей; что-же касается штаба, то духъ его чиновъ стремительно падалъ. Едва мы вытянулись въ колоннѣ, наступая на сѣверъ проселкомъ, какъ съ запада, отъ Лыка, начала доноситься сильная артиллерійская стрѣльба, Въ это время, когда я обгонялъ верхомъ колонну автомобилей штаба, я былъ остановленъ

сидѣвшими въ одномъ изъ автомобилей двумя офицерами-стрѣлками, для чего-то, безъ опредѣленнаго назначенія, прикомандированными къ штабу корпуса („для усиленія"). Эти офицеры буквально умоляли меня поддержать передъ командиромъ корпуса ихъ просьбу: отобрать у ближайшаго полка одинъ пулеметъ и дать его имъ въ автомобиль для обороны штаба въ случаѣ нападенія на него противника! Справедливость требуетъ здѣсь же отмѣтить, что за всю войну я нигдѣ не слышалъ ничего, даже отдаленно напоминающаго эту позорную сцену.

Въ дальнѣйшемъ движеніи я началъ испытывать нестерпимую жажду. Увидя столпившихся у колодца въ какой-то деревушкѣ солдатъ, я подъѣхалъ къ нимъ и попросилъ дать мнѣ напиться. Но вода была уже вычерпана. Одинъ изъ солдатъ далъ мнѣ кружку мутной воды, почти жижи изъ земли и ила. Но я и этому былъ несказанно радъ и выпилъ почти до дна. Солдатъ былъ очень удивленъ, какъ этимъ, такъ и тѣмъ, что я, офицеръ, не ѣлъ и не пилъ ничего со вчерашняго дня. Они же на привалѣ основательно закусили.

Вскорѣ погода начала портиться и пошелъ дождь. Часамъ къ 5 мы поднялись на пологую высоту, на которой, почти у самой дороги, стоялъ какой-то пустой сарай.

Съ высоты этой были далеко, во всѣ стороны, видимы окрестности и здѣсь же, на привалѣ, намъ пришлось получить первыя и, при томъ, весьма серьезныя свѣдѣнія о противникѣ.

Увидѣли мы слѣдующую картину:

Впереди, въ верстѣ, деревня Клещовенъ, къ которой справа подходила большая наша колонна. Итакъ, первое наблюденіе было утѣшительно: корпусъ весь былъ сосредоченъ, какъ и предполагалось, у Клещовенъ. Слѣва, на горизонтѣ огромные черные столбы дыма и доносившійся грохотъ свидѣтельствовали о боѣ и пожарѣ въ Лыкѣ. По этому же направленію, но много ближе, верстахъ въ 3-хъ отъ насъ, видна была небольшая колонна пѣхоты съ полубатареей. Это былъ нашъ боковой отрядъ. Но что было удивительнымъ, то это то, что колонна эта въ это время бѣгомъ разворачивалась въ боевой порядокъ въ сторону своего лѣваго фланга, а батарея занимала позицію и вслѣдъ затѣмъ открыла огонь. Цѣль была видна и намъ, и даже, вѣроятно, намъ, съ командующей высоты, лучше, чѣмъ боковому отряду, въ низинѣ: еще верстахъ въ 3-хъ западнѣе, съ сѣвера на югъ, на наши тылы, шла большимъ аллюромъ, въ колоннѣ какая то конница, несомнѣнно германцы. Надъ боковымъ отрядомъ тоже

стали рваться шрапнели. Бой этотъ, сколько мнѣ помнится (вниманіе мое скоро было поглощено другими событіями) продолжался недолго: противникъ скрылся изъ виду въ складкахъ мѣстности и группахъ лѣса, въ южномъ направленіи.

Выводъ для насъ — эта конница можетъ въ самомъ скоромъ времени перерѣзать наши сообщенія съ тыломъ. И дѣйствительно, спустя съ часъ было доложено, что телефонная линія, которую мы тянули за собой отъ Августова, перестала работать. Почему? Отвѣтъ казался яснымъ.

Между тѣмъ колонѣ нашей было приказано оставаться на привалѣ, и утомленные 22 часовымъ маршемъ солдаты такъ и залегли подъ дождемъ по сторонамъ проселка. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ полѣ моего ближайшаго наблюденія. Штабъ корпуса занялъ сарай и толпился на высотѣ около него.

Здѣсь надо сказать, что еще много ранѣе въ сторону противника была выдвинута конная развѣдка: на фронтъ оз. Клейнъ-Олецко — р. Распуда (на русской территоріи вдоль границы) былъ направленъ Отдѣльный Оренбургскій казачій дивизіонъ, а по пути нашего наступленія, на Марграбово, по западному берегу оз. Клейнъ-Олецко — команда конныхъ развѣдчиковъ 15 Финл. стр. полка (около 150 коней).

Впослѣдствіи разсказывали, будто бы команда эта первоначально встрѣтила эскадронъ германскихъ гусаръ и бросилась на него въ атаку, но гусары не приняли удара и быстро скрылись. За вѣрность этого эпизода не могу ручаться, но, зная начальника команды, подпор. Федорова, бывшаго Новочеркасца, считаю это возможнымъ. Тогда, во всякомъ случаѣ, я объ этомъ не слыхалъ, но за то, едва только мы осмотрѣлись на высотѣ съ сараемъ, какъ получено было донесеніе изъ авангарда о томъ, что эти конные развѣдчики въ 7 верстахъ, не доходя Маркграбова, встрѣчены огнемъ, понесли потери *), дальше продвигаться не могутъ, а отъ жителей узнали, что въ полдень въ Маркграбовѣ было 7 батальоновъ германской пѣхоты. Итакъ, стало ясно, что противникъ значительными силами вклинился между нами и I Арміей.

Едва только мы усвоили и разсмотрѣли на картѣ обстановку впереди и слѣва, какъ пришло донесеніе и справа — отъ Отдѣльнаго Оренбургскаго дивизіона: „Мои разъѣзды съ высотъ юго-западнѣе Бакаларжева между 3 и 4 часами дня

---

*) Впослѣдствіи я былъ на мѣстѣ этой стычки. На обочинѣ дороги была могила. Стоялъ грубо связанный крестъ, а на немъ чернильнымъ карандашомъ надпись на нѣмецкомъ языкѣ: „3 русскихъ солдата 15 Финл. полка, геройски погибшіе здѣсь 12 сентября 1914 г.“.

наблюдали движеніе черезъ Бакаларжево на Сувалки большой колонны противника. Прошло 9 баталіоновъ и 6 батарей“ *).

Былъ 7-й часъ вечера. Начинало смеркаться. Командиръ корпуса растерянно ходилъ передъ сараемъ. Начальникъ штаба молча курилъ сигару. Около меня сполпилась цѣлая группа офицеровъ генеральнаго штаба: кромѣ меня и Земцова къ намъ подъѣхали изъ штабовъ бригадъ капитаны Верховскій и Архиповъ, а еще ранѣе изъ штаба Сибирской дивизіи высаживавшейся въ Граевѣ, — капитанъ Токаревскій. Къ нашей же группѣ примкнулъ и прокуроръ, полк. фонъ-Раупахъ, весьма живо интересовавшійся ходомъ нашей операціи. Остальные офицеры штаба были тутъ же, но поодаль. На генерала Б. страшно было смотрѣть: налитое кровью небритое лицо, растерянные глаза, всклокоченные сѣдые волосы, когда онъ снималъ фуражку... Отрывочно обсуждали положеніе. Значитъ Сувалки уже заняты дивизіей противника. Въ Маркграбовѣ, вѣроятно, другая дивизія. На нашемъ тылу конница. Связь со штабомъ арміи **) прервана. Положеніе Ренненкампфа несомнѣнно тяжелое, но и положеніе нашего корпуса можетъ стать угрожающимъ. Наши тыловыя учрежденія въ Августовѣ прямо подъ ударами противника. Что дѣлать намъ? Генералъ Б. спросилъ мнѣніе начальника штаба. Послѣдній промычалъ что то неопредѣленное, вродѣ „какъ прикажете“. У меня было впечатлѣніе, что онъ просто не желаетъ помочь командиру корпуса.

Время шло. Темнѣло. Кто то громко высказалъ мысль, что нельзя терять времени, надо принимать какое-нибудь рѣшеніе. Генералъ Б. тогда сказалъ, что по приказу главнокомандующаго корпусъ долженъ наступать на Маркграбово, но, такъ какъ по обстановкѣ это слишкомъ рисковано и приведетъ къ окруженію корпуса, то онъ считаетъ наиболѣе раціональнымъ отойти назадъ къ Августову, но, такъ какъ онъ безъ приказа отходить не можетъ, то корпусу остается только одно: оставаться на мѣстѣ до полученія распоряженій. Сказавъ это, онъ ушелъ въ сарай.

Мы, молодые офицеры генеральнаго штаба, заволновались. Здѣсь впервые мы реально столкнулись съ той „старой школой“, которую такъ проклинали наши профессора въ академіи генеральнаго штаба послѣ Японской войны. Мы были

---

*) Текстъ донесенія привожу на память.

**) Еще около полудня мы получили сообщеніе, что XXII арм. корпусъ включенъ въ составъ новой X Арміи, командующій которой, ген. Флугъ, прибылъ въ крѣпость Осовецъ. Связь съ Осовцомъ у насъ была только черезъ Августовъ.

фанатически воспитаны на правилахъ Суворова: „ничего, кромѣ наступательнаго“ и Петра Великаго: „упущеніе времени смерти невозвратной подобно“.

Мы рѣшили, что каждый изъ насъ (а мы всѣ были одного и того же выпуска изъ академіи — 1911 г., только Земцовъ — 1912 г.) выскажетъ свое мнѣніе о положеніи. Провозглашенное въ наше время въ академіи „единство доктрины“ оказалось на-лицо: всѣ пять мнѣній оказались одинаковыми: съ разсвѣтомъ корпусу повернуть на сѣв.-востокъ на фронтъ Рачки — Бакаларжево и, оставивъ одну бригаду заслономъ со стороны Гольдапа, остальными тремя стремительно наступать съ тыла на нѣмцевъ, занявшихъ Сувалки. Противъ нѣмецкихъ 9 баталіоновъ, 36 орудій и 21 пулемета у насъ будетъ у Сувалокъ 24 баталіона, 84 орудія, 96 пулеметовъ при 14 сотняхъ и командахъ. Это превосходство въ силахъ дастъ намъ возможность быстро разгромить зарвавшуюся дивизію нѣмцевъ, а затѣмъ, вѣроятно къ вечеру слѣдующаго дня, повернуть на Гольдапъ и притянуть на себя еще не менѣе корпуса нѣмцевъ. Это ли не помощь Ренненкампфу?

Единство мнѣнія подняло нашу энергію. Рѣшено было, что молчать въ такихъ случаяхъ преступно, что надо проводить здравыя начала управленія войсками, воздѣйствуя на начальство. Обратились къ начальнику штаба. Онъ отвѣтилъ, что дѣло его не касается; генералъ Б. можетъ управлять корпусомъ, какъ ему угодно. Тогда рѣшено было обратиться къ командиру корпуса. Прокуроръ фонъ-Раупахъ выразилъ готовность поддержать насъ авторитетомъ своихъ „малиновыхъ кантовъ“ *). Рѣшили итти къ генералу Б. всѣ, но докладывать старшему. Старшимъ въ чинѣ оказался я. Это выступленіе испортило мнѣ въ будущемъ отношенія съ моими обоими начальниками.

Мы окружили командира корпуса и я доложилъ, что офицеры генеральнаго штаба просятъ разрѣшенія доложить ихъ мнѣніе.

„Пожалуйста, отвѣтилъ генералъ, я очень радъ; я очень цѣню мнѣніе моихъ младшихъ товарищей по штабу“.

Я доложилъ изложенную выше мысль, но нѣсколько рѣзко. Напримѣръ, я сказалъ, что мы считаемъ, что другого рѣшенія и быть не можетъ...

„Неужели же вы, господа, думаете, — отвѣтилъ генералъ Б., — что я этого не понимаю. Я вполнѣ того же мнѣнія, что и вы. Но только я не имѣю права предпринимать

*) „Малиновые канты“—синонимъ угрозы судебной отвѣтственностью.

движенія въ новомъ направленіи, не получивъ на то разрѣшенія отъ новаго командуюшаго арміей. А кто, скажите мнѣ пожалуйста, доставитъ мнѣ это разрѣшеніе?!".

Послѣднія слова были сказаны тономъ вызова.

Я приложилъ руку къ фуражкѣ и отвѣтилъ:

„Если вы мнѣ разрѣшите, то я постараюсь проѣхать въ Граево и оттуда переговорю съ генераломъ Флугомъ".

Генералъ Б. разыгралъ патетическую сцену. Онъ сталъ меня благодарить, жалъ руку, обнялъ и поцѣловалъ, говоря, что онъ понимаетъ, на какую я опасность иду, и наконецъ заявилъ, что даетъ свой личный автомобиль, какъ наиболѣе надежный.

Черезъ нѣсколько минутъ я выѣхалъ. Со мной поѣхалъ и кап. Токаревскій, желавшій вернуться въ свой штабъ. Я рѣшилъ взять, какъ и 25-го, двухъ стрѣлковъ себѣ въ конвой. Для этого вышелъ на дорогу и обратился къ ближайшей отдыхавшей ротѣ. Случаю угодно было, чтобы это была таже самая рота 14-го Финл. стр. полка, бывшая Новочеркасская. Я сказалъ людямъ, что вызываю охотниковъ, такъ какъ моя поѣздка не безопасна. Охотники сейчасъ же явились. Мы сѣли въ автомобиль и тронулись по дорогѣ назадъ. Но едва мы проѣхали шаговъ двѣсти, какъ услышали сзади крикъ „стой! стой!". Остановились. Насъ догонялъ какой то стрѣлокъ.

„Ваше высокоблагородіе, — кричалъ онъ, — возьмите меня, я и прошлый разъ съ вами ѣздилъ, а васъ знаю, я васъ не выцамъ, если что случится".

Я разсердился, но все таки взялъ съ собой просившагося, а одного изъ сѣвшихъ ранѣе ссадилъ.

Черезъ Боржименъ – Райгродъ мы благополучно попали въ Граево, но по пути не обошлось безъ инцидента.

Мы шли съ огнями, пока проѣзжали нашу спавшую колонну. Затѣмъ, помня командирскій разносъ, да и имѣя ввиду конницу противника въ нашемъ тылу, я приказалъ огни потушить. Небо было въ тучахъ, моросилъ дождь и было абсолютно темно. Лишь временами открывавшееся на западѣ зарево пожара надъ Лыкомъ давало нѣкоторый свѣтъ.

Мы ѣхали медленно по раскисшей отъ дождя глинистой дорогѣ, не разъ теряя въ темнотѣ колею. Около Боржимена мы окончательно потеряли дорогу, пошли цѣлиной, по песку, и наконецъ уперлись въ опушку какого то лѣса. Машина стала и въ эту же минуту мы услышали въ лѣсу сдержанные голоса и топотъ приближавшихся къ намъ многихъ бѣгущихъ людей. Мысль, что мы попали на противника,

охватила насъ. Я приказывалъ свернуть и отъѣхать отъ лѣса. Но шоферъ меня не понималъ. Тутъ только я вспомнилъ, что въ автомобилѣ командира корпуса шоферъ не солдатъ, а штатскій — финнъ-доброволецъ, не говорившій по-русски. Мы говорили въ полъ-голоса, не понимая другъ-друга, а невидимые люди въ лѣсу между тѣмъ, судя по треску сучьевъ, были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Кто то въ автомобилѣ началъ тихо хныкать.

Между тѣмъ навязавшійся мнѣ стрѣлокъ выскочилъ изъ автомобиля и куда то скрылся, затѣмъ появился снова, схватилъ за руку шофера, вытащилъ его изъ машины и поволокъ впередъ. Затѣмъ я увидѣлъ, какъ шагахъ въ четырехъ отъ автомобиля зажглась электрическая лампочка и при ея свѣтѣ стало видно, что стрѣлокъ, освѣщая лѣвою рукою фонарикомъ землю, правою пригибаетъ къ освѣщенному мѣсту за шиворотъ голову финна. Затѣмъ оба они бросились въ автомобиль, шоферъ пустилъ моторъ, зажегъ огни и машина рванулась впередъ. Въ четырехъ шагахъ передъ нами оказалась дорога. Выѣзжая на нее, шоферъ сдѣлалъ поворотъ и освѣтилъ на мгновеніе опушку лѣса. Отъ нея на насъ бѣжала цѣпь человѣкъ въ 10 русскихъ солдатъ. Впереди — офицеръ съ обнаженной шашкой въ рукѣ.

Мы остановились и дѣло объяснилось. Взводъ нашей телеграфной роты повѣрялъ проложенную нами и переставшую работать телефонную линцію и, находясь въ томъ самомъ лѣску, гдѣ штабъ корпуса имѣлъ утромъ привалъ, принялъ нашъ автомобиль за „нѣмецкій броневикъ"...

О германской конницѣ телеграфисты ничего не слыхали.

Въ Граевѣ, куда мы попали часовъ въ 10 вечера, я узналъ, что тамъ имѣется военный телеграфъ съ Осовцомъ. Въ какихъ то казармахъ я нашелъ этотъ телеграфъ. По телеграфу выяснилъ, что въ Осовцѣ только самъ ген. Флугъ. Штабъ же X Арміи еще не прибылъ изъ Сибири, гдѣ онъ формировался. При ген. Флугѣ только какой то капитанъ генеральнаго штаба. Вызвалъ его къ аппарату. Оказался нашъ, нашего штаба корпуса, капитанъ Ивановъ, который, возвращаясь изъ Ивангорода, былъ задержанъ въ Осовцѣ для временнаго замѣщенія всего штаба арміи. Я ему передалъ обстановку въ нашемъ корпусѣ и затѣмъ продиктовалъ телеграфисту примѣрно слѣдующее:

„Передъ командиромъ корпуса 4 возможныхъ рѣшенія: 1) продолжать наступленіе на Маркграбово, 2) отойти къ Августову, 3) оставаться на мѣстѣ и 4) ударить черезъ Рачки и Бакаларжево на Сувалки, обезпечивъ себя бригадою со сто-

роны Гольдапа. Генералъ Б. избралъ послѣднее рѣшеніе и на разсвѣтѣ выступаетъ, но проситъ командующаго арміей одобрить его планъ".

Кап. Ивановъ отвѣтилъ, что доложитъ нашъ разговоръ ген. Флугу и что отвѣтъ послѣдуетъ черезъ полъ-часа.

Я остался ждать на телеграфѣ. Увидя на подоконникѣ у телеграфистовъ-солдатъ кусокъ хлѣба, я почувствовалъ ужасный голодъ. Дѣйствительно, я не ѣлъ уже 36 часовъ. Солдаты охотно мнѣ его уступили и я съѣлъ его, запивая холодной водой.

Тѣмъ временемъ мой расторопный стрѣлокъ, съ моего разрѣшенія, уѣхалъ на автомобилѣ, якобы поискать бензина. Минутъ черезъ 40 кап. Ивановъ передалъ мнѣ отвѣтъ ген. Флуга. Рѣшеніе командира корпуса вполнѣ одобрялось. „Цѣлую генерала Б. за его мужественное рѣшеніе и молю Бога о побѣдѣ".

Я взялъ ленту нашего разговора и хотѣлъ сейчасъ же ѣхать обратно. Но вновь появившійся мой стрѣлокъ сталъ меня убѣждать заѣхать въ гостиницу поужинать. Онъ успѣлъ тамъ побывать, нашелъ тамъ какого то ротмистра пограничной стражи, которому разсказалъ, что на телеграфъ пріѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба, не ѣвшій два дня, и ротмистръ уже заказалъ для меня ужинъ. Искушеніе было велико. Кромѣ того я рѣшилъ, что разумнѣе мнѣ выѣхать обратно за $1^1/_2$ часа до разсвѣта, чтобы не блуждать снова въ темнотѣ по проселку на германской территоріи, а быстро его проѣхать на первомъ свѣту.

Въ гостиницѣ меня ожидалъ уже не одинъ ротмистръ, а цѣлыхъ три офицера-пограничника и лукулловскій ужинъ, которымъ „хозяева", какъ они себя называли, рѣшили подкрѣпить голодающій генеральный штабъ. Конечно, я отказался отъ напитковъ, кромѣ одной рюмки коньяку, но поѣлъ съ аппетитомъ. Не успѣлъ я доѣсть, какъ уже около меня появился мой стрѣлокъ и доложилъ, что до отъѣзда остается полтора часа и что для меня приготовлена постель. Я воспользовался и этой возможностью немного отдохнуть. Заботливый стрѣлокъ разбудилъ меня во время и въ $2^1/_2$ ч. ночи мы выѣхали изъ Граева. Снова по шоссе на Райгродъ и далѣе налѣво, къ границѣ. Чуть брезжилъ разсвѣтъ, когда мы свернули на проселокъ, и около 4 часовъ я былъ на высотѣ съ сараемъ.

Штабъ корпуса не спалъ. Посреди сарая былъ поставленъ небольшой столикъ и за нимъ сидѣлъ страшно утомленный командиръ корпуса. Офицеры штаба сидѣли на какихъ то

жердяхъ и на землѣ, на соломѣ. Тутъ же находились по-прежнему и офицеры ген. штаба штабовъ стрѣлковыхъ бригадъ. Я доложилъ отвѣтъ ген. Флуга. Командиръ корпуса приказалъ раздать написанный за время моего отсутствія приказъ на маршъ къ Сувалкамъ. Его стали раскладывать по конвертамъ. Въ это время мнѣ доложили, что телефонъ съ Августовымъ работаетъ и что офицеръ штаба, оставленный въ Августовѣ, кап. Наркевичъ, спѣшно проситъ меня къ аппарату. Я пошелъ въ телефонную палатку рядомъ съ сараемъ и къ изумленію своему услышалъ отъ Наркевича, что онъ только что былъ вызванъ въ Августовѣ на телеграфъ и ему тамъ передано изъ штаба фронта, что главнокомандующій, ген. Жилинскій, ознакомившись изъ донесенія командующаго X арміей съ рѣшеніемъ командира XXII корпуса атаковать противника, занявшаго Сувакп, призналъ это рѣшеніе рискованнымъ, приказалъ его отмѣнить и XXII корпусу въ одинъ переходъ отойти въ Августовъ!

Итакъ, нашъ стремительный маршъ къ Маркграбову оказался ненужнымъ, армію Ренненкампфа, которую мы должны были спасать, теперь приказывалось бросить на произволъ судьбы, наше выгодное положеніе у Клещовенъ представлялось опаснымъ и мы снова должны были дѣлать 45-верстный переходъ, не считаясь ни съ утомленіемъ, ни съ духомъ войскъ!

У меня было въ первую минуту желаніе притвориться, что по телефону ничего не слышно, и скрыть это нелѣпое и позорное приказаніе. Но я тогда, въ началѣ войны, на это не рѣшился... Если бы это случилось годомъ позже, то я вѣроятно поступилъ бы иначе.

Приказъ на наступленіе успѣли задержать и стали писать приказъ на отходъ...

Впослѣдствіи у насъ въ штабѣ говорили, что эта отмѣна ген. Жилинскимъ нашего наступленія послужила послѣдней каплей терпѣнія верховнаго главнокомандующаго и что великій князь отрѣшилъ ген. Жилинскаго отъ должности именно за эту отмѣну.

На это было запоздалымъ и весьма слабымъ утѣшеніемъ личнаго самолюбія. Дѣло же по существу было безнадежно погублено. Помимо отказа отъ возможности наказать зарвавшагося врага и дать столь нужную тогда намъ хотя бы частичную побѣду надъ германцами, помимо отказа отъ желанія облегчить положеніе 1-й Арміи, войскамъ нашимъ наносился нашимъ же командованіемъ тяжелый моральный ударъ: ничто такъ не разлагаетъ духа воиновъ и воли вождей,

какъ нерѣшительность на верху, безцѣльные марши и отходъ безъ очевидной необходимости.

Къ вечеру, совершенно измотанные физически и подавленные нравственно, мы отошли къ Августову. Противника, кромѣ одного плѣннаго германскаго драгуна, мы не видали, отходить намъ никто не помѣшалъ, но морально... мы понесли пораженіе. Объ этмъ прежде всего свидѣтельствовали нѣкоторыя сцены отхода.

Штабъ корпуса долженъ былъ отходить по пути восточной колонны. Но вмѣсто того, чтобы ему, или, по крайней мѣрѣ, его автомобилямъ, быстро пройти впередъ въ д. Клещовенъ, занятую еще штабами нашихъ бригадъ, а оттуда перейти на новую дорогу, командиръ корпуса рѣшилъ провести штабъ мелкими дорожками, частью цѣлиной. Началось это движеніе, протяженіемъ версты въ 3—4. Командиръ корпуса занялся лично указаніемъ пути автомобилямъ. Верхомъ, сопровождаемый конной частью штаба и окруженный сотней конвоя, нашъ бѣдный, совсѣмъ потерявшій душевное равновѣсіе старикъ ужасно волновался, ругалъ шоферовъ, кричалъ, бросался то впередъ, то назадъ, грозилъ кому то судомъ.... Длительная, тяжелая сцена...

Наконецъ мы вышли на путь восточной колонны и двигались шагомъ, обычнымъ порядкомъ, справа по-три, между отступавшими частями войскъ, между которыми образовались порядочные перерывы въ колоннѣ.

Прошли верстъ 5. Вдругъ генералъ Б. замѣтилъ, что ген. Огородниковъ не ѣдетъ непосредственно за нимъ, а отсталъ и ѣдетъ въ хвостѣ колонны штаба.

„Генералъ Огородниковъ!", грозно закричалъ онъ, остановивъ коня. Начальникъ штаба сталъ рысью нагонять командира корпуса.

„Потрудитесь галопомъ!", — закричалъ послѣдній.

Ген. Огородниковъ поднялъ лошадь въ галопъ и, подъѣхавъ, молча приложилъ руку къ козырьку.

„Вы ничего не дѣлаете! Вы опять пьяны! Отрѣшаю васъ отъ должности!".

. . . .

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой нелѣпой сцены, когда наше унылое движеніе шагомъ снова возобновилось, генералъ Б. подозвалъ меня къ себѣ. Я подъѣхалъ, ожидая, что онъ прикажетъ мнѣ, какъ единственному офицеру генеральнаго штаба, временно принять должность отрѣшеннаго генерала. Но вмѣсто этого я получилъ не совсѣмъ понятное приказаніе:

„Переѣзжайте на путь западной колонны и регулируйте ея движеніе".

Не знаю въ чемъ должно было заключаться это „регулированіе" движенія колонны, имѣвшей по приказу своего начальника, но я радъ былъ скрыться изъ штаба и, не распрашивая, такъ какъ это было бы все равно безполезно, откозырялъ и, сопровождаемый своимъ драгуномъ Семеновымъ, рысью двинулся на западъ вдоль нашей государственной границы.

Сдѣлавъ верстъ 10, я попалъ въ д. Помяны, гдѣ выѣхалъ на путь западной колонны. Части ея останавливались на большой привалъ.

Здѣсь я оставался до подхода арьергарда колонны, а затѣмъ на рысяхъ сталъ нагонять ея главныя силы. Тянулось группами и въ одиночку много отсталыхъ. Лица ихъ были истомлены и озлоблены. Принимая меня за врача, они не стѣснялись въ выраженіяхъ и громко критиковали высшее начальство. Въ одной изъ такихъ группъ я услышалъ умышленно громкія слова о томъ, что нашъ командиръ корпуса нѣмецъ, что его родной братъ въ германской арміи и что потому то мы и отступаемъ.

Я вступилъ съ этой группой стрѣлковъ въ разговоръ, сказалъ, кто я такой, увѣрилъ ихъ, что командиръ корпуса не нѣмецъ, а шведъ родомъ, что его братъ тоже русскій генералъ, что отходъ дѣлается для того, чтобы занять болѣе выгодное расположеніе, что это приказано свыше, а самъ генералъ Б. хотѣлъ наступать.

Стрѣлки сразу повеселѣли и чрезвычайно горячо меня благодарили.

„Вѣдь за недѣлю мы болѣе 300 верстъ отшагали взадъ и впередъ, а непріятеля вовсе не видали", говорили они, „и никто ни разу не объяснилъ намъ такъ, какъ вы".

Виноваты ли въ этомъ ихъ ближайшіе начальники? Я думаю, что не виноваты, такъ какъ едва ли и они могли что-нибудь понять въ безцѣльныхъ мотаніяхъ частей XXII арм. корпуса.

А гдѣ же было пресловутое „каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ"?

. . . .

Только позднимъ вечеромъ попалъ я въ Августовъ, въ знакомыя уже казармы. Въ штабѣ корпуса было волненіе: оба наши генерала сидѣли въ двухъ разныхъ комнатахъ, а прокуроръ ф. Раупахъ ходилъ изъ одной въ другую, стараясь ихъ примирить.

Къ полуночи примиреніе состоялось. Б. взялъ назадъ свои слова объ отрѣшеніи ген. Огородникова отъ должности.

. . . .

На другой день, 1-го сентября, получено было приказаніе корпусу отойти къ Липску, оставивъ въ Августовѣ арьергардъ.

Оставивъ въ Августовѣ 4-ю Финл. стр. бригаду, мы перешли въ Липскъ.

3-го сентября, дивизія противника изъ Сувалокъ двинулась на Августовъ. Огнемъ своей тяжелой артиллеріи она безнаказанно громила нѣсколько часовъ позиціи нашего арьергарда, легкая артиллерія котораго недострѣливала до противника.

Понеся никому не нужныя потери, арьергардъ этотъ отошелъ въ лѣса, на полъ-пути между Августовомъ и Липскомъ. „Въ соотвѣтствіи съ этимъ“ штабъ корпуса перешелъ въ погостъ Рыгаловку, гдѣ мы и осѣли почти на двѣ недѣли. Первыя наши операціи были закончены.

V. ПЕРВЫЙ ОТДЫХЪ.

Прикрытіе развертыванія X-й Арміи въ періодъ 2—14 сентября. Штабная работа въ періодъ отдыха. Отсутствіе регламентаціи ея. Моя ссора съ начальникомъ штаба и командиромъ корпуса. Подвигъ поруч. Полякова. Князь Іоаннъ Константиновичъ. Корнетская шутка.

Періоды боевъ всегда чередуются съ періодами сравнительнаго затишья. Такимъ первымъ „отдыхомъ“ было для насъ пребываніе между р. Бобромъ и Августовскими лѣсами со 2 по 14 сентября. Общая обстановка на Сѣв.-Западномъ фронтѣ была такова: 1-я Армія ген. Ренненкампфа сравнительно благополучно отошла за Нѣманъ. Нѣсколько корпусовъ противника, преслѣдуя І-ую Армію, заняли раіонъ отъ Ковны до Августова, дойдя мѣстами до Средняго*) Нѣмана. Наше командованіе сосредоточивало на линіи р. Бобра сильную группу войскъ — X-ую Армію — какъ намъ казалось, для нанесенія удара во флангъ и тылъ зарвавшейся группы нѣмцевъ.

Сосредоточеніе X-ой Арміи совершалось подъ прикрыті-

*) Средній Нѣманъ — участокъ рѣки между Гродной и Ковной, гдѣ она течетъ съ юга на сѣверъ.

емъ прибывшими частями III Сибирскаго Корпуса со стороны Граева и нашимъ XXII арм. корпусомъ — со стороны Августовскихъ лѣсовъ, занимающихъ сплошною полосой все пространство отъ государственной границы, на западѣ, до самаго Нѣмана, на востокѣ. Юго-восточной и южной границей этихъ лѣсовъ является, приблизительно, система Августовскаго канала и входящихъ въ нее рѣчекъ. По этой линіи, отъ Сапоцкина, что сѣвернѣе Гродны, и до р. Бобра, къ юго-востоку отъ Августова, и растянулись всѣ 4 стрѣлковыхъ бригады нашего корпуса.

Штабъ корпуса сталъ вблизи шоссе Августовъ—Липскъ—Гродна, въ 20 верстахъ отъ послѣдней, въ погостѣ и небольшой деревушкѣ Рыгаловкѣ. Расположеніе было чрезвычайно тѣсное. Въ 2—3 комнатахъ дома священника расположился командиръ корпуса, начальникъ штаба и большая часть штабныхъ офицеровъ. Эти же комнаты служили и канцеляріями.

Штабу корпуса, до сихъ поръ и не начинавшему еще налаживать своей работы, предстояло въ немногіе дни отдыха сорганизоваться, распредѣлить работу между своими офицерами, установить какой-либо опредѣленный порядокъ службы. Наши уставы, а также и полученное уже на походѣ новое „Положеніе о полевомъ управленіи войскъ“ вовсе не регламентировали службы штаба. Указывались лишь общія задачи работы штаба, перечислялись его чины, но что каждый изъ этихъ чиновъ долженъ дѣлать и какими внѣшними пріемами должна выполняться эта работа, — совершенно не указывалось. Конечно, отсутствіемъ точной регламентаціи достигалась большая гибкость штабной работы: каждый начальникъ штаба могъ организовать эту работу по своему и примѣняясь къ личности старшаго начальника, личностямъ своихъ штабныхъ офицеровъ и разнымъ мѣстнымъ условіямъ. Но для осуществленія этого, по крайней мѣрѣ, самъ начальникъ штаба долженъ былъ умѣть организовать свой штабъ. А если этого умѣнье не было?

Штабная работа мирнаго времени не давала въ этомъ отношеніи почти ничего. Въ военныхъ училищахъ, да и въ Военной Академіи (въ мое время) этому не учили. Практика Русско-Японской войны была у немногихъ, да къ тому же она была весьма однобокой.

Мы русскіе въ большинствѣ страдаемъ вообще недостаткомъ организаціонныхъ способностей. Наши старшіе начальники въ большинствѣ были недостаточно подготовлены, а многіе и вовсе не подготовлены къ управленію войсками. При этихъ условіяхъ неопредѣленность организаціи и

работы органовъ управленія, т. е. штабовъ, являлась особенно нежелательной. Создавалась грустная картина: прекрасныя войска, плохіе начальники и вовсе неорганизованное управленіе.

Въ этомъ главнѣйшая причина нашихъ неудачъ начала войны. Личный опытъ и личныя душевныя мученія пережитыхъ лѣтъ заставляютъ меня не только говоритъ, но кричать объ этомъ!

Для штаба XXII арм. корпуса двухнедѣльный отдыхъ въ Рыгаловкѣ прошелъ безъ всякой пользы. Генералъ Б. не касался организаціи штабной работы. Впрочемъ, это было и не его дѣло. Ген. Огородниковъ или не умѣлъ или, по лѣни своей, не хотѣлъ поработатъ надъ устройствомъ штаба. Возможно и то, что оба генерала даже не представляли себѣ, что работу можно и нужно наладить. Какъ составлялись и размножались важнѣйшія распоряженія командира корпуса — боевые приказы — я буду имѣть случай разсказать въ дальнѣйшемъ изложеніи. Свыше стали требоваться такъ называемыя „срочныя донесенія", т. е. донесенія въ опредѣленные часы, нѣсколько разъ въ день о положеніи на фронтѣ корпуса и о полученныхъ о противникѣ свѣдѣніяхъ. Впослѣдствіи эта часть штабной работы выполнялась почти механически, какъ хорошо налаженная машина. Въ этотъ же начальный періодъ войны свыше требовали эти донесенія чуть ли не каждые два часа; какъ ихъ составлять, по содержанію и по формѣ, никто у насъ въ штабѣ не зналъ. Обычно ген. Огородниковъ приказывалъ мнѣ составить донесеніе. Затѣмъ меня ругали, и онъ, и командиръ корпуса: то неясно, то непонятно, то неполно, то слишкомъ полно, то части перечислены не въ томъ порядкѣ... А какъ надо это дѣлать, ни тотъ и ни другой мнѣ не говорили. Замѣчанія мнѣ дѣлались рѣзко, раздраженно. Каждое донесеніе приходилось переписывать по нѣсколько разъ...

Остальная штабная работа дѣлалась безъ всякаго плана и порядка. Черезъ нѣсколько дней само собой установилось, что за однимъ изъ столовъ, у окна, постоянно работалъ я и два прикомандированныхъ къ штабу штабсъ-капитана. Всевозможную штабную переписку бросали къ намъ на столъ и мы старались, какъ могли и умѣли, съ нею справиться. Росли горы неисполненныхъ бумагъ и неразобранныхъ вопросовъ. Посреди комнаты возсѣдалъ за отдѣльнымъ столомъ ген. Огородниковъ, непрерывно курилъ сигару и „рычалъ" на каждаго, къ нему подходившаго. Это слово характернѣе всего

опредѣлитъ тотъ тонъ, которымъ нашъ начальникъ штаба съ нами разговаривалъ.

Дней черезъ десять, видя, что дѣло не налаживаеся, а все больше и больше запутывается, мы трое сдѣлали попытку внести въ нашу работу извѣстную организацію. Мы составили проектъ распредѣленія достававшихся намъ дѣлъ между нами тремя и я, изложивъ этотъ проектъ письменно, подошелъ къ начальнику штаба и самымъ почтительнымъ образомъ просилъ его для пользы дѣла утвердить это распредѣленіе съ тѣмъ, что я, какъ старшій и какъ офицеръ генеральнаго штаба, буду отвѣчать за правильность выполненія всѣхъ трехъ группъ дѣлъ. Огородниковъ взялъ у меня листокъ съ распредѣленіемъ, нѣсколько мгновеній на него молча смотрѣлъ, а потомъ, скомкавъ, швырнулъ его въ меня, закричавъ:

„Вы, кажется, съ ума сошли! Вы собираетесь давать мнѣ совѣты, какъ упрявлять штабомъ! Я съ вами не желаю разговаривать".

Влѣдствіе нѣсколькихъ подобныхъ разговоровъ, при чемъ я соблюдалъ полнѣйшее чинопочитаніе, я подалъ рапортъ, въ которомъ, ссылаясь на постоянное недовольство мною со стороны моего начальника штаба, просилъ о переводѣ меня въ какое-либо другое мѣсто служенія.

Генералъ Б. чрезвычайно обидѣлся. Для его начальническаго самолюбія казалось оскорбительнымъ, что кому-то изъ его подчиненныхъ плохо служится въ его штабѣ.

Чтобы покончить съ этимъ личнымъ вопросомъ, который я здѣсь излагаю для характеристики отношеній и службы штаба въ началѣ войны, я забѣгу нѣсколько впередъ,

14-го сентября, когда штабъ корпуса, въ предвидѣніи нашего наступленія, перешелъ въ Сапоцкинъ, отношенія мои и съ командиромъ корпуса испортились окончательно. Теперь, когда я вспоминаю объ этихъ дняхъ, я отлично понимаю, что причиной описываэмыхъ столкновеній являлось то, что наши старики-генералы, измученные физически, разстроенные душевно, павшіе духомъ подъ вліяніемъ неудачъ, ежечасно ожидая отрѣшенія отъ должности, окончательно изнервничались. Въ частности, генералъ Б. мучился своею безпомощностью въ дѣлѣ управленія корпусомъ, не могъ не видѣть въ этомъ подрыва своего авторитета, не спалъ и, противъ своей воли, терялъ всякое равновѣсіе.

14-го сентября у насъ царила увѣренность, что нѣмцы вновь перешли въ наступленіе и форсируютъ Нѣманъ у Друскеники. Между тѣмъ въ нашъ штабъ корпуса въ Сапоц-

кинѣ явился съ разъѣздомъ поручикъ одного изъ полковъ 1-ой кавал. дивизіи Поляковъ и доложилъ, что будучи наканунѣ въ тылу противника, въ Августовскихъ лѣсахъ, онъ наблюдалъ общій отходъ нѣмцевъ по шоссе отъ Нѣмана на Сейны. Этотъ докладъ кореннымъ образомъ мѣнялъ наше представленіе объ обстановкѣ. Командиръ корпуса приказалъ мнѣ распросить подробно этого офицера и составить донесеніе въ штабъ арміи. Офицеръ едва держался на ногахъ отъ утомленія и, по его словамъ, три дня не ѣлъ. Я взялъ его подъ руку, отвелъ въ комнату, гдѣ мы только что отобѣдали, усадилъ и, приказавъ подать ему чаю и что-то, оставшееся отъ обѣда, сталъ проглядывать его записную книжку, въ которой онъ удивительно толково, по часамъ записалъ свои наблюденія. Въ это время мнѣ подали открытое письмо, первое письмо отъ родныхъ, полученное мною на театрѣ военныхъ дѣйствій. Держа въ одной рукѣ это письмо, я распрашивалъ жадно закусывавшаго поручика по поводу его записей. Прошло не болѣе 5 минутъ. Открылась дверь, показалась голова генерала Б. и послышался его окрикъ:

„Капитанъ Сергѣевскій, пожалуйте въ мою комнату!“.

Когда я къ нему вошелъ, онъ нервно ходилъ по комнатѣ.

— „Капитанъ“, сказалъ онъ мнѣ грозно, „я въ первый разъ вижу офицера, который въ такой мѣрѣ, какъ вы, предпочиталъ бы свои личные интересы интересамъ Родины. Я даже не могъ себѣ представить, что могутъ быть такіе офицеры. Потрудитесь сейчасъ же составить донесеніе о показаніяхъ поручика. Если вы его мнѣ не представите черезъ 10 минутъ на подпись, я предамъ васъ суду!“.

Представляю судить читателю, что почувствовалъ я, слушая эти слова. Мелькнувшая у меня тогда мысль о необходимости самоубійства нѣсколько дней не оставляла меня . . .

Я все же постарался взять себя въ руки, отвѣтилъ обычное „слушаю“ и, вернувшись къ Полякову, прервалъ его обѣдъ и просилъ прямо продиктовать мнѣ выводъ изъ его наблюденій.

Записавъ краткія и точныя слова этого талантливаго офицера, къ сожалѣнію, какъ я слышалъ, вскорѣ послѣ этого убитаго, я понесъ донесеніе на подпись командиру корпуса. Но его уже не оказалось, а вѣстовой мнѣ доложилъ, что генералъ „уѣхали верхомъ кататься съ адъютантомъ“ . . . Онъ вернулся часа черезъ два . . .

Разбуженный мною ген. Огородниковъ не нашелъ возможнымъ отправить донесеніе въ его отсутствіе. Впрочемъ, на этотъ разъ ген. Огородниковъ держалъ себя со мною прилично и

даже, выслушавъ мой докладъ о полученномъ отъ высшаго начальника „замѣчаніе“, что-то сказалъ мнѣ въ утѣшеніе.

Въ этотъ день я окончательно палъ духомъ. Страшно переутомленный, такъ какъ почти за мѣсяцъ жизни на фронтѣ я ни разу не выспался, безсильный разобраться въ творившемся въ штабѣ хаосѣ, самъ безъ опыта штабной службы, не имѣя около себя ни одного болѣе опытнаго сослуживца, постоянно получая рѣзкіе разносы отъ обоихъ начальниковъ, я искренно рѣшилъ, что я и не подготовленъ, и не способенъ къ штабной службѣ. Посовѣтывавшись съ моимъ бывшимъ сослуживцемъ и начальникомъ по гвардейской артиллеріи, ген. Головачевымъ, и знакомымъ мнѣ по Петербургу командиромъ Отдѣльнаго Оренбургскаго казачьяго дивизіона, полковникомъ Желтухинымъ, я на другой день подалъ рапортъ о переводѣ меня изъ генеральнаго штаба въ строй любого рода войскъ...

Объ этихъ дняхъ своей службы я и до сихъ поръ вспоминаю съ ужасомъ.

Возвращаюсь назадъ ко времени пребыванія штаба въ Рыгаловкѣ.

На фронтѣ бригадъ тѣснаго соприкосновенія съ противникомъ не было. Съ обѣихъ сторонъ велась пѣшая и конная развѣдка. Изрѣдка брались плѣнные, опросъ которыхъ сталъ моею обязанностью за отсутствіемъ въ штабѣ другихъ офицеровъ, знающихъ нѣмецкій языкъ. Объ этомъ первомъ своемъ непосредственномъ общеніи съ нашим врагамии я скажу нѣсколько словъ позднѣе.

Былъ случай обнаруженія дѣйствій людей противника въ нашемъ тылу. Готовясь къ переходу въ наступленіе, мы провели нѣкоторыя новыя телефонныя линіи. Одна изъ такихъ линій была закончена, но еще не обслуживалась. Однажды ночью на этомъ проводѣ на станціи штаба корпуса появились вызовы; оказалось, что кто-то ломанымъ русскимъ языкомъ спрашивалъ, какія части прибыли. По шоссе, шедшему вдоль линіи, былъ немедленно посланъ автомобиль, который въ нѣсколькихъ верстахъ отъ штаба нашелъ смертельно раненаго унтеръ-офицера телеграфиста, совершавшаго обычную повѣрку и обходъ линіи. Онъ смогъ разсказать, что былъ неожиданно раненъ ручной гранатой, брошенной какимъ-то человѣкомъ, повидимому включавшимся въ полевой кабель.

. . . .

Вспоминая эти дни, нельзя не вспомнить о прикомандированіи къ штабу его высочества князя Іоанна Константино-

вича. Онъ былъ штабсъ-ротмистромъ Л. Гв. Коннаго полка. Однажды, неожиданно для насъ, онъ прибылъ въ прикомандированіе къ штабу. Явившись командиру корпуса, онъ вошелъ въ нашу комнату. Осмотрѣвшись, онъ подошелъ ко мнѣ, какъ старшему, весьма отчетливо представился уставнымъ рапортомъ и просилъ представить его остальнымъ офицерамъ, что я и сдѣлалъ. Около мѣсяца онъ жилъ среди насъ, удивляя насъ всѣхъ чрезвычайной дисциплинированностью въ отношеніи старшихъ и самыми простыми и сердечными отношеніями съ младшими. Мнѣ приходилось видѣть, какъ въ часы досуга онъ мальчишески возился съ лихими корнетами, адъютантами командира корпуса, которые, не стѣсняясь, боролись съ нимъ.

Служебныхъ познаній у него было немного, но усердіе по службѣ огромное и онъ всегда старался кому-нибудь помочь въ его работѣ. Будучи человѣкомъ религіознымъ, онъ немедленно сорганизовалъ въ штабѣ церковный хоръ и, пользуясь наличіемъ въ Рыгаловкѣ церкви и священника, организовалъ говѣніе желавшихъ чиновъ штаба. 8 сентября большая часть офицеровъ, во главѣ съ командиромъ корпуса, была за обѣдней и причастилась, что весьма отвѣчало настроенію послѣ первыхъ боевъ. Самъ Іоаннъ Константиновичъ служилъ за дьячка.

. . . .

Одинъ изъ дней нашего пребыванія въ Рыгаловкѣ ознаменовался комическимъ инцидентомъ. Вышеупомянутые корнеты, адъютанты генерала Б., выпросили у него разрѣшеніе съѣздить въ Гродну. Когда они вернулись, офицеры штаба закидали ихъ вопросами, что они слышали, что видѣли.

Корнеты увѣряли, что они ничего замѣчательнаго не видѣли, но одинъ изъ нихъ вдругъ что-то вспомнилъ и сталъ разсказывать, что они заѣхали на вокзалъ и тамъ видѣли, какъ откуда-то привезли пропеллеръ... Надо пояснить, что въ тѣ дни приходили извѣстія объ отрѣшеніи отъ должностей многихъ начальниковъ. Объ этихъ отрѣшеніяхъ обыкновенно разсказывалось въ грубо-насмѣшливыхъ выраженіяхъ, при чемъ вмѣсто стараго мало-приличнаго выраженія „вставили перо“, стали употреблять болѣе современное: „вставили пропеллеръ“ ....

„Огромный пропеллеръ, разсказывалъ корнетъ, едва на двухъ платформахъ помѣщается. Очевидно генеральскій“.

— Что?! вдругъ раздался голосъ командира корпуса, вышедшаго тоже послушать, что разсказываютъ корнеты, и не замѣченнаго ими, — „это ужъ, господа, слишкомъ!“.

И бѣдный старикъ, схватившись за голову, быстро ушелъ въ свою комнату.

Дѣло разъяснилось, корнеты видѣли огромный пропеллеръ германскаго дирижабля, сбитаго у Млавы, перевозившійся въ Петербургъ. Намекнули же они на отрѣшеніе генерала Жилинскаго, о чемъ говорили въ Гроднѣ, и что намъ еще не было извѣстно.

VI. БОИ ВЪ АВГУСТОВСКИХЪ ЛѢСАХЪ.

(См. схему № 1).

Стратегическій очеркъ. Встрѣча съ Врангелемъ. Какъ писать боевой приказъ. Штабъ корпуса въ бою подъ Капціово. Въ Капціовѣ, Сейнахъ и Гибахъ. Командировка въ штабъ арміи. Бои, гдѣ русскіе „показали свои волчьи зубы": пѣхотная атака съ 600 шаговъ; штыковой бой; гибель германской колонны; мѣста боя сибирскихъ стрѣлковъ; недостойный германецъ.

Какъ я уже говорилъ выше, преслѣдуя 1-ую армію, германцы заняли группой своихъ корпусовъ раіонъ между Среднимъ Нѣманомъ и линіей Сувалки — Августовъ, имѣя въ последнемъ раіонѣ лишь слабыя силы и сосредоточивъ главныя силы къ Нѣману. Наша X-ая армія, собираясь на Бобрѣ, по мысли главнокомандованія Сѣв.-западнымъ фронтомъ имѣла пассивное заданіе. Однако командующій арміей, ген. Флугъ, настойчиво выдвинулъ свой планъ ударить съ юга во флангъ и тылъ германской группы. Какъ разъ ко времени нашего перехода въ наступленіе и германцы проявили признаки активности: подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, они стали наводить понтонный мостъ на Нѣманѣ у Друскеникъ, а также стали наступать съ сѣвера на раіонъ Сапоцкина, при чемъ на этомъ направленіи обнаружилось дѣйствіе ихъ тяжелой артиллеріи.

Въ соотвѣтствіи ли съ этими дѣйствіями противника или независимо отъ нихъ, но наше армейское командованіе изъ своихъ четырехъ корпусовъ двумя (XXII-мъ и II-мъ Кавказскимъ) перешло 15 сентября въ наступленіе съ юга на сѣверъ, именно вдоль западнаго берега Нѣмана, при чемъ въ ближайшей къ нему полосѣ наступало $1^1/_2$ корпуса. Остальные два корпуса (III-й Сибирскій и I-й Туркестанскій) наступали изъ-за Бобра въ сѣверо-западномъ и западномъ направленіи, на Августовъ и раіонъ Граева. Подобное рѣшеніе ука-

зывало на то, что въ ближайшей къ Нѣману полосѣ во всякомъ случаѣ предполагались значительныя силы противника. Онѣ тамъ и были, но изъ-подъ удара нашего ускользнули.

Намъ удалось сильно пощипать одинъ изъ арьергардовъ противника, но главныхъ его силъ мы не встрѣтили. Въ нашемъ представленіи онѣ успѣли отойти на западъ*). Въ послѣдующіе дни (16-го, 17-го) оба корпуса были повернуты на западъ и только 18-го нагнали отходящаго противника уже въ раіонѣ Сувалокъ. За тѣ же дни, западная группа X-й арміи, овладѣвъ раіономъ Августова, успѣла создать серьозную угрозу сообщеніямъ противника, что и повело къ чрезвычайно упорнымъ и кровавымъ боямъ 18-го и 19-го сентября въ западной части Августовскихъ лѣсовъ, примѣрно въ раіонѣ Сувалки—Августовъ—Рачки. Бои эти, въ значительной части штыковые, получили названіе „боевъ въ Августовскихъ лѣсахъ". Они дали намъ успѣхъ и сознаніе своей силы, противнику — огромныя потери и паническій ужасъ передъ русскимъ штыкомъ.

Въ результатѣ — германцы отошли къ границѣ и отказались отъ активности на всемъ фронтѣ, сѣвернѣе Вислы, что позднѣе повело и къ потерѣ ими части Восточной Пруссіи.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, стратегическій обзоръ операціи X-й арміи во второй половинѣ сентября 1914 г. Я долженъ оговориться, что этотъ обзоръ сдѣланъ мною исключительно со своей скромной точки зрѣнія офицера штаба одного изъ корпусовъ и при томъ по памяти, естественно, за 16 лѣтъ далеко не все въ себѣ удержавшей.

Теперь перехожу къ „пережитому" за эти дни.

14-го сентября штабъ корпуса перешелъ въ Сапоцкинъ и расположился въ зданіяхъ монастыря, брошеннаго своими обитателями. По пути въ Сапоцкинъ, идя какъ всегда верхомъ въ колоннѣ по три, мы встрѣтили на какомъ-то перекресткѣ дорогъ группу всадниковъ. Это былъ временный штабъ бригады I Гвард. Кавал. дивизіи. Я узналъ командира бригады, ген.-м. Скоропадскаго, и его временнаго начальника штаба, ротмистра Врангеля. Будучи съ послѣднимъ знакомъ по академіи, я къ нему подъѣхалъ и поздравилъ съ красовавшимся на немъ орденомъ св. Георгія за атаку при Каушенѣ. Мы обмѣнялись нѣсколькими сердечными словами. Кто-бы тогда

---

*) На дѣлѣ на западъ до нашего удара отошли лишь видѣнные пор. Поляковымъ обозы и сравнительно небольшая часть войскъ, отводившаяся на усиленіе Сувалко-Августовской группы противника.

подумалъ, что этимъ офицерамъ суждено стать — одному гетманомъ Малороссіи, а другому вождемъ Бѣлой Россіи!

Въ Сопоцкинѣ мы узнали, что XXII и II Кавказскій корпуса объединяются въ группу подъ общимъ командованіемъ командира II Кавказскаго корпуса, ген. Мищенки. Это подчиненіе чрезвычайно подѣйствовало на самолюбіе генерала Б. Можетъ это и было причиной того раздраженія, которое вылилось на мою голову въ описанной уже мною сценѣ изъ-за доклада поручика Полякова.

Отношенія обоихъ штабовъ съ мѣста получили болѣе, чѣмъ холодный характеръ.

Вечеромъ мы писали приказъ на наступленіе слѣдующаго дня.

Это былъ первый приказъ „на бой" всего корпуса. Наши начальники повидимому не знали, какъ технически осуществить это дѣло.

Всѣ офицеры штаба, начиная съ меня и Земцова и кончая адъютантами командира корпуса, всего числомъ около 15, были собраны въ классѣ, имѣвшейся въ монастырѣ школы и, разсѣлись по партамъ. Были принесены свѣчи, которыя мы приклеили къ партамъ. Затѣмъ пришли командиръ корпуса и начальникъ штаба и, занявъ мѣсто преподавателя, начали обсуждать текстъ будущаго приказа и сейчасъ же диктовать его по пунктамъ офицерамъ штаба, которымъ были розданы листы бумаги.

Дѣло подвигалось впередъ медленно. Генералы спорили и о сущности приказа, и о редакціи отдѣльныхъ его фразъ. Приказъ составлялся трафаретно, по пунктамъ уставной формы, но не установивъ заранѣе его общаго содержанія. Поэтому все время приходилось зачеркивать написанное и вносить поправки. При этомъ командиръ корпуса волновался, весьма раздражался, говорилъ непріятности начальнику штабу, который старался вообще молчать. Всю тягость этого двухчасового „урока" еще усугубляли вопросы и переспросы нѣкоторыхъ офицеровъ, совершенно незнакомыхъ съ техникой, а также не понимавшихъ, не видя карты, диктуемыхъ имъ географическихъ названій. Особенно много вопросовъ задавалъ князь Іоаннъ Константиновичъ, также посаженный за работу.

Содержаніе этого удивительнаго приказа я уже не помню.

Между тѣмъ 1-ая Финляндская стр. бригада съ утра перешла въ наступленіе и потѣснила къ линіи Августовскаго канала нѣмцевъ, обстрѣливавшихъ 13-го раіонъ Сапоцкина.

15-го сентября началось наше общее наступленіе. Послѣ непродолжительнаго боя на переправѣ черезъ каналъ, наша

1-ая бригада и части II Кавказскаго корпуса стали быстро продвигаться на сѣверъ и послѣ полудня ввязались въ бой за Капціово, занятое германцами. 3-я и 4-я Финляндскія стр. бригады наступали западнѣе, 2-ая же Финляндская стр. бригада (насколько помнится), находясь въ полосѣ наступленія III Сибирскаго корпуса, была временно включена въ его составъ.

Нашъ штабъ корпуса наступалъ за 1-й бригадой по дорогѣ на Капціово. Мы шли, по-прежнему, по-три, окруженные цѣпью казаковъ сотни конвоя. Когда мы втянулись въ лѣса, а впереди сталъ слышаться артиллерійскій и ружейный бой, цѣпь казаковъ была усилена и имъ неоднократно приказывалось держать пики „на бедро", для большей готовности къ отраженію нападенія (!).

Нечего и говорить, что во время всего этого движенія штабъ корпуса ни съ кѣмъ связи не имѣлъ и ничѣмъ въ корпусѣ управлять не могъ.

Наконецъ, когда мы стали повидимому подходить къ раіону невидимаго для насъ боя, мы увидѣли на полянкѣ у дороги домикъ, а въ немъ штабъ II Кавказскаго корпуса. Мы къ нему присоединились. Здѣсь оба штаба провели остатокъ дня. Получилась трогательная картина. Впереди, верстахъ въ 2-хъ, идетъ бой максимумъ двухъ полковъ, а позади въ лѣсу, въ жалкой хибаркѣ сидятъ маститые старцы — командиры двухъ корпусовъ—и ихъ начальники штабовъ. Кругомъ хибарки толпятся офицеры обоихъ штабовъ. Опушку поляны стерегутъ казаки. Остальныя части обоихъ корпусовъ наступаютъ самостоятельно на фронтѣ верстъ въ 30. Связи ни съ ними, ни съ кѣмъ вообще, — никакой, кромѣ пресловутыхъ „ординарцевъ", которые, если и посылаются, то, конечно, въ пространство, т. к. мѣсто случайной остановки корпусныхъ штабовъ неизвѣстно войскамъ.

Случайно на поляну вышло нѣсколько раненыхъ. Это оживило наше тоскливое пребываніе „подъ огнемъ". Раненыхъ распрашиваютъ. Отъ нихъ узнаютъ кое-что о боѣ. Ищутъ корпуснаго врача, котораго заставляютъ перевязать одного изъ нихъ, раненаго въ животъ.

Наконецъ, передъ темнотою, огонь затихаетъ, смолкаетъ и гдѣ то слышавшееся ура. Ген. Мищенко заявляетъ, что побѣда очевидно наша и посылаетъ капитана, корпуснаго топографа:

„Ѣзжай, братъ, въ Копціово и займи для штаба квартиры!".

Капитанъ и нѣсколько всадниковъ въ буркахъ исчезаютъ галопомъ, и минутъ черезъ 40, когда уже совсѣмъ темнѣло,

отъ капитана получилась записка: генералъ поздравляется съ побѣдой, квартиры заняты. Тогда уже и генералъ Б. вѣритъ въ побѣду и посылаетъ меня также искать квартиры въ Капціовѣ.

Описанный способъ управленія войсками въ бою мнѣ представляется „манджурскимъ“. Управлять войсками въ европейской войнѣ мы стали учиться лишь позже.

Неполнота въ этой области нашихъ уставовъ, думается мнѣ, очевидна.

. . . .

Уже въ темнотѣ, крупной рысью, пересѣкалъ я поле сраженія подъ Капціовомъ. Кончился лѣсъ, по сторонамъ дороги тянулся мелкій кустарникъ. Среди него то тамъ, то здѣсь лежали продолговатые сѣрые предметы — убитые наши стрѣлки. 3—4 трупа лежало на самой дорогѣ... Это были первые убитые, которыхъ пришлось мнѣ видѣть.

Въ Капціовѣ занялъ для штаба довольно большой еврейскій домъ. Къ немъ стояли прошлою ночью германцы. На полу въ одной изъ комнатъ еще оставалось насланное ими сѣно. На немъ ночевалъ и я съ подошедшими офицерами штаба. Мы всѣ были голодны. Купили у хозяина гуся и разбудивъ старуху-еврейку, заставили ее его намъ приготовить. Среди ночи меня разбудили — зовутъ ужинать: гусь готовъ. Но оказалось, что старуха его не зажарила, а сварила, притомъ безъ соли. Кромѣ того онъ былъ страшно жесткій. Я попробовалъ и отказался. Снова залегъ на сѣно голоднымъ. Евреи-хозяева встрѣтили насъ съ нескрываемой злобой. Повидимому они были полностью на сторонѣ непріятеля. Эту же еврейскую ненависть къ намъ я видѣлъ и въ слѣдующіе дни со стороны „мѣстечковыхъ“ евреевъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться впервые въ жизни.

16-го сентября штабы корпусовъ оставались въ Капціовѣ. Части войскъ медленно и очень осторожно продвигались на западъ и сѣверо-западъ. Цѣнное время для рѣшительнаго преслѣдованія упускалось. Генералъ Мищенко повидимому былъ вѣренъ своей системѣ медленности и осторожности (вспоминался его „наползъ“ на Инкоу). Впрочемъ я не былъ вполнѣ въ курсѣ происходящаго: мои начальники со мной не разговаривали, а я ихъ тоже избѣгалъ *).

*) Изъ Германскаго оффиціальнаго описанія войны мы теперь узнаемъ, что занятіемъ Капціова мы отрѣзали пути отхода отъ Нѣмана значительной группѣ нѣмцевъ. Однако, несмотря на наличіе въ раіонѣ Сапоцкинъ—Капціово болѣе 3-хъ русскихъ дивизій, эта группа нѣмцевъ незамѣтно для насъ ускользнула, обходя Капціово съ сѣвера. Пассивность ген. Мищенки 16 сентября и отсутствіе развѣдки дали имъ эту возможность.

Опрашивалъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ взятъ западнѣе Капціова. Прижатый здѣсь нашими стрѣлками къ берегу узкаго, тянущагося съ востока на западъ озерка германскій взводъ пытался спастись вплавь. Нѣкоторые не смогли доплыть и утонули. Взятому въ плѣнъ удалось найти посрединѣ озерка мелкое мѣсто, по грудь, гдѣ онъ и взывалъ нѣсколько часовъ о помощи. Наконецъ на берегу появились русскіе кавалеристы, которые съ огромнымъ трудомъ спасли несчастнаго.

— „Какое счастье, — повѣствовалъ мнѣ этотъ германецъ, — что я попалъ на такихъ добрыхъ людей. Что было бы со мной, если бы это были казаки?“.

Я никакъ не могъ убѣдить спасеннаго, что спасителями его были именно казаки Отдѣльнаго Оренбургскаго дивизіона. Даже когда ему были показаны ихъ казачьи лампасы, то онъ и тогда остался при убѣжденіи, что это не настоящіе казаки (лампасы синіе, а не красные, какъ полагалось по его представленію).

На одной изъ улицъ Капціова я видѣлъ германскій грузовой автомобиль съ поставленнымъ на немъ противоаэропланнымъ орудіемъ. Автомобиль этотъ долго метался по шоссе, уже перехваченному нами съ обѣихъ сторонъ, и наконецъ былъ захваченъ въ самомъ мѣстечкѣ нашими стрѣлками 3-го полка при попыткѣ прорваться черезъ Капціово на сѣверъ.

17-го сентября мы наконецъ рѣшительно двинулись на западъ. Здѣсь впервые штабъ корпуса долженъ былъ двигаться не въ колоннѣ, а отдѣльно по шоссе на Сейны, и днемъ расположиться на „высотѣ“ съ такой то отмѣткой, около шоссе. На дѣлѣ эта высота оказалась чрезвычайно глубокой ямой, гдѣ мы и провели опредѣленное приказомъ время. Донесеній, которыя было приказано присылать на эту „высоту“, не получалось и подъ-вечеръ мы двинулись дальше. Не доходя 3—4 километровъ до Сейнъ, мы должны были свернуть на Гибы (на юго-западъ). Что дѣлалось въ это время въ Сейнахъ, были ли тамъ наши или нѣмцы, мы не знали. Поэтому командиръ корпуса послалъ меня на автомобилѣ развѣдать. Я въѣхалъ безпрепятственно въ середину городка, казавшагося безлюднымъ, съ трудомъ нашелъ кого то изъ жителей и отъ него узналъ, что и нѣмцы, а за ними и русскіе прошли въ этотъ день черезъ городъ на западъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда штабъ корпуса прибылъ на ночлегъ въ Гибы, мѣстечко въ узлѣ шоссе, среди дремучаго лѣса, озеръ и болотъ.

. . . .

18-го сентября рано утромъ меня разбудили и потребовали къ командиру корпуса. Онъ мнѣ, во-первыхъ, сообщилъ, что моя просьба о переводѣ въ строй не можетъ быть осуществлена, такъ какъ въ офицерахъ генеральнаго штаба чувствуется недостатокъ и поэтому во время войны они обязаны нести ту службу, къ которой подготовлены. Я только не понялъ, былъ ли это его отвѣтъ, или же отвѣтъ штаба арміи. Во-вторыхъ, очень любезно, называя меня „Борисъ Николаевичъ", генералъ Б. сообщилъ, что онъ меня долженъ немедленно командировать въ штабъ арміи, такъ какъ имъ получена телеграмма, вызывающая туда срочно офицера, вѣдающаго въ штабѣ корпуса развѣдкой. Хотя, какъ я уже говорилъ выше, у насъ въ штабѣ не было никакого распредѣленія дѣлъ (только шт.-кап. Земцову не задолго до этого было поручено отдѣльное дѣло — служба связи) и я вѣдалъ, если угодно, всѣмъ и ничѣмъ, я не возражалъ, довольный возможностью хоть на пару дней освободиться отъ тягостной атмосферы штаба корпуса. Мнѣ приказано было немедленно собираться. Однако черезъ 5 минутъ я былъ снова вызванъ къ командиру корпуса и послѣдній повелъ рѣчь о томъ, что я очень нуженъ въ штабѣ и что лучше послать другого офицера. Я предложилъ шт.-кап. Фирсова. Приказали собираться ему. Но черезъ нѣсколько минутъ было сказано, что все же надо ѣхать офицеру генеральнаго штаба, штатному, знающему положеніе, т. е. мнѣ.

Такъ продолжалось почти до 11 часовъ. Я отлично понималъ въ чемъ дѣло: генералъ Б. боялся, что я использую поѣздку въ штабъ арміи для жалобы на него и старался добиться отъ меня завѣренія въ томъ, что я буду „лояленъ". Хотя я сразу же рѣшилъ, что никакихъ жалобъ заявлять не буду, но все же, хоть и корректно, но сухо отвѣчалъ старику только „слушаю" и „такъ точно". Слишкомъ ужъ велика и остра была моя обида.

Наконецъ, около 11 часовъ, все же былъ посланъ я. Со мной въ Гродну ѣхалъ строевой старшій адъютантъ штаба, капитанъ Наркевичъ. Мы выѣхали автомобилемъ черезъ Августовъ. Военная гроза уже пронеслась черезъ этотъ городъ и наступила тишина. Но картина была ужасна: разрушенные дома, догорающія развалины, всюду трупы стрѣлковъ Туркестанскаго корпуса *) и жителей...

Въ Гродну мы попали подъ вечеръ. Здѣсь пришлось мнѣ ждать поѣзда на югъ, на Соколку, гдѣ находился штабъ

*) На погонахъ я видѣлъ „1 Т" — полкъ изъ армейскаго резерва, брошенный на поддержку Сибирцевъ.

X Арміи. Лишь около часа ночи на 19-е сентября я подъѣхалъ на жалкомъ провинціальномъ извозчикѣ къ ярко освѣщеннымъ электричествомъ казармамъ за этимъ городкомъ съ его грязными, кривыми улицами.

Меня ввели въ большой, длинный, ярко-освѣщенный залъ. Вдоль обѣихъ длинныхъ стѣнъ его стояли столы и за ними, спиною къ стѣнамъ, лицомъ внутрь зала, сидѣло человѣкъ 60 офицеровъ разныхъ чиновъ. Въ глубинѣ зала, на возвышеніи (вѣроятно, это была прежде сцена для солдатскаго театра) сидѣло начальство и висѣли большія карты. Я обратился къ сидѣвшему недалеко отъ входа какому то корнету съ вопросомъ, что это за засѣданіе. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что таковъ въ штабѣ арміи порядокъ: весь штабъ занимается въ этомъ залѣ вмѣстѣ и всѣ присутствуютъ здѣсь до глубокой ночи. У самого корнета дѣла видимо не было никакого, такъ какъ онъ читалъ романъ.

Обо мнѣ доложили генералъ-квартирмейстеру (помнится, ген. Будбергу) и провели къ начальству. Два генерала генеральнаго штаба — вѣроятно начальникъ штаба арміи и генералъ-квартирмейстеръ — приняли меня съ исключительной любезностью, прямо-таки будто обрадовались мнѣ; спросили о положеніи въ XXII-мъ корпусѣ, сказали много лестнаго по адресу корпуса и генерала Б. и затѣмъ предложили познакомиться съ общей обстановкой на фронтѣ арміи. Подвели къ картѣ.

— „Донесенія послѣдняго времени утѣшительны, — сказалъ одинъ изъ нихъ, Осовецъ, слава Богу, не сдался“...

— „Какъ не сдался?! Развѣ это было возможно?“ — невольно воскликнулъ я, пораженный этими словами. Оказалось, что да: это было возможно! Германцы, видимо привлекая, чтобы облегчить отходъ своихъ войскъ отъ Нѣмана, наше вниманіе на другіе участки фронта, нѣсколько дней тому назадъ стремительно бросились отъ Граева на крѣпость Осовецъ и ее бомбардировали огнемъ тяжелой артиллеріи. Въ штабѣ армій паденіе крѣпости, считали повидимому неизбѣжнымъ. Однако крѣпость, удержалась, и 17 го сентября нѣмцы, угрожаемые обходомъ съ нашей стороны, отошли.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что кр. Осовецъ оказалась за время войны нашей единственной не сдавшейся крѣпостью: Безъ счета разъ ее бомбардировали германцы, три раза весь ея гарнизонъ поголовно отравлялся газами: но онъ все же удержалъ крѣпость до приказа ее очистить въ августѣ 1915 г., во время общаго отхода.

. . . .

О томъ, для чего я собственно былъ вызванъ въ штабъ арміи, мнѣ не сказали, но приказали явиться на другой день утромъ. Я переспалъ въ жалкой гостинницѣ и, явившись утромъ въ штабъ, къ величайшему своему изумленію узналъ, что я вызывался только для полученія аванса, суммою въ 5000 р., на организацію отъ штаба корпуса агентурной развѣдки. Мнѣ дали деньги и приказали обязательно организовать такую развѣдку. Даже какихъ-нибудь указаній и совѣтовъ по этому дѣлу мнѣ не удалось получить.

Итакъ, въ періодъ максимальнаго напряженія на фронтѣ, изъ штаба корпуса на два дня вырывался единственный офицеръ генеральнаго штаба для... полученія 5000 руб.! Между тѣмъ въ эти самые дни въ денежномъ ящикѣ штаба корпуса лежало, какъ я на другой день узналъ, болѣе милліона рублей...

. . . .

Я немедленно выѣхалъ обратно, но только глубокой ночью на 20-е мы съ Наркевичемъ добрались до Гибъ, гдѣ штаба корпуса уже не оказалось. Всю ночь мы пробирались вслѣдъ за нимъ куда-то вглубь лѣсовъ на западъ: сначала автомобилемъ по узкимъ проселочнымъ дорогамъ, потомъ на крестьянской повозкѣ въ составѣ цѣлаго крестьянскаго транспорта, добровольно шедшаго вывозить раненыхъ, такъ какъ много ихъ везли намъ на-встрѣчу и говорили о массѣ еще лежащихъ безъ помощи въ лѣсахъ послѣ ужасныхъ боевъ, случившихся въ два дня нашего отсутствія. Въ этой части Сувалкской губерніи оказались въ лѣсахъ, среди литовскаго населенія, чисто-русскія деревни переселенцевъ - старообрядцевъ, которые проявляли трогательную заботу о нашихъ войскахъ.

Передъ разсвѣтомъ мы наконецъ нашли штабъ корпуса въ бѣдной лѣсной деревушкѣ и сразу поняли, что безъ насъ произошли событія исключительной важности: на-лицо была крупная побѣда, огромныя потери, но въ то же время и полная невыясненность обстановки и отсутствіе связи въ этихъ безконечныхъ лѣсахъ.

„Бои въ Августовскихъ лѣсахъ“, какъ мнѣ кажется, еще не описаны. Да и трудно описать ихъ военно-исторически, ибо отдѣльные эпизоды ихъ почти не связаны между собою. Каждый участникъ видѣлъ только свой маленькій кусочекъ и совсѣмъ не можетъ представить себѣ не только всего цѣлаго, но даже и той части его, которая на мѣстности болѣе открытой была бы ему ясна. Я постараюсь нарисовать картину этихъ боевъ отдѣльными штрихами, такъ, какъ раз-

сказывали мнѣ тогда же непосредственные участники. За точность передачи отдѣльныхъ сценъ я не могу взять на себя отвѣтственности. Но общая картина будетъ вѣрна.

II Кавказскій и XXII арм. корпуса тѣснили германцевъ съ востока; съ юга, имъ наперерѣзъ, выходилъ III Сибирскій корпусъ. Чтобы обезпечить отходъ къ границѣ своихъ главныхъ силъ, германцы бросили въ южномъ направленіи, примѣрно съ линіи Сувалки — Бакаларжево, рядъ колоннъ, которыя должны были задержать русское наступленіе. Колонны эти, наступая, совершенно перемѣшались въ лѣсахъ съ русскими колоннами, изъ которыхъ однѣ (сибирцы и, частью, финляндцы), шли съ юга, другія (4-я и 3-я Финл. стр. бригады и II-й Кавказскій корпусъ) — съ востока.

Въ результатѣ получился „слоеный пирогъ", въ которомъ каждой русской и германской части приходилось дѣйствовать внѣ связи другъ съ другомъ и со своимъ командованіемъ. Такимъ образомъ преимущества германскаго управленія войсками отпали, шансы уравновѣсились и мы побѣдили.

Русскіе понесли наиболѣе жестокія потери въ западной части раіона сраженія (сибирскія части), германцы особенно пострадали въ восточной половинѣ раіона (противъ финляндскихъ частей).

Части 2-й Финляндской стр. бригады наступали съ юга, вдоль шоссе Августовъ — Сувалки. Примѣрно на серединѣ разстоянія между этими пунктами 5-й (?) Финл. стр. полкъ встрѣтилъ сопротивленіе германцевъ со стороны занятаго ими госп. дв. Ольшанка. Одна изъ ротъ полка (капитанъ Рейманъ) выйдя на поляну, начала наступать на госп. дв., неподдержанная ни артиллеріей, ни сосѣдями. Потери отъ ружейнаго огня нѣмцевъ были очень велики. Вскорѣ выбыли всѣ офицеры, кромѣ кап. Реймана, и больше половины нижнихъ чиновъ. Въ 600 шагахъ отъ цѣпей противника, на совершенно открытомъ полѣ, Рейманъ понялъ, что остаткамъ его роты нѣтъ спасенія: перебьютъ на мѣстѣ, перебьютъ и при отходѣ къ лѣсной опушкѣ. Тогда онъ скомандовалъ „встать, въ атаку" и бросился всего съ 90 стрѣлками впередъ. Съ этого момента и вплоть до овладѣнія позиціей противника, гдѣ ему сдалось болѣе 200 германцевъ, онъ не потерялъ ни одного человѣка. Германцы въ цѣпи то вскакивали, начиная примыкать штыки, то, побуждаемые своими офицерами, снова ложились и открывали огонь, шедшій почему-то поверхъ головъ атакующихъ. Когда послѣдніе были въ 200 шагахъ и начали кричать ура, германцы уже большею частью стояли, бросивъ оружіе, съ поднятыми вверхъ руками.

3-я Финляндская стр. бригада, всего въ составѣ 2-хъ полковъ — 10-го и 12-го—наступала лѣсомъ, безъ дорогъ, съ востока на западъ. Еще по-утру *) начальникъ штаба бригады, полк. Уляновскій, выѣхавъ лично на развѣдку, былъ раненъ въ руку и грудь и, брошенный бывшими съ нимъ казаками конвоя, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ госпиталь въ Сувалки, съ занятіемъ которыхъ нами онъ былъ тамъ нами найденъ спрятаннымъ въ тифозномъ отдѣленіи одной русской сестрой.

Нѣсколькими часами позже, подъ заступившемъ его мѣсто капит. Верховскимъ, тоже выѣхавшимъ на развѣдку, была убита лошадь, а самъ онъ, при паденіи, повредилъ ногу и, хоть и остался въ строю, но не могъ ходить.

Полки наступали просѣками и цѣлиною довольно рѣдкаго лѣса. Впереди 12-й полкъ, имѣя, повидимому, довольно большое разстояніе между баталіонами. Головной баталіонъ (вѣроятно 2-й), не встрѣчая противника, пересѣкъ линію жел. дороги Августовъ—Сувалки и шоссе между тѣми же пунктами (нѣсколько сѣвернѣе г. дв. Ольшанка), но дальше, углубившись опять въ лѣса, былъ внезапно атакованъ германцами и разсѣялся. Бывшее при немъ полковое знамя два дня считалось потеряннымъ, но затѣмъ оказалось, что знаменщикъ вынесъ его лѣсами въ тылъ.

Шедшій сзади, оторвавшись, другой баталіонъ полка съ пулеметной командой, при подходѣ къ шоссе, обнаружилъ идущую по шоссе отъ Сувалокъ къ Ольшанкѣ большую пѣхотную колонну германцевъ, шедшую, видимо, безъ охраненія.

Пулеметная команда 12-го полка успѣла скрытно занять позицію по обѣимъ обочинамъ шоссе и, когда колонна подошла, то, открывъ огонь изъ 7 пулеметовъ, уничтожила ее всю, какъ увѣряли, въ нѣколько секундъ. Офицеры штаба корпуса, бывшіе на этомъ мѣстѣ 20-го сентября, говорили мнѣ, что на полотнѣ шоссе такъ и лежала въ страшныхъ кучахъ цѣлая колонна мертвецовъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Они видѣли трупъ нѣмца, стоявшій на одномъ колѣнѣ, въ позѣ для стрѣльбы (ружье лежало тутъ же) съ срѣзаннымъ пулеметными пулями по линіи носа черепомъ. Среди мертвецовъ они нашли еще двухъ живыхъ съ перебитыми ногами, бывшихъ въ памяти, но въ состояніи умопомѣшательства. Впечатлѣніе отъ дѣйствія этой пулеметной батареи было

*) Что во всемъ этомъ описаніи относится къ 18 сентября, что къ 19-му, я не могу сказать.

такъ ужасно, что начальникъ команды, самъ ведшій огонь изъ одного изъ пулеметовъ, тутъ же сошелъ съ ума и былъ связаннымъ отправленъ въ тылъ.

Между тѣмъ, 10-й Финл. стр. полкъ, наступая вмѣстѣ со штабомъ бригады, потерялъ связь съ 12-мъ и только еще подходилъ къ полотну жел. дороги. Считая, что онъ спереди обезпеченъ, полкъ шелъ безъ дозоровъ впереди, въ строю по-ротно, роты развернутыя и разомкнутыя, для лучшаго прохожденія между деревьями. На линіи головныхъ ротъ шелъ командиръ полка, полк. Знаменскій, съ нимъ рядомъ начальникъ бригады, ген.-лейт. Стельницкій и штабъ бригады, всѣ спѣшившись, кромѣ капит. Верховскаго, бывшаго изъ-за поврежденной ноги верхомъ. Кусты на опушкѣ лѣса по желѣзно-дорожной просѣкѣ скрывали полотно жел. дороги до самаго момента,когда роты и начальствующія лица вышли на самую опушку. Передъ собой, въ 40 шагахъ, на противоположной опушкѣ, они увидѣли такой же строй германцевъ. Обѣ стороны остановились и совершенно растерялись. Одни изъ германскихъ солдатъ примыкали штыки, другіе собирались стрѣлять. Начальники ихъ подавали видимо противорѣчащія другъ другу команды.

Полковникъ Знаменскій скомандовалъ: „на полотно, въ цѣпь“. Но престарѣлый ген. Стельницкій, георгіевскій кавалеръ еще Турецкой войны, закричалъ:

— „Какая тамъ цѣпь! За мной, ребята, — въ штыки!“. И, выхвативъ шашку, старикъ генералъ, а за нимъ его штабъ и вся масса стрѣлковъ бросились въ атаку на нѣмцевъ.

Черезъ день офицеры штаба бригады (капит. Пунагинъ, поруч. Захаровъ и Соловьевъ, подпор. Фабриціусъ) разсказывали мнѣ объ этомъ славномъ дѣлѣ. Изъ штыковой свалки они запомнили лишь отрывочныя картины. Выстрѣломъ изъ ружья въ упоръ былъ тяжело раненъ въ ногу и упалъ съ лошади капит. Верховскій, какой-то германецъ стоялъ на колѣняхъ, протягивая впередъ женскую фотографію, другой прислонился спиной къ толстому дереву и кричалъ, широко разинувъ ротъ. Стрѣлокъ вонзилъ ему въ ротъ свой штыкъ съ такою силой, что, пригвоздивъ его къ дереву, не смогъ уже вырвать обратно ружья. Въ рукахъ подпоручика Фабриціуса оказалась окровавленная шашка, но онъ не помнилъ, что бы кого нибудь рубилъ, помнилъ только чье-то блѣдное лицо и вытаращенные отъ ужаса глаза. По общимъ показаніямъ крика „ура“ не было, а было слышно лишь какое-то звѣриное рычаніе и отдѣльные вопли. Выстрѣловъ почти не было.

Бой быстро перешелъ съ опушки внутрь лѣса и только, примѣрно, черезъ часъ удалось собрать стрѣлковъ. Идя уже за ними лѣсомъ, штабъ бригады видѣлъ ужасныя послѣдствія побѣды штыка. Среди жертвъ его лежалъ съ распоротымъ животомъ молодой германскій офицеръ. Узнавъ въ Стельницкомъ генерала, онъ именемъ Бога молилъ его подойти. Генералъ подошелъ.

— „Я умираю", сказалъ по нѣмецки раненый, „во имя чести молю васъ, господинъ генералъ, сообщить моей женѣ, что я умеръ достойно".

Ген. Стельницкій спросилъ его фамилію и адресъ жены, записалъ ихъ, и честнымъ словомъ русскаго офицера обѣщалъ исполнить его желаніе.

На другой же день генералъ отправилъ письмо женѣ убитаго черезъ американское посольство въ Петроградѣ.

10-й полкъ остался на ночлегѣ вблизи мѣста боя. На другое утро убирали убитыхъ и раненыхъ. Убрано около 500 германцевъ, при чемъ почти всѣ раненые за ночь умерли, и всего 16 нашихъ стрѣлковъ. (Цифры эти привожу по памяти).

Сѣвернѣе 3-й бригады наступала 4-ая (ген. Селивачевъ). Она натолкнулась на чрезвычайно упорное сопротивленіе германцевъ у дер. Гаврихруды. По словамъ ген. Селивачева, это былъ самый кровавый бой его бригады.

Еще сѣвернѣе шли кровавые бои II Кавказскаго корпуса. Противникъ въ концѣ концовъ былъ по-всюду сломленъ и отступилъ на западъ.

Какъ проходила борьба III Сибирскаго корпуса, я не знаю, но страшныя послѣдствія ея я увидѣлъ 21-го сентября, пересѣкая западную часть раіона боевъ.

Въ одномъ мѣстѣ на полянѣ стояло на позиціи 12 русскихъ гаубицъ, подорванныхъ, очевидно своими.

Немного дальше видна была большая свѣже-вырытая яма, а около нея штабель изъ нѣсколькихъ сотъ русскихъ ружей. По словамъ старика, жившаго въ хибаркѣ на этой полянѣ, здѣсь сдавалась русская пѣхота. Какая? Почему?

Въ другомъ мѣстѣ, встрѣтилось огромное пространство, въ лѣсу съ массовыми остатками крови, окровавленной ваты частями нѣмецкаго обмундированія. Вѣроятно, германскій лазаретъ . . .

На выходѣ изъ лѣса въ сторону м. Рачки, вблизи развалинъ сгорѣвшей деревни, я видѣлъ холмъ, на которомъ лежали почти сплошь, а мѣстами другъ на другѣ русскіе и германскіе трупы. Здѣсь, очевидно, прорывались изъ лѣса Си-

бирскіе стрѣлки, считавшіе себя окруженными. Поле между опушкой лѣса и этимъ холмомъ, около полуверсты глубиною, сплошь было покрыто трупами, лежавшими въ 2—3 шагахъ одинъ отъ другого.

Уже недѣли черезъ двѣ, послѣ того, какъ трупы и русскихъ и германцевъ были убраны, мѣстные крестьяне нашли въ лѣсу еще 600 убитыхъ германцевъ, сложенныхъ правильными рядами, видимо для погребенія.

Въ одинъ изъ этихъ кровавыхъ дней, какъ разъ въ моментъ колебанія обоихъ корпусныхъ командировъ — XXII и III Сибирскаго (ген. Родкевичъ) корпусовъ — предполагавшихъ уже начать отходъ, на фронтѣ 2-й Финл. стр. бригады былъ захваченъ въѣхавшій въ наше расположеніе германскій автомобиль съ германскимъ штабнымъ офицеромъ, лейтенантомъ von Lampe; автомобиль и лейтенантъ были доставлены къ ген. Нотбеку, начальнику 2-й Финл. стр. бригады. При лейтенантѣ оказалось распоряженіе какого то высшаго германскаго начальника начальнику одной изъ колоннъ съ приказаніемъ держаться во что бы то ни стало — „sonst ist alles verloren"*) ... Тамъ же была схема наступленія на югъ 7-ми нѣмецкихъ колоннъ прикрывавшихъ общій отходъ германцевъ.

Какъ увѣряли тогда, командиры корпусовъ, встрѣтившіеся на шоссе Августовъ—Сувалки для обсужденія неяснаго, но несомнѣнно тяжелаго боя, прочтя этотъ документъ, рѣшили продолжать наступленіе.

Въ автомобилѣ лейтенанта были, между прочимъ, найдены всевозможные напитки и закуски, которыми онъ даже пытался угощать ген. Нотбека. Далѣе — цѣлыя связки дорогого дамскаго бѣлья и нѣсколько женскихъ богатыхъ манто. По его объясненію, онъ „собралъ" это въ Сувалкахъ въ подарокъ своей невѣстѣ...

. . . .

Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, разсматривая бумаги, снятыя съ одного убитаго въ октябрьскихъ бояхъ германца, я нашелъ его недоконченное письмо женѣ, примѣрно такого содержанія:

„Дорогая Луиза. Мы никогда не увидимся. Изъ этой войны нѣтъ возврата. Въ этихъ проклятыхъ лѣсахъ русскіе показали свои волчьи зубы. Мы думали сначала, что это японцы. А потомъ оказалось, что это были кавказскіе черкесы. Я остался цѣлъ. Но это случай. Меня убьютъ, если не сегодня, то на дняхъ...".

Писавшій былъ правъ.

---

*) „Иначе все погибло".

VII. БОРЬБА ЗА ВЫХОДЫ ИЗЪ АВГУСТОВСКИХЪ ЛѢСОВЪ.

(См. схему № 1).

Страшный лѣсъ при лунѣ. Мой первый приказъ. Маршъ и завязка боя. Первый разъ подъ огнемъ. Твердость баталіоннаго командира. „Чемоданы". Смерть батареи. Пулеметный огонь, какъ мѣра предосторожности. Бѣгство не роты, а ротнаго командира. Наше коренное зло. На мертвой батареѣ. Охота за орденомъ св. Георгія. Памяти доблестнаго генерала.

20-го сентября вечеромъ я получилъ приказаніе командира корпуса отправиться въ штабъ 3-й Финлянд. стр. бригады, гдѣ, за убылью полк. Уляновскаго и кап. Верховскаго, не оставалось ни одного офицера генеральнаго штаба, и вступить во временное исполненіе должности начальника штаба бригады.

Уже въ темнотѣ я отправился туда верхомъ, въ сопровожденіи своего драгуна Семенова и казака изъ штаба бригады. Пришлось проѣхать верстъ 7, все время лѣсомъ. Сначала мы ѣхали на сѣверъ проселочной дорогой. Прошли верстъ 5. Лѣсъ становился все глуше и глуше. При свѣтѣ луны таинственно и зловѣще обрисовывались справа и впереди какіе то обрывы и буераки. Казакъ доложилъ, что, если бы мы ѣхали днемъ, то увидѣли бы много труповъ.

„Страсть, что здѣсь накрошено людей!" — говорилъ онъ.

Гдѣ то здѣсь, за этими буераками, должна была находиться Гаврихруда — раіонъ вчерашняго боя 4-й бригады.

Отсюда мы повернули на западъ, къ полотну желѣзной дороги, уже безъ дороги, пользуясь какой то пѣшеходной тропинкой, чуть видной при свѣтѣ луны, пробивавшемся сквозь вѣтви огромныхъ деревьевъ. Мѣстами между ними сѣрѣли трупы. Человѣку, проведшему всю жизнь въ культурныхъ условіяхъ Петербурга, становилось жутко...

Но вотъ впереди появились два огонька. Подумалось — это жилье, и легче стало на душѣ. Но нѣтъ, это не жилье. Все тотъ же лѣсъ во всѣ стороны. Огоньки горятъ въ лѣсу, у самой тропинки, одинъ ближе, другой впереди, шагахъ въ ста. У огней видны люди, а между огнями, вдоль самой тропинки тянется какая то сѣрая полоса. Вотъ мы и доѣхали. Лошадь начинаетъ нервничать. И есть отъ чего.

Огонь — это небольшой костеръ, надъ нимъ на штыкѣ котелокъ съ чаемъ. У костра — два солдата, сидящихъ на землѣ и занятыхъ чаепитіемъ. Таже картина и у другого костра. А между ними на землѣ лежитъ шеренга... мертве-

цовъ. Всѣ они акуратно выложены въ рядъ, одинъ къ другому вплотную, сапоги у всѣхъ сняты, искаженныя лица обращены вверхъ къ лунному свѣту, ихъ мѣстами освѣщающему... А собравшіе ихъ по лѣсу и въ послѣдній разъ „построившіе", оставшіеся въ живыхъ сотоварищи спокойно пьютъ чай на флангахъ этой страшной шеренги! Да... Это вамъ не Невскій проспектъ!

Вскорѣ показалось строеніе — будка желѣзно-дорожнаго сторожа у полотна дороги. Здѣсь то и ночуетъ штабъ 3-й Финляндской стрѣлковой бригады.

Всѣ, кромѣ часового, спали мертвымъ сномъ. Съ помощью сопровождавшаго меня казака я нашелъ среди спящихъ капитана Пунагина, строевого старшаго адъютанта штаба, исполнявшаго послѣ раненія Верховскаго обязанности начальника штаба. Блѣдное, измученное лицо ничего со сна не понимающаго, переутомленнаго человѣка. Съ трудомъ понялъ онъ, что я временный начальникъ штаба и кромѣ того, что я привезъ приказъ командира корпуса на завтра. Вмѣстѣ съ нимъ мы разбудили старика генерала Стельницкаго. Съ трудомъ приподнявъ голову, генералъ проситъ меня самого разобраться въ приказѣ, принять штабъ и составить приказъ бригады на завтра.

„Я очень радъ, что вы пріѣхали, но, простите, я все равно ничего не пойму, сдѣлайте сами, что нужно"...

Да, такъ спятъ послѣ пережитыхъ ужасовъ...
Не даромъ генералъ просилъ командира корпуса о присылкѣ офицера генеральнаго штаба.

Пунагинъ очистилъ мнѣ уголъ стола, поставилъ жалкую керосиновую лампу съ отбитымъ на половину стекломъ и просилъ разрѣшенія снова прилечь.

„Не могу больше, да и все равно я ничего не понимаю, вѣдь я никогда этимъ не занимался", — сказалъ онъ.

Такъ вотъ мое первое самостоятельное и серьезное дѣло на театрѣ военныхъ дѣйствій! Я одинъ съ коптящей лампой. Кругомъ храпятъ мнѣ совершенно незнакомые люди, даже не знающіе, что я здѣсь и что я — ихъ начальникъ. Я самъ утомленъ до крайности — прошлую ночь не спалъ ни минуты. Воображеніе разстроено только что видѣнными картинами. Увѣреность въ своихъ способностяхъ и знаніяхъ въ корнѣ поколеблена нелѣпой службой предшествующаго мѣсяца... Я почувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ, такимъ жалкимъ...

Однако я долженъ, хочу не хочу, могу не могу, сейчасъ же отдать приказъ бригадѣ — цѣлымъ четыремъ, мнѣ

совершенно незнакомымъ полкамъ и артиллерійскому дивизіону, приказъ на маршъ лѣсами, гдѣ уже совершилось столько ужасовъ и кто знаетъ, сколько еще насъ ожидаетъ, приказъ не дебушированіе изъ лѣса и овладѣніе приграничной полосой. Развѣдки нѣтъ, связи съ сосѣдями нѣтъ. Обстановка совершенно не ясна.

Я постарался взять себя въ руки; представилъ, что рѣшаю въ академіи задачу по тактикѣ и, вспоминая академическую учебу, уже порядкомъ забытую за три съ лишнимъ года, сталъ по двухъ-верстной картѣ составлять приказъ.

Ужъ не представляю себѣ сейчасъ, какъ смогъ я его составить благополучно. Помню, что мой планъ марша оказался очень сложнымъ: 3 колонны, общій авангардъ, боковой авангардъ. Выравниваніе колоннъ на большомъ привалѣ. Послѣ выхода изъ лѣсовъ (15 верстъ), поворотъ колоннъ почти на 90$^{0}/_{0}$ съ перегруппировкой изъ 3 въ 2 колонны.

Помню, что нѣсколько разъ засыпалъ за этой работой. Но въ результатѣ приказъ мой оказался удовлетворительнымъ, ибо никакой путаницы не произошло и бригада 21-го сентября выполнила свою задачу безъ всякихъ недоразумѣній.

Наконецъ приказъ готовъ. Взявъ лампу, я разбудилъ генерала, заставилъ его сѣсть и подписать; разбирать написанное мною онъ отказался. Затѣмъ разбудилъ Пунагина, сдалъ ему 4 экземпляра, написанные подъ копирку въ полевой книжкѣ, и приказалъ разослать. Пока онъ это дѣлалъ, разыскивая среди спящихъ какихъ-то стрѣлковъ для связи, я умудрился лечь на узенькой скамейкѣ, стоявшей у окна, и заснулъ.

Разбудили меня мои незнакомые подчиненные, когда уже разсвѣло. Чѣмъ-то поили, вродѣ чая. Дали поѣсть хлѣба. Въ общемъ проявили прямо-таки трогательную заботу.

Въ 6 ч. утра выступили верхомъ, по грязной лѣсной дорожкѣ подъ осеннимъ дождемъ: я рядомъ съ ген. Стельницкимъ, дальше группа въ 5—6 офицеровъ и взводъ казаковъ.

Первое впечатлѣніе отъ штаба бригады было неопредѣленное. Всѣ измучены, грязные, небритые. Очень серьезные; ни шутки, ни смѣшка — видно пережито слишкомъ много. Но отношенія простыя, дружескія и между собой, и съ генераломъ, и даже со мной. Но при этомъ — полная дисциплина.

Чувствовалось что-то, еще мнѣ незнакомое, то трудно передаваемое, что характеризуетъ фронтъ, настоящій боевой фронтъ, и отличаетъ его отъ большихъ штабовъ и тыла, то,

что отличаетъ настоящее сѣрое, будничное и при томъ опасное дѣло отъ воображаемыхъ, будто бы важныхъ, крикливыхъ и полныхъ смѣшныхъ фанаберій свѣтскихъ канцелярій.

Движеніе шло безпрепятственно. Противника передъ нами не оказалось. Къ полудню мы вышли изъ лѣсовъ. Впереди разстилалась открытая долина р. Распуды, шириною версты въ двѣ. Мы поворачивали на сѣверъ, вдоль рѣки, въ направленіи на Бакаларжево. Стали на отдыхъ. Изъ авангарда получилось донесеніе о томъ, что передовыя части охраненія завязали съ противникомъ бой за д. Малиновку. Очевидно было, что противникъ не предполагаетъ отдавать намъ безъ боя Бакаларжевскую переправу. Сосѣдей нашихъ ни справа, ни слѣва не было видно и свѣдѣній о нихъ не было.

Я донесъ начальнику штаба корпуса о приходѣ на большой привалъ и о соприкосновеніи съ противникомъ у Малиновки. Проѣхалъ лично въ авангардъ. Въ итогѣ выяснилось, что развить бой за Малиновку въ этотъ день уже не удастся. Шло сближеніе съ противникомъ въ авангардѣ, развѣдка впередъ и въ стороны. День же клонился къ вечеру.

Штабъ заночевалъ въ одной изъ деревень, вытянувшихся вдоль двухъ дорогъ на сѣверъ. Въ одной изъ хатъ на полу, на соломѣ, всѣ въ рядъ, съ генераломъ во главѣ, закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, мы уснули въ сознаніи выполненнаго долга.

Вскорѣ меня разбудили. Пакетъ отъ генерала Огородникова на мое имя. Генералъ сообщалъ, что командиръ корпуса объявляетъ мнѣ выговоръ за то, что я въ своемъ полуденномъ донесеніи не указалъ дальнѣйшихъ намѣреній начальника авангарда, и требуетъ объясненій. Я доложилъ генералу Стельницкому. Старикъ меня всячески успокаивалъ, приказалъ ложиться снова спать, такъ какъ ему „нуженъ выспавшійся начальникъ штаба", и заявилъ что отвѣтъ Огородникову напишетъ самъ. Меня до глубины души тронуло и поразило это отношеніе къ себѣ. Не привыкъ я къ этому въ штабѣ корпуса!

22-го сентября начались бои по всему фронту II Кавказскаго и XXII корпусовъ. Перваго — на направленіи Сувалки — Бакаларжево, второго — по обоимъ берегамъ Распуды, съ юга на сѣверъ. Въ составѣ XXII корпуса въ эти дни дѣйствовало всего двѣ стрѣлковыхъ бригадъ — 3-я и 1-я. 2-я находилась въ резервѣ, а 4-я, на сколько помнится, была передана во II Кавказскій корпусъ.

Дѣйствія нашей бригады развивались медленно. Съ одной стороны потому, что нашъ лѣвый флангъ на Распудѣ

не былъ обезпеченъ, такъ какъ 1-я бригада долго не выходила на нашу линію, а дѣйствовавшія впереди нея части Гвардейской кавалеріи то выдвигались впередъ, то отходили*).

На нашемъ фронтѣ нѣмцы прочно занимали Малиновку, а за рѣкою — дв. Мазуры. Поставивъ около послѣдняго свои тяжелыя батареи, они огнемъ во флангъ парализовали наше наступленіе на Малиновку. Подъ вечеръ ген. Стельницкій со мною и телефонистами, которые тащили за нами проводъ, вышелъ перелѣсками на холмы впереди Рабалина, чтобы лично разсмотрѣть поле боя. Единственно, что мы увидали — это какого-то русскаго всадника, ѣздившаго вкругъ въ лощинкѣ, открытой къ сторонѣ противника. Его бѣлая лошадь была ясно видна противнику и вокругъ него рвались десятки шрапнелей; онъ же, не торопясь, продолжалъ свое странное занятіе. Стельницкій приказалъ его позвать. На наши крики и знаки онъ подскакалъ къ намъ и доложилъ, что ищетъ оброненный имъ гдѣ-то конвертъ съ донесеніемъ. Не помню теперь подробностей, но помню, что и меня, и генерала поразило его спокойствіе, точно дѣло происходило вовсе не на полѣ сраженія.

Но противникъ обратилъ вниманіе и на насъ, и около насъ стали тоже рваться шрапнели. Мнѣ съ трудомъ удалось уговорить генерала не рисковать дальше совершенно безплодно своею жизнью, такъ какъ наше присутствіе на холмѣ въ условіяхъ современнаго боя не давало ровно никакого преимущества въ управленіи войсками.

Я убѣдилъ ген. Стельницкаго въ необходимости перейти Распуду и занять дв. Мазуры. Въ ночь на 23 сентября я лично проѣхалъ въ д. Рабалинъ, гдѣ стоялъ баталіонъ, бывшій въ бригадномъ резервѣ, и передалъ его командиру, подполк. З., приказаніе начальника бригады немедленно выдвинуться черезъ лѣсъ, что находился между Рабалиномъ и Распудой, перейти рѣку и ночнымъ нападеніемъ овладѣть дв Мазуры и батареями. Предпріятіе было, конечно, рискованное, но успѣхъ вполнѣ вѣроятенъ. Распуда у дв. Мазуры шириною всего около 20 шаговъ и на-лицо былъ полуразрушенный мостъ.

Но неожиданно для себя я натолкнулся на рѣшительный отказъ подполковника З. исполнить это приказаніе. Мотивы: это — гибель его баталіона, это безумная затѣя, люди утомлены и т. д. Я предложилъ ему остаться со штабомъ

*) Вообще обстановка за Распудой была для меня тогда, да и осталась неясной.

баталіона въ Рабалинѣ, а руководство переправой передать лично мнѣ. На это послѣдовалъ отвѣтъ: „Что? чтобы я отдалъ свой баталіонъ какому-то молодому капитану изъ штаба, чтобы онъ на немъ и его кровью зарабатывалъ себѣ орденъ Георгія?! Никогда!". — Ни убѣжденія, ни угрозы, ни просьбы не помогли. Я вернулся къ Стельницкому. Онъ бранился, но... мѣръ противъ отказа въ повиновеніи не принялъ.

По моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ подобный случай былъ невѣроятенъ. Однако въ началѣ войны среди стараго команднаго состава повидимому еще царили, хоть и далеко не вездѣ, подобныя отношенія...

23-го сентября бой продолжался, но по-прежнему безъ замѣтнаго успѣха. 10-й Финл. полкъ занялъ д. Заіончково, 9-й Финл. развернулся впереди Рабалина, 11-й Финл. — между ними.

Около полудня стали къ намъ подходить подкрѣпленія. Прибылъ 22-й Мортирный арт. дивизіонъ. Желательно было выдвинуть его на позицію къ д. Рабалину. При этомъ не хотѣлось терять времени на отысканіе укрытыхъ подступовъ. Я взялся провести дивизіонъ въ открытую черезъ пологій хребтикъ. Вмѣстѣ съ командиромъ дивизіона, полковникомъ фонъ-Озаровскимъ, моимъ бывшимъ полубатарейнымъ командиромъ въ училищѣ, мы вывели весь дивизіонъ сразу развернутымъ фронтомъ, галопомъ черезъ хребтикъ и сейчасъ же снялись съ передковъ въ глубокой лощинѣ за нимъ, позади нашихъ легкихъ батарей. Противникъ не замѣтилъ этого выѣзда.

Въ этотъ же день я впервые попалъ подъ огонь тяжелой артиллеріи — пресловутые „чемоданы". Впечатлѣніе для непривычнаго очень сильное. Физическій ужасъ, но не передъ смертью, а передъ мыслью о полномъ уничтоженіи, охватываетъ человѣка. Я долженъ сознаться, что послѣ первыхъ разрывовъ, слыша приближеніе слѣдующей очереди снарядовъ, я на нѣсколько секундъ потерялъ не только самообладаніе, но и просто здравый смыслъ и, охваченный животнымъ ужасомъ, бросился куда-то бѣжать и только послѣ разрывовъ понялъ, что бѣжалъ именно въ ту сторону, куда упали санряды. Невѣроятный грохотъ разрыва и черный столбъ дыма и земли, выбрасываемый на много сажень вверхъ, дѣйствуютъ на психику куда сильнѣе свиста пуль или шрапнельныхъ разрывовъ.

Къ вечеру къ намъ стали подходить и части 2-й бригады.

24-го сентября, съ утра, мы повели всѣмъ фронтомъ рѣшительное наступленіе.

Несмотря на потери отъ артиллерійскаго огня, наши стрѣлки на этотъ разъ энергично наступали отъ Рабалина на Малиновку. Германская четырехорудійная легкая батарея открыто выѣхала на позицію на холмъ впереди Малиновки. Этотъ выѣздъ замѣтилъ капитанъ Колонтаевскій, командующій только что перемѣнившей свою позицію батареей въ то время, когда онъ влѣзалъ на дерево на наблюдательномъ пунктѣ, недалеко отъ своей батареи. Уцѣпившись одною рукою за сукъ, а другою схвативши бинокль, капитанъ скомандовалъ батареѣ, только что окончившей постройку параллельнаго вѣера: „60, трубка 60, батареею, правое!" и... получилъ нулевую вилку *). — „5 патроновъ, бѣглый огонь!"... и батарея противника умерла, не успѣвъ сдѣлать ни одного выстрѣла...

Въ теченіи дня противникъ нѣсколько разъ пытался ее увезти. но огнемъ нашихъ батарей немедленно отгонялся. Къ вечеру наши стрѣлковыя цѣпи прошли черезъ нее и захватили окрайну Малиновки.

На правомъ флангѣ бригады съ утра велъ наступленіе 10 Финл. стр. полкъ. Онъ выдвинулся уже версты на $1^1/_2$ впередъ отъ угла лѣса, что у дер. Заіончково. Вправо отъ него, впереди лѣса, было совершенно открытое поле, на которомъ не было и признаковъ противника. Въ этой полосѣ должна была наступать 51-ая пѣх. дивизія, лѣвофланговая во II Кавказскомъ корпусѣ. Послѣ полудня цѣпи этой дивизіи появились на опушкѣ лѣса, слѣдовательно версты на 2 уступомъ за 10-мъ полкомъ и, не наступая дальше, открыли по пустому полю сильный пулеметный огонь. Командиръ 10 полка, полк. Знаменскій, по телефону, передалъ въ штабъ бригады объ этой безцѣльной стрѣльбѣ. Я послалъ пор. Соловьева верхомъ къ сосѣдямъ, оріентировать ихъ въ обстановкѣ. Пор. Соловьевъ нашелъ на опушкѣ лѣса роты одного изъ полковъ 51-й дивизіи и самого его командира, какого-то кавказскаго человѣка, который на вопросъ, по кому они стрѣляютъ отвѣтилъ: „на всякый случай, чтобъ нэ ходылъ!".

Къ темнотѣ къ намъ прибылъ изъ штаба арміи генеральнаго штаба капитанъ Колесниковъ, назначенный свыше временнымъ начальникомъ штаба бригады. Мои функціи кончились и мнѣ предстояло отправиться обратно въ штабъ корпуса. Ген. Стельницкій просилъ меня однако остаться до утра.

*) Т. е., при одной и той же установкѣ прицѣла разрывы передъ и за цѣлью — иначе говоря, случайно оказался точный прицѣлъ.

На ночь онъ рѣшилъ, не помню почему, переѣхать въ дер. Кордонъ Сидоры, южнѣе дер. Заіончково. Въ сопровожденіи 3—4 казаковъ мы отправились туда и въѣзжали въ деревню уже почти въ темнотѣ. У одного изъ домовъ мы увидѣли нѣсколькихъ стрѣлковъ съ винтовками.

„Какого полка!". спросилъ ихъ ген. Стельницкій.

— „10-го Финляндскаго", былъ отвѣтъ.

„Какой роты?".

— „1-ой".

„Что вы тутъ дѣлаете?".

Выяснилось, что они ничего не дѣлаютъ, т. е., иначе говоря ушли съ фронта.

„Кто старшій?".

„Я, взводный 1-го взвода, со мною весь взводъ, ваше превосходительство".

Ген. Стельницкій вскипѣлъ:

„Мерзавцы, трусы! Разстрѣлять ихъ сію же минуту!".

Мы съ Колесниковымъ подъѣхали къ нимъ. „Становись въ двѣ шеренги", кричалъ Колесниковъ, „казаки, слѣзай!".

Задача однако была трудно выполнима: 4 казака, а ихъ человѣкъ 20, съ винтовками въ рукахъ. Не знаю, что бы было дальше, еслибы взводный не взмолился къ генералу:

„Ваше превосходительство, да вѣдь мы по приказу, съ нами самъ ротный!".

— „Гдѣ же онъ?".

„Здѣсь, въ халупѣ".

— „Позови".

Является пожилой капитанъ, „выдающійся" ротный командиръ мирнаго времени. Держа дрожащую руку у козырька, подходитъ къ генералу.

„Гдѣ ваша рота?".

— Она тамъ . . . впереди . . . на фронтѣ . . .

„А почему здѣсь этотъ взводъ?".

— Со мной, въ конвоѣ . . .

„А вы, что здѣсь дѣлаете?".

— Я . . . моя рота . . . мы попали въ огневое кольцо . . .

„Когда?".

— Утромъ . . .

„Сколько же попало снарядовъ въ вашу роту?".

— Одинъ . . .

Ген. Стельницкій поднялъ руку со стекомъ, но удержался.

„Подлецъ! Сдать роту!" и генералъ галопомъ поскакалъ прочь . . .

Позднѣе мнѣ говорили, что, когда кончились эти бои и, когда этотъ доблестный капитанъ былъ уже „эвакуированъ за болѣзнью“, полковникъ Знаменскій представилъ къ наградамъ отличившихся офицеровъ 10-го полка, и въ ихъ числѣ оказался и этотъ „эвакуированный“.

Ген. Стельницкій не пропустилъ этого представленія, что однако для нѣкоторыхъ осталось непонятнымъ...

Мнѣ было непонятно другое: почему этотъ капитанъ не былъ разстрѣлянъ тамъ же, его же взводомъ?

А сколько ихъ было, такихъ „выдающихся“, и какое зло они принесли арміи! Хорошо хоть то, что послѣ первыхъ мѣсяцевъ войны они, правдами и неправдами, всѣ „окопались въ тылу“...

. . . .

Боюсь, что мое „Пережитое“ становится уже слишкомъ мрачнымъ и у читателя получается впечатлѣніе, что въ рядахъ нашихъ происходило одно сплошное безобразіе. Конечно, это невѣрно. Наскольно мнѣ извѣстно, изъ 16 командировъ полковъ корпуса бѣжалъ изъ боя одинъ только Погонъ. Изъ 32 ротныхъ командировъ 3-й Финл. стр. бригады бѣжалъ тоже только одинъ. Случай отказа въ повиновеніи, подобный подполковнику З., за все время моей $2^1/_2$ лѣтней службы на фронтѣ былъ тоже почти единственный: въ 1916 г. я испыталъ подобное со стороны одного офицера генеральнаго штаба. Но дѣло въ томъ, что эти отрицательные факты бросались въ глаза, поражали, запоминались... Истинные герои и просто честные офицеры дѣлали въ это время свое тяжелое дѣло, массами гибли при исполненіи своего долга, но это не бросалось въ глаза. Не бросалось прежде всего потому, что было нормальнымъ въ бою и не удивляло.

Съ другой стороны нужно имѣть ввиду и то, что все лучшее вершилось и оставалось въ боевой линіи. Позади же нея, въ ближайшемъ и болѣе далекомъ тылу наблюдалось то отрицательно и позорное, что неизбѣжно имѣется въ каждомъ организмѣ и что само стремится въ болѣе безопасный тылъ. Судьба штабного офицера видѣть это послѣднее, „переживать“ отрицательное, а о славномъ и чистомъ узнавать лишь потомъ.

Такъ и тѣ подвиги, которые я здѣсь уже описалъ, напр., подвигъ кап. Реймана подъ госп. дв. Ольшанкой, подвигъ кап. Верховскаго и командировъ 1-го и 4-го полковъ подъ Бялой мнѣ стали извѣстны позже, а въ описываемый день 24-го сентября я о нихъ еще не зналъ. Я переживалъ еще

почти что одно только отрицательное и эти тяжкія переживанія невольно отражаются въ моемъ разсказѣ.

Поэтому прошу читателя свой судъ надъ этой стороной моего труда произнести при его окончаніи.

Однако нельзя отрицать и справедливости тѣхъ выводовъ, которые приходилось сдѣлать изъ описанныхъ фактовъ. Подборъ нашихъ начальниковъ несомнѣнно былъ плохъ и, чѣмъ выше былъ рангъ, тѣмъ хуже. Въ чемъ причины этого? Мнѣ думается, что основной причиной являлся принципъ высидки, производства въ чины и назначенія на должности по принципу старшинства. Это, наряду съ выдвиженіемъ способныхъ, выдвигало и безталанныхъ; это же обезличивало и мѣшало развитію и способныхъ, ибо зачѣмъ офицеру усердствовать по службѣ, зачѣмъ ему развивать свои военныя познанія, разъ онъ точно знаетъ, когда и въ какой чинъ онъ будетъ произведенъ, и послѣ какого „старшаго сверстника“ онъ получитъ роту и баталіонъ...

Пусть этотъ старшій сверстникъ ничего не знаетъ, ничего не умѣетъ и ничего не дѣлаетъ, но разъ онъ сталъ при производствѣ въ офицеры въ спискѣ старшинства выше меня, то онъ и раньше меня получитъ любое назначеніе.

Но не въ одной безталанности или неподготовленности тутъ дѣло. Наряду съ неподготовленными, наверхъ продвигались и нравственно невысокіе, тѣ, которыхъ была очередь, а не тѣ, которые горѣли огнемъ служенія арміи и военному дѣлу. Да и этихъ, горѣвшихъ, все менѣе и менѣе вырабатывалось въ арміи, построенной на системѣ высидки. А такъ какъ наверху командной лѣстницы движеніе шло уже не по старшинству, а по избранію, а слѣдовательно, чтобы продвигаться, надо было блистать, а блистать талантомъ и знаніемъ дѣла, настоящаго дѣла, безталанному и облѣнившемуся было невозможно, то оказывалось необходимымъ найти иныя стороны блистанія — хозяйственныя и плацпарадныя и затушевать все, что могло помѣшать этому внѣшнему блеску. Отсюда обычай, привычка, иногда даже идеализированный принципъ укрыванія недостатковъ, промаховъ и даже преступленій. Отсюда вся эта ложь и нечестность, которыя такимъ удивительнымъ букетомъ всплыли въ первые мѣсяцы войны, видимыя главнымъ образомъ въ штабахъ и въ тылу.

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что послѣдніе годы передъ войной система высидки была на $^2/_3$ брошена, что былъ введенъ аттестаціонный порядокъ. Выдвигались „выдающіеся“ и „особо выдающіеся“? Да, это правда, но... здѣсь умѣстно будетъ спросить словами Грибоѣдова: „а судьи кто?“. И въ

результатѣ судьями, вышедшими изъ системы высидки, зачастую выдвигались въ „выдающіеся“ штукмейстеры и подхалимы.

Не вездѣ, конечно, такъ было. Однако было не рѣдко . . .

. . . .

Устроившись быстро на новомъ мѣстѣ ночлега, я окончательно сдалъ штабъ Колесникову и мнѣ оставалось только выспаться и снова отъѣхать въ штабъ корпуса.

Но ночью пришло донесеніе изъ полка, части котораго заняли окраину Малиновки (9-го или 11-го), о томъ, что захваченныя германскія орудія заряжены, стрѣлки боятся ихъ трогать и орудія эти могутъ опять достаться противнику, такъ какъ наше положеніе въ Малиновкѣ не прочно. Ген. Стельницкій просилъ меня озаботиться спасеніемъ этихъ трофеевъ, какъ захваченныхъ въ мое начальствованіе штабомъ. Я сейчасъ же выѣхалъ верхомъ, съ Семеновымъ, въ Малиновку.

Чуть брезжилъ разсвѣтъ. Я шелъ крупной рысью по полю вчерашняго боя. Вездѣ лежали русскіе трупы, мѣстами — части труповъ: результатъ попаданія „чемодановъ“. Уже порядочно разсвѣло, когда я подъѣхалъ къ стѣнѣ ближайшаго зданія Малиновки. За этой стѣной укрывался взводъ, резервъ роты, лежавшей въ цѣпи въ 100 шагахъ впереди, поперекъ деревни.

Влѣво отъ зданія стояла захваченная батарея. До фланговаго орудія было не болѣе 50 шаговъ. Орудія стояли на краю ската въ нашу сторону. Я взялъ человѣкъ 6 стрѣлковъ и съ ними выбѣжалъ на батарею. Картина на ней была ужасна: орудія стояли заряженными и готовыми къ открытію огня. Впрочемъ затворы двухъ изъ нихъ не были еще закрыты. Вся положенная прислуга (по 5 человѣкъ на орудіе) лежала мертвая на своихъ уставныхъ мѣстахъ, вѣрнѣе на лафетахъ и около нихъ. Сзади, въ 30 шагахъ лежало также мертвыми восемь шестерочныхъ запряжекъ лошадей и ѣздовые. Только одна раненая лошадь уныло стояла среди своихъ погибшихъ собратій — единственный признакъ жизни на мертвой батареѣ! Всѣ деревяныя части орудій были буквально изрѣшечены шрапнельными пулями. Потомъ я насчиталъ въ спицахъ колесъ по 30—40 пуль въ каждой спицѣ. Было очевидно, что батарея умерла мгновенно: на нее за 10 – 12 секундъ обрушился потокъ въ 10.000 пуль! *).

Мы подбѣжали къ ближайшему орудію, скинули съ его лафета убитыхъ и стали поворачиватъ, а затѣмъ быстро ска-

*) 40 шрапнелей по 250 пуль каждая.

тили съ гребня въ нашу сторону. На все это потребовалось не больше минуты. Но нѣмецкіе артиллеристы насъ уже замѣтили. Надъ нами разорвалась очередь шрапнели, пули завизжали со всѣхъ сторонъ и звонко защелкали по металлическимъ частямъ орудія. Я не понимаю, какъ могло случиться, что никто изъ насъ не былъ раненъ. Странная смѣсь ощущеній: ужасъ, при видѣ мертвецовъ, гордость отъ сознанія, что собственными руками ворочаешь колесо захваченнаго непріятельскаго орудія (артиллеристы меня поймутъ), чувство животнаго страха отъ визга и щелканья пуль, радость, что орудіе подается внизъ ...

Одно орудіе было вытащено. Здѣсь же за скатомъ, въ сторонкѣ, стояла походная кухня. Я приказалъ скинуть ее съ передка, надѣть орудіе на шворень, и въ такомъ видѣ на парѣ финскихъ лошаденокъ, съ нестроевымъ стрѣлкомъ-повозчикомъ, я отконвоировалъ лично орудіе въ тылъ.

Подходить къ остальнымъ орудіямъ въ эту минуту было бы безсмысленнымъ самоубійствомъ.

Рысью дотащили лошаденки нашъ трофей до лѣса у дер. Рабалинъ. Тяжелые артиллеристы нѣмцевъ за Распудой видимо еще спали и огня по намъ не открывали.

Подъѣзжая къ лѣсу, я подвергся атакѣ нашихъ артиллеристовъ. Карьеромъ наскакалъ на меня командующій батареей капитанъ Колонтаевскій.

„Стойте! Это мое орудіе! Моя батарея захватила этотъ трофей! Это мой георгіевскій крестъ! Я не дамъ каждому моменту *) получать георгіевскій крестъ моими руками!".

Едва я его смогъ успокоить, увѣряя, что мнѣ не нужно его трофеевъ и что о его подвигѣ я, именно я, уже донесъ, еще вчера въ штабъ корпуса; что я не отбираю, а спасаю заслуженный имъ орденъ.

Орудіе, конечно, ему отдалъ и уже съ тремя передками его батареи, при его фельдфебелѣ, я опять вернулся къ Малиновкѣ, гдѣ въ это время уже гремѣлъ возобновившійся пѣхотный бой. Тотъ же взводъ стрѣлковъ, но уже подъ руководствомъ артиллеристовъ, выбѣжалъ къ тремъ остальнымъ орудіямъ и ихъ скатилъ за гребень. На этотъ разъ нѣмцы проглядѣли.

Видя, что дѣло сдѣлано, я со своимъ драгуномъ, галопомъ покинулъ Малиновку. Теперь уже начали огонь тяжелыя батареи противника, и 3—4 черныхъ столба дыма съ невѣроятнымъ грохотомъ выкинулось у дорожки, по которой

---

*) „Моментъ" — прежнее прозвище офицеровъ генеральнаго штаба.

я скакалъ. Какъ вывезли свои трофеи артиллеристы, я не знаю. Знаю только, что вывезли, и что за нихъ получилъ орденъ Св. Георгія и самъ командиръ корпуса. Былъ награжденъ и я: за начальствованіе въ эти дни штабомъ ген. Стельницкій представилъ меня къ ордену Св. Владиміра 4 ст. и я его получилъ въ декабрѣ.

Заѣхавъ въ штабъ бригады и простившись съ благороднымъ и мужественнымъ старикомъ, ген. Стельницкимъ, и офицерами штаба, я отправился въ фольваркъ у выхода изъ лѣсовъ вблизи шоссе Сувалки — Рачки, куда къ этому времени перешелъ штабъ корпуса.

Мое участіе въ этихъ бояхъ было закончено. Впрочемъ скоро закончились и самые бои.

Штабъ фронта былъ очень недоволенъ „рискованной“ активностью генерала Флуга. Ему не разъ указывалось, что сложные маневры намъ не по-плечу, что нужно наступать „стѣною корпусовъ*)“. Въ результатѣ, давъ въ описанной операціи сѣверо-западному фронту столь нужную послѣ пережитыхъ катастрофъ побѣду, генералъ Флугъ былъ отрѣшенъ отъ должности командующаго арміей. Объ этомъ особенно хлопоталъ генералъ-квартирмейстеръ штаба фронта, одинъ изъ бездарнѣйшихъ нашихъ генераловъ, любимецъ Сухомлинова, потомъ большевицкій генералъ, Бончъ-Бруевичъ.

Въ ближайшіе дни XXII корпусъ окопался по линіи Заіончково—Рабалинъ—р. Распуда—м. Рачки, оставивъ злополучную Малиновку. Наступило относительное затишье.

Здѣсь мнѣ хочется посвятить нѣсколько словъ ген. Стельницкому. Мнѣ его больше не пришлось увидѣть. Нелюбимый генераломъ Б., онъ въ ближайшіе дни ушелъ изъ нашего корпуса на постъ начальника 58-й пѣх. дивизіи (второочередной) и позднѣе отличился подъ Перемышлемъ. Еще позже, командуя уже XXXIX-мъ корпусомъ, онъ пріобрѣлъ общую любовь и полное уваженіе. Корпусъ его (изъ третьеочередныхъ дивизій) дѣйствовалъ отлично. Старикъ, георгіевскій кавалеръ войны 1877—8 г.г., онъ былъ образцомъ рыцаря и офицера. Въ той области, гдѣ у него не хватало личныхъ познаній, онъ полагался на своего начальника штаба, ведя самъ, своимъ безукоризненнымъ авторитетомъ то, что было ему понятно и извѣстно.

---

*) Типичный взглядъ школы военнаго искусства XIX вѣка.

VIII. ЗАТИШЬЕ.

Снова въ штабъ арміи. Картинка эвакуаціи раненыхъ. Возвращеніе въ штабъ корпуса. Отъѣздъ князя Іоанна Константиновича. Погребеніе убитаго мужа. Прогулка съ японцемъ. Опросъ плѣнныхъ: казаки - людоѣды; современный Сусанинъ; обращеніе съ плѣнными; антимилитаристическія мысли. Кризисъ въ штабѣ и его разрѣшеніе.

Въ штабѣ корпуса мнѣ пришлось только пообѣдать и, попавъ послѣ пятидневныхъ странствій къ своимъ вещамъ, переодѣться. Принятъ я былъ своими начальниками болѣе, чѣмъ сухо, и мнѣ приказано немедленно отправиться въ штабъ арміи, такъ какъ оттуда поступило требованіе о командированіи офицера. Надолго ли? Это неизвѣстно, въ распоряженіи не указано. Уже не помню сейчасъ, какъ добрался я туда, въ какой то большой монастырь за Бобромъ. Тамъ, у генералъ-квартирмейстера, мое появленіе вызвало большое изумленіе: оказалось, что изъ нашего корпуса было приказано командировать въ штабъ арміи одного оберъ-офицера, который былъ нуженъ для какой то нисшей должности.

„Совершенно непонятно, какъ могли у васъ въ штабѣ командировать офицера генеральнаго штаба, тѣмъ болѣе, что они сами только что просили объ усиленіи ихъ офицеромъ генеральнаго штаба и къ вамъ командированъ кап. Колесниковъ! Отправляйтесь обратно въ штабъ корпуса и доложите генералу Огородникову, „что начальникъ штаба арміи удивленъ вашимъ командированіемъ".

Я окончательно озлился. Становилось очевиднымъ, что генералъ Б. желаетъ просто отъ меня отдѣлаться. Какъ хорошо чувствовалъ я себя въ нравственномъ отношеніи эти послѣдніе дни! А теперь опять начинались удары по самолюбію и просто нелѣпости штаба корпуса! Однако надо было повиноваться...

Такъ какъ средствъ сообщенія со штабомъ корпуса у меня не было, то я рѣшилъ поѣхать съ кѣмъ то изъ штаба арміи, ѣхавшимъ автомобилемъ въ Гродну, а оттуда расчитывалъ по желѣзной дорогѣ добраться черезъ Августовъ до Сувалокъ.

Линія Гродна — Августовъ была только что возстановлена подъ Августовомъ и совершенно забита составами.

Поѣздъ, которымъ я выѣхалъ изъ Гродны, простоялъ въ 2—3 перегонахъ отъ Гродны нѣсколько часовъ и, Богъ знаетъ, сколько ему еще приходилось стоять. Его обгоняли одинъ за другимъ шедшіе на фронтъ санитарные поѣзда. Я

пересѣлъ въ одинъ изъ нихъ съ разрѣшенія старшаго врача. Это оказался роскошно оборудованый поѣздъ имени Цесаревича. Снаружи весь бѣлый, съ красными крестами, внутри еще совершенно не тронутый — онъ шелъ на фронтъ въ первый разъ. Весь его персоналъ горѣлъ желаніемъ помочь, чѣмъ можетъ, нашимъ воинамъ. До моего къ нимъ вселенія, они еще никому не могли оказать помощи. Хоть я и не былъ ни раненъ, ни боленъ, но все таки былъ человѣкомъ съ фронта, и потому милыя сестры поѣзда не знали, какъ мнѣ угодить. Кажется, никогда въ жизни я не былъ предметомъ такого вниманія, какъ въ эти два дня странствія съ ними. Два дня! а разстояніе было верстъ 60... Головная станція Августовъ была забита, забиты всѣ разъѣзды, а для разгрузки ихъ видимо не было достаточно энергичной руки. Въ двухъ-трехъ разъѣздахъ отъ Августова мы застряли окончательно. Дежурный по станціи заявилъ, что надежды на скорое движеніе впередъ нѣтъ никакой, а на разъѣздѣ скопилось четыре санитарныхъ поѣзда. Всѣ они рвались къ фронту, но увы...

Уже вечерѣло. Вдругъ на станціи всѣ служащіе забѣгали и вслѣдъ затѣмъ стало извѣстно, что насъ сейчасъ отправляютъ. Пришелъ старшій врачъ и разсказалъ, что дежурный по станціи получилъ по телеграфу съ впереди лежащаго разъѣзда сообщаніе, что на станцію Августовъ, гдѣ скопилось много тысячъ раненыхъ, пріѣхалъ автомобилемъ членъ государственной думы Пуришкевичъ, страшно шумитъ, избилъ лично начальника станціи и его помощника и что... машина заработала!

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ одинъ за другимъ ушли всѣ санитарные поѣзда, мы послѣдними. Теперь уже полнымъ ходомъ и безостановочно прошли мы до Августова. Сейчасъ же, въ темнотѣ, при фонаряхъ, началась погрузка раненыхъ. Говорятъ, что ихъ скопилось у ст. Августовъ и въ ближайшихъ мѣстахъ у полотна до 12.000 человѣкъ. Безъ пищи, безъ медицинской помощи, кромѣ первичной перевязки, большею частью подъ открытымъ небомъ, эти несчастные провели здѣсь много дней. Ихъ эвакуировали къ желѣзной дорогѣ, или они сами добирались до нея. Здѣсь же, повидимому, не было никакой организаціи. Впрочемъ я видѣлъ какихъ то сестеръ, грязныхъ, мокрыхъ отъ дождя, совершенно изнеможденныхъ отъ усталости...

При видѣ этого, превосходящаго всякую мѣру безобразія любой человѣкъ могъ потерять хладнокровіе. Я понимаю Пуришкевича. И онъ правъ: какъ только вѣсъ имѣющій

человѣкъ началъ драться, такъ все оказалось возможнымъ сдѣлать!

Нашъ поѣздъ въ 2—3 часа времени принялъ 700 раненыхъ. По словамъ сестеръ видъ и состояніе ихъ были ужасны. Смрадъ отъ гніющихъ ранъ былъ отвратительный, почти у всѣхъ въ ранахъ копошились черви. Въ операціонномъ вагонѣ всю ночь дѣлали ампутаціи, вызываемыя не характеромъ раненій, но исключительно появленіемъ гангрены.

Поѣздъ могъ уйти только на другой день, поэтому я переночевалъ въ вагонѣ персонала.

Еще за время пути мнѣ сказали, что сестры везутъ контрабандой одну даму, которая ищетъ на фронтѣ своего мужа, офицера генеральнаго штаба. Эта дама была за-границей и только что вернулась черезъ Грецію въ Россію. Меня ей представили и я узналъ свою знакомую, жену моего бывшаго начальника, а въ это время начальника штаба 2-й Финл. стр. бригады, полковника Марушевскаго.

Со станціи Августовъ я послалъ по оказавшемуся здѣсь военному телеграфу объ этомъ телеграмму въ штабъ корпуса и всегда рыцарски-любезный генералъ Б. выслалъ на слѣдующее утро за г-жей Марушевской автомобиль. Я вызвался ее проводить и такимъ образомъ, уже безъ труда, къ полудню 29 сентября попалъ опять къ своему мѣсту служенія.

Явившись ген. Огородникову и встрѣтивъ у него пріемъ еще холоднѣе обычнаго, и не получивъ никакихъ распоряженій о дальнѣйшихъ моихъ служебныхъ обязанностяхъ, я обратился къ нѣсколькимъ молодымъ офицерамъ, въ числѣ которыхъ былъ и князь Іоаннъ Константиновичъ, помѣщавшимся въ отдѣльной хибаркѣ, съ просьбой меня пріютить, разставилъ у нихъ свою походную койку и выходилъ оттуда только къ обѣду и ужину. Мой бестъ продолжался дня три. Бои за это время затихли и командиръ корпуса рѣшилъ отвести свой штабъ назадъ, въ болѣе удобное и спокойное мѣсто. Таковымъ былъ выбранъ госп. дворъ Ольшанка.

Штабъ переходилъ туда по обычаю верхомъ. Когда генералъ Б. увидѣлъ меня въ строю и, обратившись съ какимъ то вопросомъ, встрѣтилъ съ моей стороны нескрываемо-обиженный и почти рѣзкій тонъ, онъ отозвалъ меня въ сторону и получилъ отъ меня докладъ, что при томъ отношеніи, которое я встрѣчаю съ его стороны и со стороны ген. Огородникова, я предпочитаю жить съ офицерами связи и ждать, когда у него найдется возможность меня окончательно удалить изъ штаба. За время перехода, переговоривъ съ ген. Огородниковымъ, генералъ Б. снова меня подозвалъ къ себѣ

и послѣ примирительной рѣчи просилъ продолжать штабную работу.

Поэтому въ Ольшанкѣ я снова появился въ штабѣ и принялъ участіе въ хаотической его дѣятельности. Впрочемъ въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль работа въ штабѣ начала по-немногу налаживаться.

Изъ этого времени мнѣ запомнились слѣдующіе случаи.

Получено было извѣстіе о смертельномъ раненіи князя Олега Константиновича и распоряженіе о немедленномъ командированіи Іоанна Константиновича въ Вильну. За послѣднимъ обѣдомъ, когда автомобиль уже ждалъ князя, генералъ Б. нѣсколькими теплыми словами отмѣтилъ службу его высочества въ нашемъ штабѣ. Іоаннъ Константиновичъ отвѣтилъ весьма сердечной рѣчью, назвалъ генерала Б. своимъ вторымъ отцомъ и, прощаясь, поцѣловалъ у него руку. Мы всѣ съ грустью разстались съ княземъ: онъ былъ простымъ и сердечнымъ человѣкомъ и прекраснымъ товарищемъ.

Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней въ штабѣ появилась заплаканная дама въ траурѣ, жена офицера одного изъ полковъ корпуса. Онъ числился убитымъ въ августовскихъ лѣсахъ, о чемъ она получила увѣдомленіе отъ полка. Она пріѣхала съ металлическимъ гробомъ, чтобы найти прахъ мужа и перевезти его въ Финляндію. Командиръ корпуса разрѣшилъ и оказалъ ей всяческую помощь. Съ участіемъ солдата, хоронившаго ея мужа, нашли его могилу, общую съ двумя другими убитыми офицерами, ее раскопали. Она опознала обезображенное снарядомъ и тлѣніемъ тѣло мужа по одеждѣ, перевезла его въ Финляндію и торжественно погребла, а, вернувшись съ похоронъ въ свой осиротѣвшій домъ, встрѣтила у его порога своего мужа живымъ! Оказалось, что онъ вовсе не былъ убитъ, а лишь легко раненъ, дошелъ самъ до жел.-дорожной станціи, сѣлъ въ санитарный поѣздъ и былъ эвакуированъ на югъ Россіи, откуда, подлѣчившись, поѣхалъ къ семьѣ и попалъ... на свои похороны!

Не знаю, удалось ли установить личность погребеннаго.

Однажды въ корпусъ изъ штаба арміи прибылъ японскій офицеръ, капитанъ Міако (насколько помню его фамилію). Мнѣ поручили провезти его по фронту и показать мѣста боевъ. Онъ оказался моимъ сверстникомъ и очень милымъ человѣкомъ. Мы проѣхали съ нимъ верхомъ верстъ 30, посѣтили штабъ 10 Финляндскаго стрѣлковаго полка въ деревнѣ Заіончково и другія мѣста боевъ 21—25 сентября и проѣхали въ Сувалки, гдѣ поужинали въ ресторанѣ и разстались друзьями.

Главнымъ моимъ дѣломъ за первыя двѣ недѣли октября былъ опросъ плѣнныхъ, которыхъ довольно много доставлялось въ штабъ корпуса. Все были солдаты разныхъ родовъ войскъ. Офицеровъ за это время мнѣ не пришлось опрашивать. Опросъ плѣнныхъ и за это время, и за все время войны вообще давалъ очень много цѣнныхъ для развѣдки данныхъ. Особенно это вѣрно въ отношеніи солдатъ-германцевъ. Впослѣдствіи, когда я попалъ въ Галицію, я убѣдился, что показанія австрійцевъ совершенно недостовѣрны. Германцы же всегда давали совершенно точныя и опредѣленныя показанія. Почти каждый германецъ какъ бы гордился тѣмъ, что онъ все знаетъ и все можетъ точно доложить „господину капитану". „Германскій солдатъ знаетъ все, что долженъ знать солдатъ", „германскій солдатъ не можетъ лгать офицеру" — подобныя фразы мнѣ много разъ приходилось слышать отъ плѣнныхъ враговъ и они, безъ всякаго принужденія, разсказывали все, что могли разсказать. За все время войны, опросивъ тысячи плѣнныхъ, я встрѣтилъ только двухъ, старавшихся солгать, да и то отступившихъ отъ этой тактики при первомъ же окрикѣ. Объяснить это можно только пресловутой принципіальной добросовѣстностью германца. Въ эти дни былъ даже случай, что на мой вопросъ, нѣтъ ли у плѣннаго жалобъ, не обидѣлъ ли кто его, онъ отвѣтилъ, что жалоба есть и его обидѣли — именно какой-то германскій офицеръ, при его призывѣ изъ резерва; онъ проситъ возбудить это дѣло...

Другая подробность этихъ опросовъ (въ первые мѣсяцы войны) — это паническій страхъ плѣнныхъ передъ казаками, да и вообще опасеніе за свою жизнь. Нѣкоторые съ неподдѣльнымъ трагизмомъ по окончаніи опроса спрашивали, сейчасъ ли его разстрѣляютъ или дано будетъ время для молитвы до утра.

Былъ и такой случай, въ которомъ я, признаюсь, поступилъ не совсѣмъ по-джентльменски.

Какъ то меня позвали опросить двухъ плѣнныхъ. Я пошелъ въ помѣщеніе, гдѣ это обычно дѣлалось. По дорогѣ ко мнѣ подошелъ казакъ, вольноопредѣляющійся изъ конвоя командира корпуса, человѣкъ огромнаго роста, очень хорошо образованный, окончившій университетъ въ Германіи, и попросилъ разрѣшенія присутствовать при опросѣ. Я разрѣшилъ. Оба опрашиваемыхъ оказались довольно пожилыми и на рѣдкость неразвитыми нѣмецкими батраками изъ резерва. Они были даже неграмотны. Противъ обыкновенія, они ничего не знали и ничего толковаго показать не могли. При-

казавъ стрѣлку-конвоиру увести одного, я сталъ распрашивать другого. Тотъ же результатъ. Среди своихъ чрезвычайно наивныхъ показаній онъ добродушно заявилъ:

„Слава Богу, что меня взяли въ плѣнъ пѣхотинцы, а не казаки".

— Почему „слава Богу?".

„Господинъ офицеръ шутитъ: вѣдь если бы меня взяли въ плѣнъ казаки, такъ я не могъ бы теперь говорить съ господиномъ офицеромъ".

— Почему?

„Да они бы меня, конечно, сразу же съѣли".

Я разсердился.

— Что ты за вздоръ говоришь! Да ты даже не знаешь, какъ отличить казака отъ неказака.

„О нѣтъ, этому я очень хорошо обученъ: у казаковъ здѣсь красная полоса". И онъ показалъ на свою ногу сбоку.

Тогда стоявшій со мною рядомъ вольноопредѣляющійся поставилъ свою ногу на табуретъ, откинулъ шинель и показывая рукой на свой лампасъ, грозно крикнулъ плѣнному по-нѣмецки:

— „Смотри сюда! Видишь?".

Плѣнный поблѣднѣлъ, вытянулся и затрясся всѣмъ тѣломъ. Губы его старались что-то сказать, но не могли выговорить. Въ глазахъ было выраженіе отчаянія.

Казакъ-вольноопредѣляющійся сдѣлалъ видъ, что его внимательно разсматриваетъ, а потомъ повернулся ко мнѣ, вытянулся и доложилъ на нѣмецкомъ языкѣ:

„Ваше высокоблагородіе! Онъ намъ не годенъ: старъ и худощавъ. Изъ него не выйдетъ хорошаго жаркого".

Я рѣшилъ продолжить шутку и потому закричалъ, тоже по-нѣмецки:

— „Какъ смѣешь ты на войнѣ разговаривать! Бери, что даютъ! Я тебѣ покажу, что значитъ возражать!".

Бѣдный плѣнный подскочилъ отъ ужаса и завопилъ:

— Что же я сдѣлалъ дурного? Господинъ офицеръ, сжальтесь, у меня трое дѣтей!

„Веди его къ коменданту, онъ мнѣ больше не нуженъ", сказалъ я по-русски стрѣлку-конвоиру. Послѣдній сталъ толкать плѣннаго къ двери.

Казакъ же, дѣлая, соотвѣтствующіе знаки руками, продолжалъ говорить по-нѣмецки:

„Простите, ваше высокоблагородіе, теперь и я вижу: если его вотъ такъ и вотъ такъ обрубить, такъ выйдетъ еще недурной кусокъ!".

Съ нашей стороны эта шутка была, конечно, жестока Но хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь отплатить противнику за тѣ гнусныя клеветы о насъ, которыя онъ несомнѣнно распространялъ среди своихъ солдатъ и населенія.

Другой случай при опросѣ плѣнныхъ поразилъ меня уже съ совсѣмъ другой точки зрѣнія и я почувствовалъ все зло войны.

Въ штабъ корпуса поступило донесеніе, что развѣдывательная партія одного изъ полковъ, выдвинувшаяся за Распуду почти до самой границы, встрѣтилась съ группой непріятельскихъ развѣдчиковъ, человѣкъ въ 30, пробиравшихся къ нашимъ (1-й Финл. стр. бригады) позиціямъ, что сѣвернѣе м. Рачки. Между развѣдчиками произошелъ бой, при чемъ почти всѣ люди противника были перебиты или ранены, а два германца-солдата и проводникъ, русско-подданный полякъ-крестьянинъ изъ приграничной деревни, захвачены здоровыми. Командиръ корпуса приказалъ предать этого крестьянина корпусному суду по обвиненію въ измѣнѣ. Ему грозила несомнѣнная смертная казнь.

Кога его доставили въ штабъ корпуса и военный слѣдователь его опросилъ, то возникло сомнѣніе въ его виновности: ѳо былъ очень почтеннаго вида старикъ, увѣрявшій, что онъ былъ взятъ нѣмцами въ проводники силой и что онъ ихъ умышленно навелъ на нашу засаду, такъ какъ, проходя неподалеку немного ранѣе, видѣлъ, какъ наши развѣдчики устраивались на опушкѣ лѣска, гдѣ потомъ и произошло столкновеніе. Въ пользу этого показанія говорило показаніе стрѣлковъ, бывшихъ въ засадѣ, о томъ, что захваченный проводникъ, подводя противника къ лѣску, гдѣ засѣли стрѣлки, повелъ ихъ какъ-то странно вдоль опушки, впереди нея, при чемъ замѣтно было, что онъ зорко всматривается въ опушку, точно знаетъ, что оттуда будетъ открытъ огонь и что при первомъ же нашемъ выстрѣлѣ онъ бросился на землю и потому остался цѣлъ. Выходило такъ, что онъ дѣйствительно наводилъ нѣмцевъ на засаду.

редсѣдатель суда, ген. Донъ, просилъ меня постараться предварительнымъ опросомъ плѣнныхъ установить истину.

лѣнные, показаніе которыхъ произвело впечатлѣніе чрезвычайно искренняго, подтвердили невиновность крестьянина такъ какъ отзывались объ немъ опредѣленно, какъ о предателѣ, погубившемъ ихъ партію, а кромѣ того показали, что онъ долженъ былъ ихъ вести въ опредѣленную деревню, между тѣмъ какъ фактически онъ велъ ихъ совсѣмъ въ другую сторону. Тоже они показали и на судѣ. Старикъ-кресть-

янинъ былъ оправданъ и судъ даже составилъ постановленіе о докладѣ командиру корпуса, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто не преступленіе, а подвигъ.

Генералъ Б. наградилъ крестьянина георгіевской медалью.

Здѣсь, кстати, я долженъ сказать, что за все то время, что мнѣ приходилось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ среди польскаго, русско-подданнаго населенія, я нигдѣ не видѣлъ и не слышалъ о случаяхъ измѣны или враждебности этого населенія, какъ простого, такъ и интеллигентнаго, въ отношеніи русскихъ войскъ. Наоборотъ, случаевъ симпатіи, вѣрности Россіи и помощи русскимъ видѣлъ сколько угодно. Населеніе несомнѣнно было враждебно нѣмцамъ, а не намъ.

Однако вернусь къ опросу плѣнныхъ, захваченныхъ вмѣстѣ съ проводникомъ.

Одинъ изъ нихъ былъ образованный человѣкъ, лѣтъ 38, купецъ изъ Гамбурга, очень крупнаго роста съ прекрасными чертами лица. Манера себя держать, содержаніе и тонъ показаній расположили меня къ нему. Отъ него-то я и рѣшилъ добиться правды въ вопросѣ о проводникѣ.

Сдѣлавъ видъ, что оффиціальный опросъ конченъ, а начинается частный разговоръ, я его спросилъ умышленно непріятнымъ тономъ.

„Ну а теперь ты мнѣ скажи, какъ это могло случиться, что такой здоровый и сильный германскій унтеръ-офицеръ могъ сдаться въ плѣнъ непріятелю?“.

Плѣнный вздрогнулъ и отвѣтилъ:

— „Да, конечно, я сдался, я поднялъ руки вверхъ, но при какихъ обстоятельствахъ! Я прошу господина капитана разрѣшить мнѣ доложить подробно и тогда онъ увидитъ, что я не такъ ужъ много виноватъ!“.

„Разскажи“.

— „Мы шли одинъ за другимъ за этимъ предателемъ-полякомъ. Впереди нашъ фельдфебель, потомъ я, потомъ мой большой другъ, съ которымъ мы въ Гамбургѣ вмѣстѣ росли съ дѣтства, потомъ остальные. Мы никакъ не ожидали что-бы здѣсь были русскіе, а полякъ навѣрное зналъ, онъ прямо подвелъ насъ на убой. Сразу изъ лѣса начался сильный огонь; фельдфебель приказалъ лечь и, ведя огонь, наступать на лѣсъ, но сейчасъ же былъ убитъ. Я его замѣнилъ и мы стали переползать впередъ. Но многіе уже были убиты и ранены. Пришлось остановиться и уцѣлѣвшимъ отстрѣливаться. Я выпустилъ всѣ патроны, кромѣ одного. Послѣднее время стрѣлялъ я одинъ. Когда я пересталъ стрѣлять, то русскіе вышли изъ лѣса и, показывая знаками, что бы мы бросили

оружіе, стали къ намъ подходить со всѣхъ сторонъ. Я рѣшилъ застрѣлиться, зарядилъ ружье послѣднимъ патрономъ, вскочилъ и приложилъ високъ къ дулу. Но въ эту минуту услышалъ сзади крикъ моего друга: „Вильгельмъ, не бросай меня!". Я обернулся и увидѣлъ, что другъ мой лежитъ тяжело раненымъ и, что къ нему подходятъ два русскихъ солдата. Я сталъ имъ кричать и дѣлать знаки, умоляя пощадить моего друга, а они, подойдя къ нему, стали перевязывать его раненую голову. Тогда я бросилъ ружье и поднялъ руки. А ко мнѣ подошелъ маленькій русскій солдатъ, мнѣ по плечо, что-то говоря по своему, похлопалъ меня дружески и, вынувъ изъ своего мѣшка кусокъ хлѣба, протянулъ мнѣ его... Я заплакалъ, господинъ капитанъ, хотя, кажется, никогда въ жизни не плакалъ. И вотъ теперь все думаю: зачѣмъ столько жестокостей, зачѣмъ намъ разсказывали столько злого о русскихъ, зачѣмъ мы убиваемъ другъ друга?!".

Это показаніе было въ общихъ чертахъ подтверждено и другимъ плѣннымъ, опрошеннымъ, конечно, отдѣльно отъ перваго.

И теперь, когда подумаешь, сколько лучшихъ, честнѣйшихъ, добрѣйшихъ людей съ обѣихъ сторонъ погибло на войнѣ жестокою смертью и сколько осталось Погоновъ и ему подобныхъ, то понимаешь, что нравственность и идеалы европейцевъ должны были низко пасть послѣ войны. Кровь милліоновъ лучшихъ вопіетъ къ небу и на ней выростаютъ гады.

Какъ я сказалъ выше, за эти двѣ недѣли работа въ штабѣ стала по немногу налаживаться. Впрочемъ, до совершенства было еще очень далеко. Ген. Огородниковъ почти устранился отъ работы. Кап. Ивановъ и штабсъ-капитанъ Земцовъ совершенно отошли отъ остального штаба, уйдя исключительно въ свою службу связи; части артиллерійская, инженерная, медицинская, комендантская расположились, какъ имъ и полагается, отдѣльно. Остались я и человѣкъ пять строевыхъ офицеровъ въ небольшихъ чинахъ, въ рукахъ которыхъ и сосредоточилась оперативная и развѣдывательная службы. Генералъ Б. по много разъ въ день приходилъ къ намъ и давалъ намъ разныя свои непосредственныя распоряженія, минуя ген. Огородникова.

Мои отношенія съ командиромъ корпуса улучшились, но полнаго контакта въ работѣ все же не получалось. Причиной было, повидимому, то, что наши тактическіе взгляды были совершенно различны, а, съ другой стороны, мѣшалъ мой формализмъ: несмотря на дурныя отношенія, я не счи-

талъ себя вправѣ игнорировать ген. Огородникова, моего, по закону, непосредственнаго начальника. Командиръ же корпуса, не говоря этого опредѣленно, желалъ не имѣть съ нимъ соприкосновеній.

Числа 10-го въ штабъ прибылъ, на его усиленіе, причисленный къ генеральному штабу шт.-кап. Дорманъ, послѣдняго выпуска изъ академіи, очень способный офицеръ, къ тому же отлично разбиравшійся, повидимому, въ людскихъ взаимоотношеніяхъ.

Дня черезъ три-четыре онъ мнѣ сказалъ примѣрно слѣдующее:

„Такой безпорядокъ въ штабѣ оставаться не можетъ. Я не понимаю васъ: для меня ясно, что командиръ корпуса ищетъ въ васъ такого помощника, которому онъ могъ бы довѣрить все управленіе корпусомъ. Онъ не можетъ допустить къ этому генерала (начальника штаба): это задѣнетъ его самолюбіе, но онъ будетъ радъ, если будетъ работать его именемъ капитанъ. Неужели вы этого не понимаете?".

Я ему отвѣтилъ, что отлично это понимаю, и давно понялъ, еще въ Финляндіи, но не считаю возможнымъ брать на себя дѣло и отвѣтственность, мнѣ по закону не предоставленныя. Я не уважаю Огородникова, но не могу его обходить, разъ онъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что есть офицеръ въ штабѣ много старше меня — кап. Ивановъ, который долженъ бы былъ быть выдвинутымъ, если уже командиръ корпуса желаетъ не считаться именно съ Огородниковымъ.

Дорманъ съ этой точкой зрѣнія не согласился. Вскорѣ, какъ читатель дальше увидѣтъ, я оставилъ штабъ корпуса. И недѣли черезъ двѣ послѣ этого и въ штабахъ бригадъ поняли, что корпусомъ, именемъ генерала Б., командуетъ шт.-кап. Дорманъ. И командовалъ онъ, надо сознаться, отлично.

IX. ОКТЯБРСКІЕ БОИ.

(См. схемы №№ 1 и 2).

Снова въ штабѣ бригады. Начальникъ бригады и офицеры штаба. Положеніе бригады. Винтъ подъ огнемъ. Гибель 12-го Финляндскаго стрѣлковаго полка. Штабные порядки. Страшный лѣсъ. Фельдфебель — командиръ полка. Сонъ. Рекогносцировка лѣса. Подвигъ штабсъ-капитана Иванова. Наша беретъ! Отходъ нѣмцевъ. Развѣдка и начало преслѣдованія. Снова за-границу.

10-го октября на фронтѣ корпуса вновь завязались бои. Противникъ атаковалъ на фронтѣ отъ Распуды до лѣса, что у дер. Заіончково, включительно. Этотъ фронтъ занимала

3-я Финл. стр. бригада всѣми своими четырмя полками: 9-мъ — отъ переправы у дв. Мазуры до стыка съ 10-мъ, попрежнему державшимся впереди Заіончкова; далѣе на востокъ, по извилистой опушкѣ лѣса тянулись позиціи 12-го полка. 11-й находился въ резервѣ. Правѣе, за лѣсомъ, фронтомъ на сѣв.-западъ тянулись позиціи II Кавказскаго корпуса. Лѣвѣе, за Распудой, уступомъ назадъ, шелъ фронтъ 1-ой Финл. стр. бригады.

Послѣ двухъ-дневныхъ боевъ, 12 октября, 3-я Финл. стр. бригада осадила своимъ лѣвымъ флангомъ и центромъ версты на двѣ назадъ. Лѣсъ и переправа, что у дв. Мазуры, д. Рабалинъ и Заіончково перешли въ руки противника. Послѣдній, черезъ день, устроившись, повелъ страшную бомбардировку фронта бригады. Пѣхота его продолжала попытки продвигаться дальше, но отражалась нашими частями.

Резервовъ въ корпусѣ не было: 4-ая Финл. стр. бригада все еще не была возвращена, а 2-ая — незадолго передъ этимъ куда-то ушла.

14-го и 15 октября, съ разсвѣта и до темноты, страшный грохотъ доносился съ фронта 3-й Финл. стр. бригады.

Вечеромъ 15-го положеніе стало особенно напряженнымъ. Генералъ Б. повсюду искалъ помощи и добивался направленія къ намъ подкрѣпленій. Они уже двигались, но двигались издалека и подходъ ихъ поэтому могъ ожидаться только 18-го.

Всю ночь на 16-ое напролетъ проработалъ я вмѣстѣ съ генераломъ Б. въ аппаратной штаба. Стало свѣтать, когда его вызвалъ къ телефону начальникъ 3-й бригады и доложилъ, что положеніе бригады критическое, что полки едва держатся, на ³/₄ уже растаявъ, а съ управленіемъ бригадой не справиться, такъ какъ и онъ, и кап. Колесниковъ переутомлены до крайности, а старшаго адъютанта генеральнаго штаба въ бригадѣ нѣтъ.

Генералъ Б. обратился ко мнѣ. Я знаю мѣстность и бригаду. Положеніе корпуса критическое. Если сдастъ 3-я бригада, то 1-ая окажется почти отрѣзанной за Распудой. Это же будетъ знаменовать собою и безнадежный прорывъ фронта всей X-й арміи, т. к. до 18-го октября на направленіе на Августовъ новыхъ войскъ подойти не можетъ. Онъ проситъ меня не отказать, поѣхать въ бригаду на дни этихъ боевъ. Я, конечно, не возражалъ.

Черезъ полъ часа я выѣхалъ верхомъ хорошо мнѣ знакомымъ лѣсомъ въ сторону снова начавшей доноситься канонады. Я не думалъ, что покидаю штабъ XXII корпуса навсегда. Между тѣмъ это было такъ.

. . . .

Штабъ 3-й бригады я нашелъ въ жалкой халупѣ на южной окраинѣ какой-то деревушки. Наканунѣ ему дважды пришлось мѣнять свое мѣсто: халупы, которыя онъ занималъ, загорались отъ попавшихъ снарядовъ.

Въ углу, на крестьянской кровати лежалъ генералъ, мнѣ еще незнакомый, новый начальникъ 3-й бригады, ген. Волкобой. Подъ окномъ небольшой грязный столъ и двѣ табуретки. На земляномъ полу — солома, а на ней мои знакомые — офицеры штаба. За перегородкой — телефонъ и телефонисты.

Ген Волкобой, худой, черный, страшный, задыхаясь (у него была астма), сошелъ съ кровати и, согнувшись, выслушалъ мой рапортъ. Колесниковъ и офицеры сердечно меня привѣтствовали. Колесниковъ хотѣлъ сдать мнѣ штабъ: мы были одного выпуска изъ академіи, но я старше въ чинѣ. Я отказался и меня стали считать „въ распоряженіи начальника бригады". Фактически мы стали чередоваться черезъ день въ исполненіи обязанностей начальника штаба. Недоразумѣній это не вносило, т. к. у насъ оказалось полное „единство школы".

. . . .

Такъ какъ съ описываемаго утра и до 8 августа 1915 г. я оставался въ штабѣ 3-й Финл. стр. бригады, нѣсколько разъ начальствовалъ имъ, то я позволяю себѣ ближе познакомить читателя съ его чинами.

Начальникъ бригады, ген.-м. Петръ Мироновичъ Волкобой, былъ астматикъ и неврастеникъ. Онъ вышелъ изъ рядовыхъ офицеровъ пѣхоты Кіевскаго округа. Его выдвинула личная храбрость въ Японскую войну, гдѣ онъ былъ сначала ротнымъ, а потомъ баталіоннымъ командиромъ. Храбрость эта была и осталась безупречной: онъ, не задумываясь, пошелъ бы съ голыми руками на дѣйствующій пулеметъ. Но храбрости старшаго начальника — личной иниціативы и гражданскаго мужества — у него не было вовсе. Не было вовсе и познаній въ военномъ дѣлѣ за предѣлами горизонта ротнаго командира. Но зато былъ пессимизмъ, свойственный почти всѣмъ участникамъ Японской войны. Онъ прямо-таки не допускалъ мысли о возможности для насъ успѣшно дѣйствовать наступательно. Ко всему этому надо добавить его очень тяжелый характеръ: невѣроятное упрямство въ мелочахъ и капризность истеричной женщины.

Впрочемъ были и хорошія черты: онъ былъ безусловно честнымъ и въ душѣ добрымъ человѣкомъ. Онъ выматывалъ всѣ нервы у подчиненныхъ, но въ серьозныхъ случаяхъ за-

ботился о нихъ, какъ нѣжная мать. Въ тоже время онъ отличался удивительно проницательнымъ мужицкимъ умомъ и иногда поражалъ способностью предугадать будущее или разгадать характеръ человѣка.

На дальнѣйшихъ страницахъ моихъ воспоминаній читатель подробно познакомится съ Петромъ Мироновичемъ по его дѣламъ.

Конечный же выводъ будетъ такой: ген. Волкобой все же принадлежалъ къ лучшей половинѣ нашихъ генераловъ, ибо, въ концѣ концовъ, давалъ подчиненнымъ дѣлать дѣло. И потому его части нерѣдко сражались отлично.

Генеральнаго штаба капитанъ Григорій Георгіевичъ Колесниковъ былъ во многомъ полной ему противоположностью. Безупречно храбрый и честный, онъ обладалъ и въ высокой степени личной иниціативой, гражданскимъ мужествомъ и непоколебимой волей. Онъ остался у меня въ памяти, какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Изъ остальныхъ офицеровъ штаба выдѣлялся начальникъ команды связи, штабсъ-капитанъ Иванъ Николаевичъ Захаровъ, мужественный и любящій военное дѣло человѣкъ.

Ихъ уже давно нѣтъ на свѣтѣ: Петръ Мироновичъ скончался отъ болѣзни въ Кіевѣ въ 1918 г.; Григорій Георгіевичъ палъ смертью храбрыхъ въ 1919 году, въ конной атакѣ подъ Корочей, во главѣ своего родного Терскаго полка; Ваня Захаровъ разстрѣлянъ большевиками.

Прочіе офицеры: старшій адъютантъ, кап. Пунагинъ, хорошо знающій канцелярскую часть, человѣкъ акуратный и любящій свою бригаду, но пессимистъ; поручикъ артиллеріи Соловьевъ человѣкъ среднихъ способностей; комендантъ штаба, онъ же командиръ взвода конвоя, сотникъ Богдановъ, грубоватый оренбургскій казакъ.

При штабѣ почти всегда находились: командиръ саперной роты шт.-кап. Бошенятовъ, съ образованіемъ академіи генеральнаго штаба, и подпор. Фабриціусъ, начальникъ прожекторнаго отдѣленія.

Дивизіонные интендантъ и врачъ жили всегда въ тылу и въ штабѣ появлялись крайне рѣдко.

. . . .

Возвращаюсь къ тяжелому дню 16-го октября.

Просьба ген. Волкобоя усилить штабъ бригады ввиду переутомленія ея чиновъ, пожалуй, была неосновательна: у штаба въ сущности не было работы, такъ какъ управлять было нечѣмъ. Въ резервѣ не оставалось ни одного человѣка (11-й полкъ давно вошелъ въ боевую линію). Всѣ телефон-

ные провода къ полкамъ были перебиты. Двигаться днемъ въ открытомъ пространствѣ между Распудой и лѣсомъ было совершенно невозможно, а потому связь съ полками возстанавливалась только съ наступленіемъ темноты. Гдѣ-то впереди, у Бакаларжева, высоко висѣлъ въ воздухѣ нѣмецкій привязной аэростатъ и наблюдалъ за всѣмъ нашимъ тыломъ. Многочисленная легкая и тяжелая артиллерія противника громила наши окопы и засыпала снарядами весъ тылъ, почти до шоссе Сувалки — Рачки, особенно деревни и мѣста нашихъ батарей, стоявшихъ примѣрно на высотѣ штаба бригады. Въ воздухѣ стоялъ сплошной гулъ канонады, нарушаемый болѣе рѣзкими звуками приближающихся снарядовъ и грохотомъ близкихъ разрывовъ.

Что дѣлалось въ полкахъ — можно было себѣ только представлять.

Уже вчера, какъ мнѣ разсказали, въ 9-мъ и 12-мъ полкахъ почти не оставалось офицеровъ. Правда, вчера прибыло нѣсколько офицеровъ на пополненіе, но какихъ! Прапорщики запаса старыхъ сроковъ службы. Впрочемъ былъ и одинъ штабъ-офицеръ — подполковникъ Казимірскій, грузный, не молодой человѣкъ, съ ревматизмомъ ногъ, воспитатель кадетскаго корпуса. Говоритъ, что прибылъ по своему желанію, считая невозможнымъ сидѣть въ тылу во время такой войны. Но тутъ же доложилъ, что проситъ его назначить младшимъ офицеромъ, такъ какъ ни ротой, ни, тѣмъ болѣе, баталіономъ командовать не можетъ — онъ уже много лѣтъ, какъ ушелъ изъ строя и понятія не имѣетъ о нынѣшнихъ уставахъ и службѣ. Отправили его ночью въ 12-й полкъ... Тамъ въ лѣсу очень плохо: части полка разбросаны по его извилистой опушкѣ. связь между ними трудна. О нѣкоторыхъ ротахъ нѣтъ свѣдѣній. Нѣтъ увѣренности, что противникъ не захватилъ уже нѣкоторые выступы лѣса. Командиръ полка, полк. Меллеръ, контуженъ и, хоть и остается въ строю, но въ сущности управлять полкомъ не можетъ. Между тѣмъ, если противнику удастся овладѣть опушкой лѣса, то положеніе бригады станетъ очень тяжелымъ, чтобы не сказать— катастрофическимъ: оборона внутри лѣса слабыми разрозненными частями невозможна, и нѣмцамъ легко будетъ обойти лѣсомъ бригаду и прижать ее къ Распудѣ...

Вотъ та картина, которую нарисовали мнѣ офицеры.

Разсказалъ и я то, что зналъ въ штабѣ корпуса — еще два дня надо расчитывать только на свои силы.

Затѣмъ началось отвратительное томленіе подъ огнемъ безъ дѣла. Каждую минуту слышалось приближеніе тяже-

лаго снаряда. Всѣ настораживались: въ насъ, или мимо? Слава Богу — мимо. Черезъ минуту опять. Разрывъ очень близко. Кто-то вышелъ посмотрѣть. Черезъ дворъ отъ насъ, начинаетъ горѣть хлѣвъ...

Рѣшили для облегченія играть въ винтъ. У Пунагина есть карты. Легли звѣздочкой на полу на соломѣ.

„Пики!".

— Безъ козыря.

„А я — четыре"...

Не договорилъ и всѣ прислушиваются.

„Это правѣе!".

— Да!

„Такъ я — четыре пики!".

— Четыре тре... ну, это въ насъ!

„Нѣтъ, перенесло! Сколько вы сказали?".

Такъ играли примѣрно до полудня. Игра нарушилась появленіемъ командира 12-го полка, полк. Меллера. Его ввелъ въ комнату, подъ руку солдатъ.

„Ваше превосходительство! Простите, я не вижу гдѣ вы, — говорилъ Меллеръ, обращаясь вмѣсто генерала къ печкѣ, — я не въ состояніи командовать, ничего не вижу, не могу читать и писать, голова и руки трясутся... Сдалъ полкъ Казимірскому... все равно я только обуза для адъютанта"...

Его подвели къ столу и посадили. Генералъ и офицеры стали успокаивать. Подали чашку чая... Рука дрожитъ, не можетъ удержать чашки. Слезы безудержно текутъ по воспаленному красному лицу.

„Я не трусъ, я честный офицеръ, но адъютантъ говоритъ, что только мѣшаю. Казимірскій все же штабъ-офицеръ. Онъ видитъ и слышитъ. А я... я... я...".

Напоили изъ рукъ, какъ ребенка, чаемъ, успокоили, какъ могли, и стрѣлокъ увелъ его „въ хозяйственную часть" полка, гдѣ то здѣсь же, въ этой же деревнѣ...

Вскорѣ послѣ этой сцены кононада значительно усилилась въ сторонѣ 12-го полка. Мы выходили изъ халупы и безнадежно смотрѣли на черную полосу лѣса въ верстѣ отъ насъ. Тамъ былъ, повидимому, адъ. Безконечное эхо разносило десятки разрывовъ, но для глаза въ той сторонѣ ничего видно не было.

Зато въ другія стороны — къ сѣверу (къ Рабалину) и на западъ (къ Распудѣ) — на открытой, всхолмленной мѣстности осенняго, буро-грязнаго цвѣта, то тамъ, то здѣсь взлетали столбы чернаго дыма отъ германскихъ разрывовъ или бѣлые

дымки ихъ шрапнелей. Кое гдѣ, на западъ, виднѣлись въ лощинахъ или за зданіями лошади и люди — это части нашей артиллеріи. Мѣстами вспыхивали огни нашихъ выстрѣловъ.

Опять винтъ и ожиданіе попаданій...

Темнѣло... канонада умолкла... Поле боя начало оживать. Тянулись раненые, выѣзжали изъ деревень въ тылу походныя кухни, подвозя съ наступленіемъ темноты горячую пищу уцѣлѣвшимъ бойцамъ; тянулись впередъ повозки обозовъ...

Къ ночи начало подмораживать и лужи быстро подернулись льдомъ.

Въ штабѣ стали ждать извѣстій изъ боевой линіи.

Извѣстія были не веселы. Ряды продолжаютъ рѣдѣть. Уже въ полкахъ нѣтъ совсѣмъ резервовъ. Офицеровъ почти не осталось. Не только роты, уже сьодятся и баталіоны. Точный подсчетъ людей невозможенъ.

Долго не было извѣстій изъ 12-го полка. Наконецъ и они поступили. Впрочемъ, этого нельзя было назвать извѣстіемъ — это былъ самъ реальный фактъ передъ нами. Передъ штабомъ, въ темнотѣ появилась группа солдатъ. Впереди нея два стрѣлка вели подъ руки подполковника Казимірскаго. Онъ еле передвигалъ ноги, а его полушубокъ какъ то странно торчалъ во всѣ стороны, на манеръ кринолина. За нимъ шелъ и полковой адъютантъ.

Изъ ихъ безсвязныхъ словъ мы узнали, что къ штабу прибылъ весь 12-й Финл. стр. полкъ, въ числѣ двухъ офицеровъ и 12 нижнихъ чиновъ! Остальные погибли...

Лѣсъ нами оставленъ...

Казимірскаго ввели въ комнату, сняли полушубокъ, усадили къ печкѣ. Оказывается, отходя лѣсомъ, онъ провалился по поясъ въ какую то наполненную водой яму. Затѣмъ платье и полушубокъ замерзли на морозѣ, а больныя ноги стали нестерпимо болѣть.

Изъ разсказа его и адъютанта вырисовалась такая картина. Уже съ утра связь съ отдѣльными частями полка нарушилась. Общее очертаніе лѣсной опушки представляло изъ себя два большихъ выступа въ сторону противника на флангахъ полка. Изъ нихъ западный, смежный съ участкомъ 10-го полка, оставленъ нами еще 12-го октября, такъ какъ 10-й полкъ отошелъ отъ Заіончкова. Фронтъ 12-го полка шелъ здѣсь къ стыку съ 10-мъ по какимъ то лѣснымъ полянамъ, или, по крайней мѣрѣ, думали, что онъ такъ идетъ. Затѣмъ восточнѣе, роты полка охватывали съ трехъ сторонъ большой участокъ пашни, вдававшейся глубоко въ лѣсъ съ сѣ-

вера, между двумя упомянутыми выступами лѣса*). Правофланговыя роты держали восточный выступъ. Въ глубинѣ его, у опушки къ сторонѣ пашни, находился и „штабъ полка".

Когда полк. Меллеръ былъ уведенъ въ штабъ бригады, то около его замѣстителя, какъ сказано, только что, ночью, прибывшаго, оставался адъютантъ и нѣсколько стрѣлковъ.

Около полудня канонада усилилась и до вечера не стихала. Сотни нѣмецкихъ „чемодановъ" взрывали землю на опушкѣ, особенно же въ глубинѣ ея уступа, на южной окраинѣ поля. Штабъ полка предполагалъ, что тамъ уже никого живого не осталось. Но вдругъ съ опушки выбѣжалъ впередъ, въ сторону противника, человѣкъ (повидимому подпрапорщикъ), размахивая надъ головой шашкой, съ навязаннымъ на нее бѣлымъ платкомъ: за нимъ изъ лѣса бѣжала группа людей, поднявъ винтовки, съ платками на штыкахъ.

Германская артиллерія сразу замолкла. Наступила тишина. Сдающіеся бѣглымъ шагомъ уходили въ сторону противника по открытому полю.

Вдругъ, среди наступившей тишины, съ опушки противолежащаго выступа донеслась отчетливая команда:

— Рота! Пли!

— Рота! Пли!

и выдержанные залпы небольшого числа ружей.

Нѣсколко такихъ залповъ и... пытавшихся сдаться не стало. Затѣмъ все смолко, а затѣмъ снова начали грохотать нѣмецкіе разрывы.

Казимірскій послалъ одного изъ бывшихъ у него стрѣлковъ, кругомъ, лѣсомъ, узнать, какая рота стрѣляла и кто изъ офицеровъ командовалъ. Стрѣлокъ вернулся и доложилъ, что тамъ нѣтъ роты, а есть люди разныхъ ротъ. Офицеровъ нѣтъ, а залпами командовалъ ефрейторъ.

Между тѣмъ германскій огонь все усиливался. Съ нашей стороны исчезли всякіе признаки жизни...

Когда, въ сумерки, огонь умолкъ, подполковникъ Казимірскій сталъ обходить ближайшій участокъ опушки, но, кромѣ массы убитыхъ, никого не нашелъ. Тогда онъ рѣшилъ съ адъютантомъ и единственными 4-мя стрѣлками, которые были съ нимъ, итти къ штабу бригады. По дорогѣ, въ лѣсу, они встрѣтили еще 8 стрѣлковъ, которые отходили съ разныхъ мѣстъ опушки (были разныхъ ротъ) и всѣ увѣряли, что тамъ живыхъ не осталось, а офицеровъ уже съ утра не было въ живыхъ ни одного.

---

*) Здѣсь 24 сентября, какъ разсказано выше, вели огонь впустую кавказскія части.

Въ тылу находился еще одинъ, взводъ 12-го полка при обозѣ. И это было все, что осталось отъ полка! Конечно, нѣкоторое число стрѣлковъ могло еще бродить въ лѣсу. Но уцѣлѣвшіе считали (и это ок залось правильнымъ), что значительнаго ухода людей въ тылъ не было. 12-й Финляндскій стр. полкъ пересталъ существовать... Ген. Волкобой самъ опросилъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ людей и картина гибели полка установилась окончательно. Въ числѣ опрошенныхъ не оказалось ни одного человѣка 6-й роты и приходилось считать, что эта рота погибла цѣликомъ.

Я не помню уже теперь подробностей тѣхъ ужасовъ, которые передавали эти немногіе счастливцы о гибели своихъ офицеровъ и своихъ ротъ. Фантазировать же не хочу. Пусть только сухіе, но достовѣрно сохранившіеся въ памяти факты свидѣтельствуютъ объ этомъ страшномъ днѣ финляндскихъ стрѣлковъ.

Но ихъ уже не было, и слѣдовало подумать о тѣхъ, кто еще держался. Конечно, немедленно было донесено въ штабъ корпуса. Телефонъ съ нимъ работалъ исправно.

Командиръ корпуса принялъ какія-то экстренныя мѣры къ скорѣйшему подходу подкрѣпленій. На разсвѣтѣ должны были подойти головныя части 2-й Финл. стр. бригады, а къ полудню — баталіоны полковъ 5-й стрѣлковой бригады (въ мирное время квартировавшей именно въ этихъ мѣстахъ—въ Сувалкахъ).

Пока же этотъ темный лѣсъ къ востоку отъ насъ, полный трагедій сентябрьскихъ боевъ и мертвецовъ и раненыхъ сегодняшняго боя, лежалъ у насъ на флангѣ брошеннымъ и даже ненаблюдаемымъ... Къ тому же получилось свѣдѣніе, что съ одного изъ нашихъ артиллерійскихъ наблюдательныхъ пунктовъ передъ самой темнотою была замѣчена большая пѣхотная колонна, тянувшаяся, примѣрно, отъ Бакаларжева къ брошенному участку лѣса...

Можно было думать, что, вслѣдъ за уходомъ Казимірскаго, опушка лѣса была занята германской пѣхотой. Дальнѣйшее ея углубленіе въ лѣсъ выведетъ ее на флангъ и тылъ нашей бригады, а то такъ и прямо на штабъ корпуса.

Прорывъ фронта Х-й арміи ясно намѣтился.

Ночь прошла спокойно, если не считать рѣзкихъ разговоровъ, которые велъ кап. Колесниковъ съ ген. Волкобоемъ. Не помню теперь, въ чемъ было дѣло, но меня оно удивило только по непривычкѣ къ такого рода отношеніямъ между начальниками. Оказывается, въ штабѣ 3-й бригады нынѣ это было обычно. Ген. Волкобой не соглашался ни съ

чѣмъ, что предлагалъ кап. Колесниковъ, послѣдній настаивалъ, убѣждалъ. Генералъ же раздраженно кричалъ: „это глупость“, „это вздоръ“, „а я вамъ говорю, что я не согласенъ“, „чему васъ только въ академіи учили?“ и т. п. Постепенно и тотъ, и другой повышали голосъ. Наконецъ Колесниковъ заявилъ:

„Тогда я иду на телефонъ и докладываю начальнику штаба корпуса, что вы мѣшаете мнѣ осуществлять распоряженія командира корпуса“.

И дѣйствительно пошелъ на телефонъ. Генералъ поспѣшилъ его вернуть и согласился съ тѣмъ, на чемъ настаивалъ Колесниковъ.

Вскорѣ началось новое столкновеніе. Колесниковъ пошелъ за перегородку и началъ съ кѣмъ-то разговаривать по телефону. Генералъ сейчасъ же, крадучись, направился туда же и сталъ слушать разговоръ. Колесниковъ просилъ его превосходительство не подслушивать.

„Я хочу знать, въ чемъ дѣло“.

— „Вамъ будетъ доложено все важное“.

„Я желаю лично контролировать“.

— Вы не имѣете права, ваше превосходительство!

„Нѣтъ имѣю право“.

— „Нѣтъ, не имѣете. За службу связи отвѣчаю я, а не вы!“.

„Я хочу и буду!“ — сверкая глазами истерически кричалъ разсвирѣпѣвшій Волкобой.

— „Тогда разговаривайте сами, а я донесу, что не отвѣчаю впредь за управленіе бригадой“.

И генералъ сдалъ.

За долгія послѣдующія недѣли я привыкъ къ этому совершенно обычному порядку. Мнѣ даже стало казаться, что генералъ велъ эти невозможные діалоги совершенно намѣренно. Когда онъ натыкался на упорство своего подчиненнаго, то онъ успокаивался, точно только тогда убѣждаясь, что дѣйствія этого подчиненнаго осмысленны, разъ онъ ихъ такъ твердо отстаиваетъ.

. . . .

17-е октября мало чѣмъ отличалось отъ 16-го. Таже канонада, тоже отсутствіе свѣдѣній съ фронта...

Начали прибывать подкрѣпленія. Первыми были — штабъ 2-й Финл. стр. бригады и баталіонъ одного изъ ея полковъ. По приказанію командира корпуса этотъ баталіонъ сейчасъ же былъ двинутъ въ лѣсъ, съ приказаніемъ выяснить, занятъ ли

онъ, и насколько, противникомъ. При баталіонѣ былъ командированъ старшій адъютантъ 2-й бригады, ген. штаба кап. Шишковскій. Насколько помню, баталіонъ этотъ ушелъ въ лѣсъ еще до полудня.

Нѣсколько позже со стороны Сувалокъ подошли два баталіона полковъ 5-й стр. бригады (кажется, 17-го и 18-го стр. полковъ *). Они тоже были направлены въ лѣсъ, съ приказаніемъ занять позицію по его опушкѣ, или лѣсомъ, связавъ фланги 3-й Финл. стр. бригады и 51 пѣх. дивизіи (II Кавказскаго корпуса), т. е. занять бывшій фронтъ 12-го Финл. полка.

Всѣ эти части направлялись въ лѣсъ не черезъ штабъ 3-й бригады, а прямо съ шоссе Сувалки—Рачки, и ген. Волкобою не подчинялись. Мы только узнавали изъ штаба корпуса о ихъ направленіи.

Далѣе, весь день, весь вечеръ и всю ночь ожидались извѣстія отъ Шишковскаго или стрѣлковъ 5-й бригады. Но всѣ они точно сквозь землю провалились. Страшный лѣсъ становился все загадочнѣе и все болѣе угрожающимъ. Безъ числа разъ спрашивали насъ изъ штаба корпуса, нѣтъ ли у насъ извѣстій. Много разъ спрашивали мы штабъ корпуса. Но извѣстій не было... Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, начинали строиться самыя пессимистическія предположенія. Начинали ползти и какіе то слухи...

Настроеніе къ вечеру стало совсѣмъ мрачнымъ. Ген. Волкобой повидимому чувствовалъ себя уже въ плѣну. Позднѣе я, впрочемъ, понялъ, что это была его idée fixe: за всѣ долгіе мѣсяцы службы съ нимъ я никогда не видалъ, что бы онъ спалъ раздѣвшись. И когда мы его объ этомъ спрашивали, онъ говорилъ:

„Не хочу попасть нѣмцамъ въ плѣнъ въ одномъ бѣльѣ".

Должно быть ему, типичному малороссу, представлялась всегда судьба соннаго Хлиба и его казаковъ изъ „Тараса Бульбы" и ихъ позоръ, когда ихъ ляхи вывели на городской валъ безъ верхней одежды...

Когда стемнѣло, пришли свѣдѣнія съ другихъ участковъ бригады. Растворилась дверь и вошелъ молодой, стройный подпоручикъ 9-го полка, а за нимъ стрѣлокъ со знаменемъ въ рукахъ.

Мы вскочили.

Подпоручикъ путанно началъ докладывать генералу, почему онъ съ полковымъ знаменемъ прибылъ въ штабъ, но

*) Можетъ быть это были и полностью 17-й и 18 стр. полки.

среди этого доклада вдругъ сѣлъ передъ генераломъ на полъ и разразился хохотомъ. Хохотъ перешелъ въ рыданія. Стрѣлокъ со знаменемъ доложилъ, что его благородіе не въ себѣ и что фельдфебель имъ сказалъ: гдѣ ужъ вамъ полкомъ командовать, отнесите лучше полковое знамя къ начальнику бригады".

— Какъ полкомъ?

„Такъ точно, они командовали".

— А кто же теперь?

„Не могу знать. Господъ офицеровъ больше не осталось".

И подпоручика поили чаемъ, какъ наканунѣ Меллера. Успокоившись, онъ подтвердилъ разсказъ стрѣлка. Знамя отправили въ „12-й полкъ". Этотъ полкъ, въ расчетѣ одного взвода, былъ теперь „знаменнымъ взводомъ" бригады и бригаднымъ резервомъ.

Вопросъ о томъ, кто командуетъ теперь 9-мъ полкомъ, скоро разъяснился: появился еще стрѣлокъ и подалъ генералу клочокъ бумаги.

„Начальнику 3-й Финляндской стрѣлковой бригады.

РАПОРТЪ.

Сего числа я вступилъ въ командованіе 9-мъ Финляндскимъ стрѣлковымъ полкомъ.

Подпрапорщикъ Фома Лукинъ" *).

Жуткій былъ вечеръ...

Лично мое настроеніе ухудшилось еще благодаря жестокой зубной боли.

Рѣшили лечь спать. Надо выспаться: Богъ знаетъ, что еще предстоитъ штабу среди ночи и въ ближайшіе дни!

Я легъ на солому у входной двери. Солома пахла гнилью, отъ двери тянуло морозомъ. Зубъ неистово болѣлъ. Подложилъ подъ щеку папаху. Часа два мучился. Наконецъ заснулъ тяжелымъ сномъ. И снилось мнѣ, что я сижу въ креслахъ въ Маріинскомъ театрѣ въ Петербургѣ. Какъ уютно и чисто! Голубой бархатъ. Теплый воздухъ дуетъ со сцены.Ароматъ хорошихъ духовъ. Нарядныя дамы въ ложахъ... Поднимается занавѣсъ. Я сразу узнаю, что идетъ: это предпослѣднее дѣйствіе оперы „Сказаніе о градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи". Вотъ онъ — дремучій, страшный лѣсъ. Кучами лежатъ тѣла убитыхъ. Дѣва Февронія идетъ между ними, ищетъ своего жениха. Вотъ и онъ появляется изъ-за деревьевъ, въ

---

*) Или Лука Фоминъ — точно не помню.

княжескомъ одѣяніи. Руки сложены на груди. Вокругъ головы неземное сіяніе. Горло перерѣзано, кровь льется на грудь... Февронія бросается къ нему. Ихъ дуэтъ начинается ея пронзительнымъ крикомъ:

„Ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе!“.

Кто-то наступилъ мнѣ на ногу. Я вскакиваю...

Вмѣсто духовъ — скверно пахнетъ солома. Открыта входная дверь, холодными клубами тумана врывается въ натопленную избу морозный воздухъ. Въ дверяхъ стрѣлокъ, съ донесеніемъ.

Подпрапорщихъ Фома Лукинъ доноситъ, что онъ принялъ рѣшеніе отвести „ввѣренный ему“ полкъ на новую, имъ избранную позицію въ 300 шагахъ отъ старой. Отходъ выполненъ. Полкъ окапывается. Въ полку 350 штыковъ.

Это донесеніе подѣйствовало успокоительно: видно есть еще начальники съ волей и инициативой!

Перекинулись нѣсколькими фразами и снова легли. Было около полуночи. Я скоро опять заснулъ и казалось, что сонъ продолжается. Но меня опять будятъ:

„Васъ къ телефону. Самъ командиръ корпуса!“.

Предо мной телефонистъ со свѣчкой. За окномъ еще абсолютная тьма. Спотыкаясь на спящихъ, иду къ телефону. Въ головѣ все путается: лѣсъ, перерѣзанное горло, командиръ корпуса, германцы, татары...

„Это вы, Борисъ Николаевичъ? Уже 5 утра, а никакого свѣдѣнія ни отъ 17-го и 18-го полковъ, ни отъ Шишковскаго. Что же въ лѣсу? Неужели всѣ эти баталіоны погибли и ни одинъ человѣкъ не вышелъ? Гдѣ германцы? Вы понимаете, что ваша бригада погибла, если они продвинулись лѣсомъ. Мнѣ необходимо знать, что тамъ дѣлается. Что дѣлается хотя бы въ ближайшей къ вамъ части лѣса. Надо ли начинать отходъ? Кромѣ какъ къ вамъ, мнѣ ужъ не къ кому обратиться. Вы офицеръ моего штаба. Прошу васъ немедленно произвести рекогносцировку лѣса. Въ ваше распоряженіе мною уже выслана полусотня моего конвоя. Черезъ полъ-часа она прибудетъ къ дому лѣсника, что въ верстѣ къ востоку отъ вашего штаба. Бога ради спѣшите. Помните, что мнѣ нужны, какъ можно скорѣе свѣдѣнія, хотя бы неполныя, но вѣрныя. Каждая минута дорога. Я понимаю, что посылаю васъ можетъ быть на смерть. Но долженъ. Вопросъ касается всего фронта X арміи“.

Приблизительно такія, взволнованнымъ голосомъ сказанныя командиромъ корпуса слова я услыхалъ.

Вотъ онъ сонъ, мелькнуло у меня въ головѣ и, кажется, я даже инстинктивно схватился за горло — перерѣзанное горло княжича Юрія стало у меня передъ глазами. Ясно, что сегодня буду убитъ! Не даромъ говорятъ, что тѣ, кто будутъ убиты, знаютъ это передъ боемъ. Вотъ и я знаю!

Но раздумывать не приходилось.

Минутъ черезъ десять я галопомъ спѣшилъ къ дому лѣсника, въ сопровожденіи Семенова и 4 казаковъ-оренбуржцевъ изъ конвоя начальника бригады.

Чуть начало свѣтать, когда мы были у этого дома, на опушкѣ лѣса изъ огромныхъ елей. Лѣсная дорожка входила здѣсь въ лѣсъ въ направленіи на сѣв.-востокъ. По картѣ, она выводила какъ разъ въ раіонъ за лѣсомъ (верстахъ въ 4-хъ отъ дома лѣсника), гдѣ предполагался флангъ частей II Кавказскаго корпуса.

Пришлось ждать съ четверть часа. Наконецъ съ юга послышался топотъ: вдоль опушки наметомъ подходила полусотня донцовъ. Во главѣ эсаулъ, командиръ сотни.

Разсмотрѣли вдвоемъ карту. Я разсказалъ ему планъ развѣдки, который мысленно успѣлъ намѣтить.

Въ 6 часовъ двинулись рысью въ лѣсъ по дорогѣ. Впереди и слѣва дозоры.

Минутъ черезъ пять слѣва между деревьями показалась опушка большой поляны. Лѣвый дозоръ дошелъ до нея и сейчасъ же показалъ условнымъ знакомъ:

„Вижу непріятеля“ и „близко“.

Я остановилъ полусотню и съ нѣсколькими казаками приблизился къ опушкѣ. Передъ нами открылась поляна въ 1/2 версты глубиною. Посреди нея видны были четыре человѣка, идущіе на насъ. Съ боковъ шли нѣмцы — ихъ синевато-сѣрыя шинели были ясно видны. Между ними два русскихъ солдата, ведшіе въ поводу лошадей. Что это значитъ? Нѣмцы ведутъ плѣнныхъ, но почему то въ нашу сторону? Я рѣшилъ попробовать ихъ захватить. Но не хотѣлъ терять времени, пока они подойдутъ. Мы просто бросились имъ навстрѣчу, направивъ нѣсколькихъ казаковъ вдоль опушки, отрѣзать имъ путь отхода. Дѣло немедленно разъяснилось. Нѣмцевъ не оказалось. По полянѣ шли два русскихъ молодыхъ офицера 18-го стрѣлковаго полка, въ сѣрыхъ офицерскихъ пальто мирнаго времени. Одинъ изъ нихъ оказался моимъ знакомымъ. За ними два солдата вели лошадей.

По словамъ офицеровъ, ихъ полкъ уже со вчерашняго вечера занималъ позицію по опушкамъ полянъ, въ верстѣ сѣвернѣе этой поляны. Противника не видно и не слышно.

Итакъ, въ западной части лѣса оказывалось все благополучно.

Было 6 ч. 20 м. Послалъ краткое донесеніе въ штабъ 3-й бригады для передачи по телефону командиру корпуса. Одинъ изъ казаковъ-оренбуржцевъ карьеромъ понесся съ нимъ въ штабъ. Вернулся на дорогу, и полусотня двинулась дальше, вглубь лѣса. Прошли версты двѣ. Перекрестокъ. Дорога налѣво ведетъ въ сторону противника. Пошли по ней. Версты черезъ двѣ, въ глубокой лощинѣ, увидѣли мирную картину: группа офицеровъ, стрѣлковъ 2-й бригады, пьетъ чай. Съ ними и кап. Шишковскій. Привѣтствуютъ, зовутъ закусить. Ихъ баталіонъ тутъ же по близости — впереди. До опушки не дошли. О противникѣ свѣдѣній нѣтъ. Почему не доносили? — нѣтъ конныхъ... Вправо и влѣво связи ни съ кѣмъ нѣтъ.

Я рѣшилъ искать ее вправо, въ сторону кавказцевъ.

Послалъ второе донесеніе. Было начало 8-го часа.

Двинулись лѣсомъ, въ этой части рѣдкимъ, на сѣверовостокъ. Прошли еще версты двѣ. Лѣсъ кончается, начинаются перелѣски съ полянами. Сталъ неосмотрительно пересѣкать одну изъ нихъ всею полусотней. Вдругъ надъ кустами слѣва, совсѣмъ близко, вспыхнуло четыре разрыва. Характерный зеленый дымъ бризантныхъ гранатъ. Нельзя терять ни секунды. Разсыпались въ лаву и стали наметомъ уходить на юго-востокъ по полянѣ и мелкимъ кустарникамъ. Артиллерія противника преслѣдовала насъ огнемъ, разрывы подвигались вслѣдъ за нами, но къ счастью не догнали... На пути оказалась подернутая льдомъ рѣчка Щеберка. У нея какіе-то люди взываютъ о помощи. Человѣкъ 5—6 легко раненыхъ, въ томъ числѣ полковникъ. Приказалъ взять ихъ на коней. Затѣмъ, не теряя времени, бросились черезъ рѣчку. Ледъ, конечно, не держитъ. Глубина конямъ по грудь. Прошли благополучно и своевременно: за нами сейчасъ же новыя очереди гранатъ. Но лошадей порѣзали льдомъ: почти у всѣхъ ноги были въ крови. Дальше мы скрылись въ лѣсу.

Послалъ третье донесеніе и снова повернулъ на сѣверовостокъ, но шелъ уже осторожнѣе, складками мѣстности. Лѣсъ кончился.

Около 8 часовъ увидѣлъ влѣво нашу батарею на позиціи, въ лощинкѣ. Укрывъ полусотню, одинъ проѣхалъ на батарею. Оказалась горная, II-го Кавказскаго корпуса. Старшій офицеръ провелъ меня на наблюдательный пунктъ, показалъ впереди себя наши пѣхотныя части, окопавшіеся по холмикамъ—лѣвофланговыя части кавказцевъ. Противника не было

видно, если не считать этого отвратительнаго привязного шара въ Бакаларжевѣ. Вѣроятно, съ него то и корректировалась стрѣльба по моей полусотнѣ. Нанесъ видимое на схемку и послалъ ее вмѣстѣ съ 4-мъ донесеніемъ. Было 8 ч. 30 м.

Задача моя была выполнена. На востокъ виднѣлась деревня, гдѣ, по словамъ артиллеристовъ, былъ штабъ дивизіи (51-й ?). Приказалъ командиру сотни отправить туда постъ летучей почты при офицерѣ-прапорщикѣ, послѣ чего мы двинулись обратно, поставивъ по пути еще три поста на лѣсной дорогѣ.

Въ $9^1/_2$ час. я уже былъ въ штабѣ бригады и, въ дополненіе своихъ донесеній, доложилъ командиру корпуса по телефону подробности своей развѣдки.

Я подробно описалъ здѣсь этогъ случай, чтобы показать, какъ просто и легко было выяснить столь волновавшій насъ вопросъ о томъ, что дѣлается въ лѣсу. Оказалось, что оба полка 5-й стр. бригады, баталіонъ 2-ой Финл. стр. бригады, ген. штаба кап. Шишковскій — всѣ еще наканунѣ выполнили свою задачу и обезпечили лѣсъ, но,.. ничего объ этомъ не доносили или, можетъ быть, и доносили, но не тому, кому это было важно знать. Поразительное, но весьма у насъ обычное пренебреженіе къ дѣлу связи...

Итакъ, никакихъ ужасовъ въ лѣсу не оказалось. А что же мой сонъ? Не стоило бы объ немъ и писать, если бы онъ все же не оказался не совсѣмъ случайнымъ: черезъ два дня мы получили петербургскія газеты и въ нихъ я прочелъ, что вечеромъ 17-го октября въ Маріинскомъ театрѣ, вмѣсто „Фауста“, вслѣдствіе чьей-то болѣзни, была поставлена опера „Сказаніе о градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи“ и что, когда въ послѣднемъ дѣйствіи передъ зрителями показался лѣсъ, заваленнный трупами, и появился окровавленный княжичъ Юрій, то въ залѣ съ нѣкоторыми дамами произошли истерическіе припадки...

День 18-го октября былъ похожъ на два предыдущихъ. Тотъ же артиллерійскій огонь противника и тоже отсутствіе свѣдѣній изъ полковъ. Только грохотъ усилился: прибывало число нашихъ батарей: подошли 5-й стрѣлковый и 2-ой Финляндскій стр. артиллерійскіе дивизіоны. Окончилось 12-ти-часовое командованіе 9-мъ полкомъ подпрапорщика. Лукина: полкъ принялъ доблестный капитанъ 10-го полка Пержхайло (нынѣ генералъ-лейтенантъ). Онъ вполнѣ одобрилъ дѣятельность Лукина. Черезъ мѣсяцъ мы прочли въ приказѣ войскамъ X-ой Арміи о производствѣ Фомы Лукина въ офицеры „за успѣшное командованіе полкомъ“.

Снова наступилъ вечеръ, не принесшій ничего новаго. Мы въ штабѣ бригады недоумѣвали, какъ могъ противникъ упустить возможность занять, послѣ истребленія 12-го полка, лѣсъ и не вытти намъ во флангъ.

Снова улеглись ночевать на вонючей соломѣ.

Вскорѣ, какъ и наканунѣ, открылась дверь и появился какой-то стрѣлокъ.

„Начальникъ бригады здѣся?".

— Я начальникъ бригады, отвѣтилъ Волкобой, приподнимаясь на кровати.

„Такъ какъ же ефто возможно, ваше превосходительство, что пять дёнъ не даете пышшы? Да развѣ же есть возможность такъ терпѣть?" грубымъ голосомъ и безъ всякаго чинопочитанія заявилъ вошедшій.

— „Кто ты такой?".

„Такъ што стрѣлокъ шестой роты".

— „Какого полка?".

„12-го Финляндскаго. Ротный сказываетъ, что больше енъ держать позицію не будетъ, если вы жрать не дадите!".

— „Какой ротный?".

„Да нашъ, шестой роты, штабсъ-капитанъ Ивановъ".

Мы всѣ поднялись. Казалось, что начинаютъ являться мертвецы.

— „Да гдѣ же твоя рота?".

„А гдѣ же ей быть, какъ не на позиціи, тамъ на краю лѣса. Ужъ восемь дёнъ тамъ лежимъ!".

Изъ дальнѣйшаго опроса выяснилось, что когда, еще 12-го октября, вся бригада была оттянута назадъ версты на двѣ, 6-ая рота 12-го полка, находившаяся въ самомъ переднемъ выступѣ лѣса, у д. Заіончково, приказа объ отходѣ не получила и до сихъ поръ обороняетъ свой участокъ. Убиты всѣ младшіе офицеры. Изъ всей роты остается 27 человѣкъ, да ротный командиръ, шт.-кап. Ивановъ, тяжело контуженный въ животъ днищемъ разорвавшагося снаряда. Патроны на исходѣ. Люди пять дней абсолютно ничего не ѣли...

Такъ вотъ отчего германцы не вошли въ лѣсъ!

Черезъ полъ года послѣ описаннаго случая, будучи уже въ Галиціи, я опрашивалъ взятаго въ плѣнъ у г. Болехова германскаго капитана генеральнаго штаба фонъ-Лауэнбурга. Изъ опроса выяснилось, что въ описываемые здѣсь дни онъ начальствовалъ штабомъ германской дивизіи, бывшей у Заіончкова. Я спросилъ его, отчего они тогда не заняли лѣса. Онъ отвѣтилъ, что въ штабѣ было 16-го октября собраніе германскихъ начальниковъ для рѣшенія этого вопроса и во-

зобладало мнѣніе, что съ русской стороны здѣсь военная хитрость: они держатъ выступъ лѣса (шт.-кап. Ивановъ), а ушли съ болѣе дальнихъ частей опушки; стоитъ же только втянуться въ лѣсъ, какъ они съ трехъ сторонъ перейдутъ въ наступленіе въ лѣсу, какъ дѣлали это въ срединѣ сентября.

Какой поучительный примѣръ для военнаго человѣка! Вѣрнѣе, сколько здѣсь поучительныхъ примѣровъ.

Геройское упорство одной роты выполнило роль цѣлаго погибшаго полка. Важна не непрерывность линіи обороны, а прочное удержаніе узловъ сопротивленія. Въ бою ничѣмъ нельзя пренебрегать: если бы твердый въ исполненіи своего долга ефрейторъ (имя же его Ты, Господи, вѣси) не перестрѣлялъ своихъ же малодушныхъ, сдававшихся въ плѣнъ, то противникъ узналъ бы отъ нихъ, въ чемъ дѣло и германское совѣщаніе начальниковъ вынесло бы, вѣроятно, обратное рѣшеніе.

Съ другой стороны, какъ на этомъ примѣрѣ ярко видно значеніе побѣды. Успѣхи и ярко выразившееся въ бояхъ 18—20 сентября превосходство русскаго штыка и черезъ мѣсяцъ вселяли германцамъ ужасъ передъ возможностью лѣсного штыкового боя.

Кстати, картинка изъ сентябрьскихъ боевъ, характеризующая только что упоминавшагося шт.-кап. Иванова, слышанная много позже, ввидѣ разсказа двухъ стрѣлковъ его роты.

Выше мною разсказывалось, что въ лѣсныхъ бояхъ 19-го сентября 2-й баталіонъ 12-го полка разсѣялся, попавъ подъ германскій ударъ. 6-ая рота подверглась общей паникѣ, и ея командиръ остался вдвоемъ съ однимъ изъ своихъ стрѣлковъ. Такъ вдвоемъ и пробирались они въ тылъ лѣсомъ. Вдругъ, выйдя на какую-то полянку, они оказались шагахъ въ 10 передъ шеренгой изъ 5 германцевъ съ винтовками въ рукахъ. Ивановъ не раздумывая, бросился на нихъ, стараясь на ходу выхватить изъ кабуры револьверъ. Но шнуръ запутался и револьверъ невозможно было вытащить. Между тѣмъ нѣмцы также видимо, растерялись и застыли на мѣстѣ. Тогда Ивановъ подошелъ къ нимъ и, ругаясь ударилъ каждаго изъ нихъ дважды по лицу. Они стояли вытянувшись и не сопротивлялись. Ивановъ, закончивъ расправу, повернулся и, не торопясь, ушелъ въ лѣсъ. Нѣмцы такъ и не пришли въ себя и дали Иванову спокойно уйти.

. . . .

За оборону лѣсной опушки у Заіончкова шт.-кап. Ивановъ былъ награждевъ орденомъ Св. Георгія, а 27 уцѣлѣв-

шихъ стрѣлковъ его роты — Георгіевскими крестами. Впредь ген. Волкобой здоровался съ этой ротой словами:

„Здорово, георгіевская рота!

. . . .

19-го октября перевѣсъ въ бою перешелъ съ несомнѣнностью на нашу сторону. Не помню теперь, какія именно артиллерійскія части развернулись на участкѣ нашей бригады, кромѣ ея основного и двухъ вышеуказанныхъ дивизіоновъ. Но помню, что всего на фронтѣ въ 2—2½ версты развернулось 22 батареи.

Странно было видѣть отъ нашего штаба всю эту массу артиллеріи, расположившуюся на позиціяхъ въ три линіи.

Около полудня въ дѣло вступили послѣднія батареи. Среди нихъ была 8-ми-дюймовая крѣпостная батарея съ установками на деревяныхъ платформахъ. Она была доставлена изъ крѣпости Кронштадтъ и установлена у шосе Сувалки—Рачки.

Ея шрапнели стали разрываться у самаго привязного аэростата у Бакаларжева, и аэростатъ этотъ, къ великому нашему торжеству, немедленно сталъ опускаться и болѣе не появился. Зато нѣсколько германскихъ аэроплановъ тотчасъ же появились надъ шоссе и усиленно здѣсь что-то искали, но видимо не нашли; батарея была отлично маскирована.

За день 19-го въ наши тылы подтянулось и много пѣхоты: полки 2-ой Финляндской, 5-ой стрѣлковой бригадъ и 84-ой пѣх. дивизіи...

Опасность прорыва отпала...

20-е октября прошло уже совсѣмъ хорошо: артиллерія противника вовсе молчала. Только попытки нашей развѣдки немедленно отражались ружейнымъ огнемъ. Десятидневное сраженіе, видимо, кончалось въ ничью...

Утромъ 21-го въ штабѣ бригады были получены неожиданныя извѣстія: на фронтѣ 9-го полка противникъ какъ будто-бы отсутствовалъ. Черезъ часъ это извѣстіе подтвердилось: окопы противника были брошены, подъ лѣсомъ около когда-то мнѣ знакомой дер. Рабалинъ, теперь снесенней до послѣдняго бревна, было обнаружено много брошеннаго нѣмцами имущества, въ томъ числѣ даже нѣсколько десятковъ винтовокъ, составленныхъ въ козлы. Послѣ пережитыхъ дней просто трудно было повѣрить этому счастью!

Около 11 часовъ мы съ Колесниковымъ, взявъ конвой начальника бригады, выѣхали на личную развѣдку. Доѣхавъ до линіи нашего фронта и убѣдившись, что противникъ дѣй-

ствительно отсутствуетъ, мы раздѣлились. Я съ Семеновымъ и, нѣсколькими казаками направился на сѣверъ, западнѣе д. Заіончково, черезъ опустошенную и на половину выжженную Каменку, на большую дорогу Сувалки — Бакаларжево. Вездѣ было пусто. Ни человѣка, ни животнаго. Разстояніе верстъ въ 6 мы прошли въ полъ-часа. Повернулъ на Бакаларжево по дорогѣ. Вскорѣ въ низинѣ на этой дорогѣ, мы нагнали около 200 казаковъ, помнится семирѣченцевъ. Это была развѣдка II Кавказскаго корпуса. Я обогналъ ихъ. Вскорѣ, когда мы рысью проходили черезъ небольшой хребтикъ, ко мнѣ подскакалъ одинъ изъ моихъ казаковъ и доложилъ, что что-то „свиститъ". Тогда только я замѣтилъ, что дѣйствительно надъ головой изрѣдка посвистываетъ, т. е. по насъ ведется ружейный огонь. Я перешелъ въ галопъ и скоро мы благополучно скрылись въ лощинѣ. Проскакавъ еще съ полъ-версты, мы скрытно подошли къ маленькому, одиноко стоявшему домику, безъ дверей и оконъ. Спѣшились. Я вошелъ въ домикъ, чтобы изъ его оконъ разглядѣть скатъ къ Бакаларжеву и виднѣвшійся шагахъ въ 800 противоложный берегъ Распуды. Но едва я подошелъ къ окну, какъ около самой моей головы въ косякъ окна впилась пуля. Разсмотрѣть точно ничего нельзя было: впереди, у Распуды, какія то кучи, не то земли, не то сѣна. Изъ-за нихъ то, повидимому, и велся по насъ огонь. Мы стали отвѣчать изъ пяти винтовокъ, и противникъ замолкъ. Пошли дальше, прикрываясь холмами. Вскорѣ дошли до кладбища на окраинѣ Бакаларжева, въ самой долинѣ Распуды. Семирѣченцы были уже здѣсь. Впереди шла рѣдкая ружейная перестрѣлка.

Я рѣшилъ возвращаться назадъ вдоль берега Распуды, черезъ Малиновку и Рабалинъ.

Мѣстности у Малиновки я не узналъ. Деревни, повидимому, не существовало, она исчезла также какъ и Рабалинъ. На холмахъ, гдѣ она была прежде и гдѣ я, мѣсяцъ назадъ, спасалъ захваченную нами батарею, теперь были нарыты безконечные окопы и была масса проволочныхъ загражденій. Здѣсь насъ вторично обстрѣляли изъ-за Распуды.

Спускаясь съ этихъ холмовъ, я увидѣлъ раздѣланную къ берегу Распуды дорогу и два новыхъ, построенныхъ германцами моста черезъ нее — пѣшеходный и для повозокъ. Мы перешли по этимъ мостамъ и западнымъ берегомъ двинулись къ дв. Мазуры. Этотъ дворъ и холмы около него уже оказались занятыми нашей пѣхотой: здѣсь была застава 84-й пѣх. дивизіи, выдвинутая съ участка 3-й Финл. стр. бригады. Мы шли со стороны противника и потому были

остановлены. Вышелъ начальникъ заставы, взводный унтеръ-офицеръ, и, конечно, пропустилъ насъ. Но въ разговорѣ съ нимъ мнѣ пришлось, среди радостнаго настроенія этого дня, получить первое рѣзкое впечатлѣніе неблагополучія въ нашихъ настроеніяхъ. Солдатъ этотъ мнѣ заявилъ нагло-радостнымъ тономъ и съ развязными манерами:

„Здѣсь сейчасъ и граница. Значитъ — конецъ войнѣ! Выгнали германца и довольно!".

Въ этихъ словахъ несомнѣнно звучала пораженческая пропаганда. Въ 1917 году это расцвѣло въ лозунгъ: „Миръ безъ аннексій и контрибуцій".

. . . .

Въ штабъ бригады я вернулся около 3 часовъ дня. Мое свѣдѣніе о мостахъ на Распудѣ пригодилось — туда была направлена одна изъ колоннъ корпуса, двигавшаяся для преслѣдованія противника. Наша бригада ночевала на мѣстѣ. Но мнѣ не пришлось отдохнуть послѣ 30-верстнаго пути. Когда стемнѣло, мнѣ было приказано изъ штаба корпуса немедленно выѣхать въ какую-то приграничную деревню за Распудой и исполнять обязанности начальника штаба сборнаго отряда изъ баталіоновъ различныхъ полковъ. Совершивъ снова 15-верстный переходъ, въ полной темнотѣ и по совершенно незнакомой мѣстности, я съ Семеновымъ, въ полночь, попалъ въ эту деревню, нашелъ командира полка, въ распоряженіе котораго поступалъ, и цѣлую ночь писалъ какія-то распоряженія и донесенія. Въ памяти моей не сохранилось ни именъ, ни сути этой работы.

Утромъ 22-го октября полученъ былъ новый приказъ. Нашъ сборный отрядъ расформировывался. Весь корпусъ переходилъ границу. Я простился со своимъ временнымъ начальникомъ и отправился разыскивать на маршѣ штабъ 3-й бригады. Въ сущности я могъ бы и не отправляться туда, а вернуться въ штабъ корпуса, но этого мнѣ крайне не хотѣлось и я рѣшилъ держаться при ген. Волкобоѣ до категорическаго приказанія вернуться „къ штатному мѣсту службы".

Только подъ вечеръ нашелъ я около Рачекъ колонну 3-ей бригады. Она шла по шоссе Рачки—Маркграбово. Полки были сведены въ роты и вся бригада представляла изъ себя баталіонъ. Штабъ шелъ въ колоннѣ. Я къ нему примкнулъ.

Около 11 часовъ вечера, въ туманную холодную ночь, мы переходили снова государственную границу. Думали и говорили о будущемъ. Что значитъ этотъ нѣмецкій отходъ? Не есть-ли это поворотъ военнаго счастья? Вспоминали, что

отходъ германцевъ начался вчера, въ 20-ю годовщину вступленія на престолъ Государя: не примѣта ли это?

Намъ казалось, что мы одержали побѣду, крупную побѣду...

Мы и не подозрѣвали, что дѣло заключалось въ томъ что ген. Гинденбургъ сокращаетъ свой фронтъ, чтобы все' что можно, сосредоточить къ Торну; что слѣдствіемъ этого' отхода германцевъ вскорѣ послѣдуетъ ударъ въ Лодзь...

Въ полночь мы заночевали въ совершенно опустошенной германской деревнѣ Гроссъ—Цимохенъ.

X. ВЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ СТРАНѢ.

Первыя впечатлѣнія. Маркграбовскій погромъ. Отдыхъ. Маршъ къ Мазурскимъ озерамъ. Современные вандалы. Бои подъ Ангербургомъ. Штабъ въ дни боевъ. Запертый генералъ. Начало позиціонной войны. Русскій сахаръ и германская школа. Пріятное пробужденіе. Оставшіеся жители. Ген. Волкобой не уступилъ.

23 октября, съ утра, 3-я Финл. стр. бригада продолжала движеніе вглубь Германіи. Противника не было. Жителей также не было. Отдѣльные дома и цѣлыя селенія стояли пустыми. Жители ушли со своими войсками, видимо совершенно на-спѣхъ, бросивъ все свое имущество.

На какомъ-то перекресткѣ дорогъ колонна проходила мимо одиноко стоящаго дома. Я замѣтилъ, что два стрѣлка вышли изъ колонны и зашли въ домъ. Я слѣзъ съ лошади и тоже зашелъ въ него, предполагая, что увижу картину грабежа. Домъ былъ брошенъ жителями. Его двѣ-три комнаты были прилично обставлены. Мягкая мебель, стѣнные приличные часы, занавѣски, картины, даже піанино. Въ тоже время ясно было, что хозяева простые люди, но зажиточные, какъ большинство нѣмецкихъ крестьянъ. Наши стрѣлки стояли среди комнаты, видимо удивленные.

„Ваше высокоблагородіе, обратился одинъ изъ нихъ ко мнѣ, кто жилъ въ этомъ домѣ? Нѣмецкій баринъ?".

— Не думаю, вѣроятно обыкновенный крестьянинъ.

„Какъ же у мужика, да этакія вещи?".

— Германскіе крестьяне, братцы, живутъ богато. Это домъ простого человѣка.

Стрѣлки были, видимо, поражены. Они глядѣли другъ на друга и лица ихъ постепенно принимали озлобленное выраженіе. Вдругъ они повернули свои винтовки прикладами

вверхъ и, крича ругательства по адресу „проклятыхъ нѣмцевъ“, стали ударами прикладовъ сокрушать все, что было возможно: часы, посуду, картины...

Я прекратилъ эту безобразную сцену, выгнавъ стрѣлковъ изъ дома. Когда я въ дальнѣйшемъ пути и въ слѣдующіе дни видѣлъ повсюду разгромленные, именно разгромленные, а не ограбленные, нѣмецкіе дома, то я понялъ, въ чемъ дѣло: нашъ некультурный простолюдинъ, выросшій въ нищетѣ, не могъ подавить въ себѣ раздраженія и животной ненависти при видѣ богатства врага. Онъ привыкъ, что богато живетъ „баринъ“. Этого, своего, русскаго барина онъ тоже не ахти какъ любилъ; но увидѣть богатое жилище простого мужика, да еще того „нѣмца“, изъ-за котораго ему пришлось итти на войну, — это вызывало въ немъ прямотаки чувство бѣшенства.

Не это-ли темное чувство темнаго бѣдняка использовали позже большевики? Не имъ-ли держится и все ихъ зданіе?

Мы шли черезъ Величкенъ, а затѣмъ получили приказъ овладѣть узломъ шоссе у Клейнъ—Олецко. Другія колонны направлялись къ Маркграбову, болѣе сѣверными дорогами.

Къ Клейнъ-Олецко мы подошли уже къ вечеру. Нашъ авангардъ завязалъ здѣсь, впереди, съ кѣмъ-то перестрѣлку. Слышался и артиллерійскій огонь. Уже не помню теперь, чья артиллерія стрѣляла.

Деревня Клейнъ-Олецко вытянута вдоль шоссе, перпендикулярнаго пути нашего движенія, за озеромъ и рѣчкой. Въ ней еще гремѣлъ бой, когда штабъ бригады вошелъ въ ея небольшую восточную часть, на восточномъ берегу рѣчки. Мы остановились передъ однимъ изъ ближайшихъ домовъ. Ген. Волкобой приказалъ казакамъ конвоя осмотрѣть домъ. Скоро казакъ Ивановъ, фамилію котораго мнѣ не разъ придется упоминать, доложилъ, что въ одной изъ комнатъ дома полнымъ-полно нѣмцевъ-жителей и, что всѣ они плачутъ. Ген. Волкобой приказалъ объявить имъ, что бы они всѣ сейчасъ же уходили въ Величкенъ. Я съ двумя казаками вошелъ въ комнату. Тамъ оказалось человѣкъ 20 нѣмецкихъ крестьянъ, большею частью пожилыхъ мущинъ. Но были и женщины. Эти старики дѣйствительно плакали. Увидя же насъ, они стали громко стонать. Большинство дрожало. Ясно, было, что они ожидаютъ, что будутъ нами убиты. Я объявилъ имъ по-нѣмецки приказъ генерала и они тотчасъ, но съ большимъ страхомъ стали выходить изъ дома и двигаться толпой по дорогѣ на Величкенъ. Двѣ женщины съ ребенкомъ

на рукахъ обратились ко мнѣ съ просьбой оставить ихъ — онѣ хозяйки дома, а ребенокъ боленъ. Я доложилъ генералу, еще сидѣвшему на конѣ впереди своего штаба.

— „Гоните всѣхъ вонъ", закричалъ онъ, „я не могу ихъ видѣть, они мнѣ противны!".

— „Alle weg, nach Wielitschken!" *) сказалъ я, и женщины, рыдая, поплелись за остальными нѣмцами. Я приказалъ Иванову приглядѣть, чтобы онѣ дѣйствительно ушли.

Начинало темнѣть, шелъ снѣгъ, было градусовъ пять мороза. Черезъ минуту Ивановъ вернулся и началъ мнѣ горячо доказывать, что этихъ двухъ женщинъ надо оставить: „У нихъ дитё больное, совсѣмъ кипяткомъ обварено".

Я пошелъ посмотрѣть. Женщины еще стояли на дорогѣ. Ребенокъ былъ завернутъ въ большой платокъ. Они его развернули тутъ же на морозѣ, подъ снѣгомъ. Оказалась совершенно нагая дѣвочка, лѣтъ шести. Одна ея нога и бокъ были покрыты кровавымъ струпомъ. Онѣ объяснили, что наканунѣ ребенокъ опрокинулъ на себя кастрюлю съ кипяткомъ. Видъ былъ слишкомъ страшнымъ и отправка ихъ почти ночью, въ морозъ, за 5—6 километровъ, казалась безчеловѣчной.

Я опять доложилъ Волкобою. Онъ уже былъ въ домѣ. Сначала и слышать не хотѣлъ. Но офицеры штаба стали говорить, что лучше, если хозяйки будутъ въ домѣ: и чаю сварятъ, и ужинъ приготовятъ... Наконецъ генералъ смиловался:

„Пусть вернутся, но чтобы я ихъ не видѣлъ".

Женщины были водворены въ одной изъ комнатъ, и, нечего и говоритѣ, что и чай, и ужинъ были приготовлены, и постель генералу послана со всѣми положенными перинами... А бывшій съ нами старшій врачъ бригаднаго лазарета оказалъ ребенку медицинскую помощь и даже прописалъ какой-то рецептъ въ аптеку въ Маркграбовѣ, пока еще занятомъ непріятелемъ.

Послѣ недѣли ночевокъ на соломѣ и безъ соломы, эта остановка въ чистомъ и тепломъ домѣ была очень пріятна.

Ночью было получено приказаніе: Маркграбово занято въ два часа ночи однимъ изъ второочередныхъ полковъ, который въ 6 часовъ выступитъ далѣе на западъ. Нашей бригадѣ съ утра перейти въ Маркграбово и тамъ остаться на нѣсколько дней для укомплектованія. Сообщалось также, что,

---

*) „Всѣ вонъ, въ Величкенъ!".

по свѣдѣніямъ отъ какихъ то плѣнныхъ, мосты на шоссе Клейнъ-Олецко—Маркграбово минированы.

На разсвѣтѣ 24 октября мы выступили на сѣверъ. Предстояло пройти около 10 километровъ. Впереди шла партія саперъ для уничтоженія фугасовъ, если бы таковые дѣйствительно имѣлись. Затѣмъ головная застава. При ней офицеръ, назначенный Волкобоемъ комендантомъ Маркграбова, и я (въ качествѣ переводчика). Намъ было приказано объявить городскому головѣ, что онъ и городское управленіе отвѣчаютъ за лойальность поведенія населенія города.

Было морозное утро. Сначала шелъ по сторонамъ шоссе лѣсъ. Здѣсь на обочинѣ шоссе я увидѣлъ ту могилу стрѣлковъ 15-го полка, о которой упоминалъ выше. Затѣмъ открылись красивые виды на западъ и, въ особенности, на востокъ, на озера. Вотъ наконецъ и маленькій, чистенькій городокъ Маркграбово. Мы смѣялись, сравнивая себя съ Наполеономъ, который ждалъ депутаціи бояръ „съ ключами стараго Кремля“: и мы ожидали увидѣть бургомистра съ завѣреніями лойальности. Но насъ, дѣйствительно, ждала судьба Наполеона: городъ, какъ нѣкогда Москва, оказался брошеннымъ жителями и, сверхъ того, совершенно разгромленнымъ.

Трудно себѣ вообразить, чтобы было возможно за четыре часа, да еще ночныхъ, такъ разгромить цѣлый городъ. Большинство оконъ было разбито, двери выломаны или сорваны съ петель, внутри домовъ все, что можно, разломано, разбито, исковеркано. На улицахъ всевозможные предметы, выброшенные, опять же, не ради грабежа, а ради ихъ порчи и разрушенія...

Второочередной полкъ, вошедшій сюда ночью и до разсвѣта ушедшій, очевидно весь свой ночной отдыхъ употребилъ на стихійный погромъ. Надо было совершенно осатанѣть тысячной толпѣ, чтобы произвести то, что было сдѣлано въ городѣ!

Такъ какъ мои функціи переводчика сами собою отпали, ибо нигдѣ не было видно ни одного жителя*), то я занялся подыскиваніемъ квартиры для штаба. Ходилъ я, сначала одинъ, затѣмъ съ самимъ подъѣхавшимъ ген. Волкобоемъ, изъ квартиры въ квартиру, изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу, вѣроятно, часа полтора и не могъ найти ни одной неразгромленной квартиры... Во многихъ домахъ мы видѣли забытыхъ въ клѣткахъ попугаевъ, канареекъ, находили во

*) Во всемъ городѣ были обнаружены, и то на другой день, двѣ женщины, забившіяся гдѣ-то въ подвалъ.

множествѣ брошенныхъ собакъ и кошекъ; видѣли по тому, что еще уцѣлѣло, что жители бросили свои очаги внезапно: оставлены цѣнныя вещи, на столахъ кое гдѣ недоѣденный обѣдъ, въ кухняхъ полныя кастрюли на плитѣ... Но окна побиты, мебель поломана, всякія фарфоровыя и другія мелочи сокрушены ударами прикладовъ...

Осматривая одну такую квартиру, мы съ генераломъ услышали шорохъ въ дальней комнатѣ. Волкобой пошелъ туда. Черезъ минуту я услыхалъ его визгливый крикъ и удары. Бросился ему на помощь и засталъ глупѣйшую сцену: комната — кладовая; посерединѣ разсвирѣпѣвшій генералъ съ обломаннымъ стэкомъ въ рукѣ; передъ нимъ два солдата, отставшіе отъ ночныхъ погромщиковъ, но въ какомъ видѣ! Передъ ними на столѣ рядъ огромныхъ банокъ со всевозможнымъ вареньемъ, а у нихъ самихъ руки, лица, шинели — сплошь въ черносмородинномъ и иномъ вареньѣ. Очевидно они выгребали руками варенье изъ банокъ и пожирали его изъ пригоршней...

„Разстрѣляю! Мерзавцы, животныя!..“ визжалъ генералъ. Онъ потерялъ всякое душевное равновѣсіе. И дѣйствительно, видѣть русскихъ воиновъ въ такомъ видѣ и въ этой обстановкѣ дикаго погрома было непереносимо человѣку, выросшему въ понятіяхъ „народной гордости“...

Потомъ мы узнали, что посланный съ небольшой командой, отъ штаба корпуса еще ночью корпусный комендантъ, въ утреннія часы, борясь съ этимъ погромомъ, лишился голоса отъ крика и, ко времени нашего прихода, совершенно физически обезсилѣлъ.

. . . .

Здѣсь умѣстно будетъ сказать пару словъ о тѣхъ двухъ второочередныхъ полкахъ (303-мъ и 333-мъ). которые въ эти дни и позже были приданы XXII-му арм. корпусу. Укомплектованные почти на 100% запасными старшихъ сроковъ, эти преемники манджурскихъ „бородачей“ не блистали боевыми качествами и приводили въ отчаяніе командованіе и сосѣдей, Послѣ Маркграбовскаго погрома, когда внутренній порядокъ и дисциплина одного изъ нихъ (не помню, котораго) дали такую изумительную картину развала, у финляндскихъ стрѣлковъ стало ходить много шутокъ, полуприличныхъ и вовсе неприличныхъ, по адресу этихъ несчастныхъ полковъ. Напримѣръ, считая 333 половиною апокалипсическаго „звѣринаго“ числа 666, полкъ сталъ у насъ называться „полузвѣринымъ“. А 303 трактовался, какъ половина названія нашумѣвшаго лекарства „606“.

Одинъ изъ двухъ полковъ все же въ боевомъ отношеніи былъ лучше другого.

Здѣсь я впервые на дѣлѣ увидѣлъ, насколько способъ формированія вліяетъ на боевыя качества части. Полки 2-ой очереди у насъ въ мирное время не существовали. Первоочередные полки при мобилизаціи выдѣляли изъ себя для этихъ полковъ лишь старшій командный составъ (баталіонныхъ и ротныхъ командировъ) и унтеръ-офицеровъ. Младшіе же офицеры и весь рядовой составъ призывался изъ запаса. Иначе говоря, это была форменная милиція и при томъ старшихъ возрастныхъ сроковъ. Кромѣ того, боюсь утверждать, но, учитывая русскій характеръ и укоренившіеся обычаи, думаю, что и командный составъ отбирался, вопреки всѣмъ указаніямъ, по принципу: „на тебѣ, небоже, что намъ не гоже"...

Наконецъ въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ мы нашли неразгромленную квартиру. На дверяхъ одноэтажнаго особняка мѣломъ было написано по-русски: „врачи такого то полка". Вотъ ихъ то присутствіе и сохранило, повидимому, домъ отъ разгрома. Домъ принадлежалъ какому то пивовару. Онъ былъ прекрасно обставленъ и удивилъ насъ разными надписями внутри на стѣнахъ. Такъ въ прихожей мы прочли: „Вошедшій сюда, поблагодари Господа, давшаго такое жилище его владѣльцу". Въ одной изъ комнатъ: „Благодарю Господа за счастье, данное намъ въ этомъ домѣ". Въ гостиной весь полъ былъ покрытъ сплошнымъ голубымъ ковромъ, изображавшимъ небо, облака и летающихъ ласточекъ. Въ столовой на накрытомъ столѣ оставался недоѣденный обѣдъ, а на красивыхъ полочкахъ — многочисленные серебряные и золоченые кубки. Въ шкафахъ въ прекрасно обставленной спальнѣ — платья и отличное бѣлье. Во дворѣ стояло въ стойлахъ, на цѣпяхъ, нѣсколько породистыхъ коровъ...

Въ этомъ домѣ мы прожили три дня. Конечно, мы не сочли грѣхомъ попользоваться за эти дни постельнымъ бѣльемъ и посудой хозяевъ. Но къ чести штаба надо сказать, что мы ничего ее „смаркграбили" въ Маркграбовѣ. Только коровъ реквизировалъ бригадный интендантъ. Съ самаго выступленія изъ Финляндіи, т. е. болѣе двухъ мѣсяцевъ, никто изъ насъ ни минуты не провелъ въ культурной обстановкѣ. Если впослѣдствіи мы и привыкли къ цыганской жизни, то тогда, въ началѣ войны, это казалось чрезвычайно тяжелымъ.

Поэтому, отдыхая и душой, и тѣломъ въ этомъ домѣ, мы вполнѣ исполнили желаніе его хозяина — отъ души бла-

годарили Творца, давшаго это чудное жилище неизвѣстному намъ пивовару.

Въ послѣдній вечеръ, наканунѣ выступленія къ фронту, весь штабъ долго и уютно сидѣлъ за столомъ въ солидной столовой, пилъ здоровье отсутствующихъ хозяевъ, хвалилъ ихъ религіозность, искренне ихъ жалѣлъ и, наконецъ, порѣшилъ спрятать цѣнные кубки такъ, чтобы ихъ кто-нибудь не взялъ послѣ насъ. Мы ихъ всѣ сложили въ этой же комнатѣ на печь, а на двери написали по-нѣмецки, что русскіе финляндскіе стрѣлки подъ начальствомъ генерала „von Wolfschlachter'a" (такъ перевели мы „Волкобой") провели здѣсь нѣсколько очень пріятныхъ дней, благодарятъ Бога и хозяина, ушли отсюда, оставивъ все цѣлымъ и нетронутымъ и просятъ хозяевъ посмотрѣть на печку.

28-го октября съ утра полки бригады, укомплектованные подошедшими пополненіями и довольно значительнымъ числомъ вернувшихся въ строй послѣ раненій и болѣзней офицеровъ, выступили по шоссе на западъ, въ направленіи къ Лётцену. Послѣ полудня выступилъ и штабъ, на этотъ разъ въ двухъ штабныхъ автомобиляхъ. Къ темнотѣ мы нагнали нашу колонну и расположились ночевать въ отдѣльномъ домѣ около Дунейкена. Къ этому времени фронтъ нашей арміи былъ выдвинутъ западнѣе Зольтманенъ, Поздно вечеромъ мы получили приказаніе связаться съ начальникомъ одной изъ нашихъ колоннъ, находившимся въ Сивенъ, и поддержать его, если потребуется. Колесниковъ предложилъ мнѣ проѣхать въ Сивенъ автомобилемъ и, хотя ген. Волкобой, почему то протестовалъ, я все таки сейчасъ же выѣхалъ.

Прямого шоссейнаго пути въ Сивенъ не было. Я рѣшилъ проѣхать прямо впередъ по шоссе, вдоль южнаго берега Габликскаго и Зольтманенскаго озеръ, а затѣмъ, западнѣе нихъ, повернуть по перпендикулярному шоссе на сѣверъ, и выѣхать къ Сивенъ съ запада. Шоссе оказалось сильно разбитымъ, грязь на немъ подмерзла и путь — очень тяжелъ. Съ трудомъ добрался я черезъ Гроссъ-Габликъ до Зольтманена, а здѣсь отъ какихъ то русскихъ офицеровъ узналъ, что фронтъ идетъ какъ разъ по шоссе, по которому я думалъ обогнуть озера съ запада, что на немъ перестрѣлка и потому мнѣ едва ли удастся проѣхать. Тогда я повернулъ назадъ и попытался проѣхать къ Сивенъ по грунтовой дорогѣ, по восточному берегу Зольтманенскаго озера. Дорога шла камышами у самой воды, была очень вязка и мы, пройдя нѣкоторое разстояніе, застряли въ болотѣ. Было уже за полночь, По картѣ, до селенія, гдѣ находился нужный мнѣ штабъ,

оставалось 4 километра. Пройти пѣшкомъ по болотистой дорогѣ, въ темнотѣ, въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ было мало-пріятно, да я и не былъ увѣренъ, что мнѣ удастся найти нужную деревню. Все же я хотѣлъ попытаться это сдѣлать, но шофферъ, стрѣлокъ Николаевъ, уговорилъ меня поручить это дѣло ему. Я написалъ соотвѣтствующую записку и Николаевъ ушелъ съ нею впередъ, а я остался сторожить автомобиль. Было отвратительно холодно и сыро... Николаевъ вернулся къ разсвѣту, выполнивъ порученіе и принеся отвѣтъ изъ штаба колонны.

Долго возились мы еще съ нимъ, вытаскивая изъ трясины нашу машину, и потому стало уже совсѣмъ свѣтло, когда мы вернулись въ штабъ бригады у Дунейкена. Подъѣзжая къ штабу, я увидѣлъ ген. Волкобоя, ходящаго по дорогѣ у занятаго штабомъ дома. Онъ издали дѣлалъ мнѣ привѣтственные знаки, но, когда я вышелъ изъ автомобиля, онъ сталъ меня разносить за опозданіе и за то, что изъ-за меня не спалъ ночь... Офицеры объяснили мнѣ, что генералъ дѣйствительно не спалъ, а всю ночь, поджидая меня, выходилъ на дорогу, ужасно волновался, ругалъ Колесникова за то, что онъ послалъ „на опасное дѣло" офицера генеральнаго штаба, увѣряль, что я очевидно убитъ и т. д.

Впослѣдствіи мы и къ этому привыкли: кто бы ни уѣзжалъ изъ штаба въ сторону противника, генералъ не находилъ себѣ мѣста, страдая за своего подчиненнаго и представляя себѣ всякіе ужасы, которые съ нимъ могли или могутъ случиться. Едва ли бы любящая мать болѣе волновалась за своего сына...

Въ этотъ день, 29 октября, части на фронтѣ продолжали наступать къ Мазурскимъ озерамъ. Наша бригада продолжала оставаться въ резервѣ и передвигалась въ раіонъ моихъ ночныхъ странствій. Штабъ заночевалъ въ дер. Гроссъ-Габликъ, также брошенной жителями, какъ и всѣ остальныя селенія. Клейнъ-Олецко въ этомъ отношеніи было исключеніемъ. Изъ этого ночлега и дневки 30-го октября мнѣ запомнился лишь одинъ смѣшной случай. Штабъ ужиналъ, когда въ комнату вошелъ упоминавшійся мною казакъ Ивановъ съ другимъ казакомъ. У обоихъ возбужденныя и радостныя лица. Ивановъ держалъ что то большое подъ шинелью въ-накидку.

„Ваше превосходительство! Дозвольте съ вами говорить въ тайности".

— По какому дѣлу?

„Мы съ нимъ, ваше превосходительство, германское знамя забрали".

— Гдѣ же оно?

Казаки нѣкоторое время мялись, но потомъ объяснили, что нашли знамя на чердакѣ дома, гдѣ они остановились и, что оно у нихъ подъ полой. Древко де разборное — нѣмецкая штука.

И передъ нашими глазами появился кожанный чехолъ, а въ немъ дѣйствительно большое бархатное, богато вышитое золотомъ, знамя и свинчивающееся изъ двухъ кусковъ древко. Однако вмѣсто священныхъ изображенiй или императорскихъ вензелей на знамени были вышиты какiя то ремесленныя эмблемы, а огромная надпись гласила, что знамя это — даръ союзу Габликскихъ ремесленниковъ „von unseren Damen“.

Оказалось невозможнымъ убѣдить казаковъ, что это не военное знамя, и что, за его захватъ не только георгiевскаго креста, но даже и простой благодарности не полагается. Они остались въ убѣжденiи, что офицеры хотять себѣ выходить „Георгiя“ на этомъ знамени. Пришлось „знамя“ оставить имъ, и все-таки они ушли обиженными...

31-го октября бригада переходила на сѣверъ, въ раiонъ Якуновкенъ, въ полосу своего XXII арм. корпуса, двигавшагося въ общемъ направленiи на Ангербургъ. Путь нашъ сначала шелъ по шоссе. Это разстоянiе штабъ прошелъ въ автомобиляхъ. Погода испортилась, шелъ дождь, подъ вечеръ перешедшiй въ снѣжную вьюгу.

На срединѣ перехода путь переходилъ на проселокъ. Автомобили приходилось оставить. Сдѣлали привалъ. Пили чай. Оказалось необходимымъ отдать рядъ распоряженiй тыловымъ учрежденiямъ бригады, остававщимся позади. Колесниковъ просилъ меня съѣздить назадъ въ Маркграбово и переговорить тамъ по ряду вопросовъ съ бригаднымъ интендантомъ. Я долженъ былъ сразу же вернуться къ мѣсту привала, гдѣ мнѣ будутъ оставлены мои лошади и конвой.

Мы съ Николаевымъ немедленно выѣхали. Часа черезъ два я снова былъ въ Маркграбовѣ, переговорилъ, съ кѣмъ было нужно, и, хотя и спѣшилъ возвращенiемъ, но все же заѣхалъ на „нашу“ квартиру, какъ меня о томъ просили офицеры штаба при моемъ отъѣздѣ. Визитъ былъ не изъ радостныхъ. Входная дверь была взломана и висѣла вкось, на одной петлѣ. Въ квартирѣ разгромъ. Въ чудной гостинной стѣнные часы расколоты на двое; бывшимъ тамъ терракотовымъ статуэткамъ отрублены головы. Но самое безобразное — на поэтичномъ голубомъ коврѣ съ ласточками пять

погромщиковъ творившихъ это безобразіе, оставили свидѣтельство своего абсолютнаго хамства...

Было бы слишкомъ тяжело для національнаго самолюбія предавать этотъ фактъ гласности, если бы въ памяти не сохранилось и другого воспоминанія: во время своего сентябрьскаго пребыванія въ Сувалкахъ, германцы пользовались, какъ отхожимъ мѣстомъ, нашей красивой военной церковью...

Очевидно, психологія человѣческая черезъ вѣка мало измѣнилась: вандалы въ Римѣ въ V вѣкѣ, нѣмцы въ Сувалкахъ и наши „полузвѣриные“ въ Маркграбовѣ — всѣ стоили одни другихъ.

Вспомнился мнѣ тогда слышанный еще въ дѣтствѣ разсказъ одного культурнѣйшаго профессора, который нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Англіи, изумляясь чистотѣ и комфорту англійской жизни. Когда онъ уѣзжалъ на родину, то, покидая свою идеально чистую комнату, онъ растеръ на прощанье окурокъ сигары по сіяющему бѣлизной подоконнику, злобно шепча:

„Вотъ тебѣ, подлецъ англичанинъ, чистоплотная свинья!“

Но мнѣ, стоявшему тогда одиноко, среди уютной комнаты, гдѣ на стѣнѣ былъ портретъ какой то миловидной дѣвочки и набожное обращеніе къ Творцу, а на полу—мерзость человѣческой некультурности и злобы, мнѣ стало невыносимо гадко. Я выбѣжалъ изъ дома и, снова несясь по грязному шоссе, долго не могъ успокоиться...

Единственное, что я замѣтилъ положительнаго, было то, что спрятанные нами на печи кубки остались нетронутыми. И опять бросалось въ глаза: былъ погромъ, а не грабежъ.

На мѣстѣ привала штаба я послѣдняго уже не засталъ. Меня ждали только Семеновъ съ лошадьми, да два казака. Уже совсѣмъ темнѣло, когда я нагналъ штабъ, при подходѣ его къ мѣсту ночлега въ Якуновкенъ.

Усталый, занесенный снѣгомъ и перемерзшій, я съ трудомъ слѣзъ съ лошади и, войдя въ занятое ранѣе зданіе, гдѣ уже хозяйничалъ мой деньщикъ Рыбинъ, сталъ писать какое то приказаніе. Но озябшіе пальцы плохо держали карандашъ.

„Скорѣе растопи печь, да поищи дровъ посуше!“ крикнулъ я Рыбину.

Пока я писалъ, за моею спиной очень быстро растопилась печь. Дрова такъ весело трещали, что я невольно подошелъ къ печкѣ и въ нее заглянулъ. Дрова были красноватаго цвѣта и на одномъ кускѣ ясно была видна лакировка.

„Что это ты жжешь? Кажется мебель?“.

— „Никакъ нѣтъ“, отвѣчалъ убѣдительнымъ тономъ Рыбинъ, „это тамъ стоитъ вовсе ненужная штуковина, я и отхватилъ у ёй бочекъ“.

Я пошелъ посмотрѣть „штуковину“. Оказался... рояль...

. . . .

1-го ноября бригада перешла въ раіонъ деревни Куттенъ, а 2-го вошла въ линію фронта XXII арм. корпуса примѣрно въ раіонѣ деревни Гембалкенъ. Правѣе насъ была 2-ая Финляндская стрѣлковая бригада, лѣвѣе, въ направленіи на Огонкенъ, 1-я Финляндская стрѣлковая бригада. (См. схему № 3).

. . . .

Переходя теперь къ описанію продолжавшихся около недѣли жестокихъ боевъ 3-й Финляндской стрѣлковой бригады на подступахъ къ городу Ангербургу, я сдѣлаю два предварительныхъ замѣчанія.

Во-первыхъ, память не сохранила у меня точныхъ чиселъ описываемыхъ событій. Въ моемъ послужномъ спискѣ значится, что я участвовалъ „въ бояхъ при деревнѣ Брозовкенъ съ 3-го по 7-ое ноября“, а начиная съ 8-го ноября — „въ постепенной атакѣ позицій противника на Брозовкенбергѣ (высоты 177 и 176) восточнѣе города Ангербурга“. Эта „постепенная атака“ продолжалась вплоть до 10-го января 1915 г., когда XXII арм. корпусъ убылъ изъ состава X арміи на юго-западный фронтъ. Располагая отдѣльныя, сохранившіяся въ памяти, сцены этихъ боевъ въ предѣлахъ указанныхъ чиселъ 3—7 ноября и добавляя еще 3 ближайшихъ дня 8—10 ноября, я можетъ быть допущу ошибки въ числахъ на 1—2 дня, но не отойду отъ истины въ описаніи самыхъ событій.

Во-вторыхъ, напомню читателю уже отмѣченныя мною ранѣе тяжелыя взаимоотношенія въ штабѣ бригады, благодаря невыносимому характеру ген. Волкобоя. Его упорное нежеланіе согласиться съ чѣмъ бы то ни было, предлагаемымъ начальникомъ штаба, и, съ другой стороны, неумѣнье отдать требуемое распоряженіе самому — создавали въ штабѣ каждодневно и ежечасно пренепріятныя и совершенно нелѣпыя столкновенія. Я удивлялся хладнокровію и спокойствію кап. Колесникова. Онъ никогда не уступалъ и, въ концѣ концовъ, добивался своего... но послѣ какихъ усилій!

2-го октября вечеромъ въ штабѣ бригады въ Куттенъ писался боевой приказъ на наступленіе къ дер. Брозовкенъ, въ развитіе приказа, полученнаго изъ штаба корпуса. При-

казъ писалъ въ своей полевой книжкѣ Колесниковъ, совѣтуясь со мною по содержанію его отдѣльныхъ пунктовъ. Генералъ молча слушалъ. Закончивъ, Колесниковъ прочелъ приказъ еще разъ вслухъ и попросилъ генерала подписать.

„И не подумаю", заявилъ Волкобой.

— „Почему, ваше превосходительство?".

„Потому, что здѣсь написаны однѣ только глупости".

Никакія убѣжденія Колесникова не помогли. Генералъ твердилъ:

„Ни за что не подпишу!".

Переспросивъ генерала раза три, тщетно упрашивая его хотя бы пояснить, гдѣ и что именно ему не нравится, Колесниковъ спокойно вырвалъ все написанное изъ книжки, снова заложилъ листы копировальной бумаги и, сѣвъ рядомъ съ генераломъ, доложилъ:

„Въ такомъ случаѣ прошу ваше превосходительство продиктовать мнѣ приказъ такъ, какъ вы того желаете".

Генералъ былъ нѣсколько минутъ озадаченъ. Затѣмъ заговорилъ, уже повысивъ голосъ:

„Не я, а вы обязаны составлять приказы!".

— „Я это и сдѣлалъ, но вы моего приказа не одобряете. Это ваше право. Но въ такомъ случаѣ извольте указать, что вы желаете приказать бригадѣ. Это будетъ написано, но за вашей только подписью. Своей подписи, докладываю заранѣе, я подъ вашимъ приказомъ не поставлю".

„Вы не имѣете права!".

— „Нѣтъ, имѣю. Извольте диктовать!".

Долго еще продолжалась эта неприличная перебранка. Наконецъ ген. Волкобой заявилъ:

„Ну, давайте ваши листки. Я ихъ подпишу, но не понимаю, чему васъ учили въ академіи! Здѣсь сплошной вздоръ!".

Колесниковъ все это выслушивалъ совершенно хладнокровно, только тонкіе концы его длинныхъ усовъ начинали какъ то зловѣще покачиваться, да голосъ пріобрѣталъ отчеканивающе-металлическій тонъ.

. . . .

3-го ноября наша бригада повела наступленіе на деревню Брозовкенъ и высоты 177—176 (Брозовкенбергъ). Мы предполагали на этой линіи охраненіе противника, обороняющаго раіонъ Ангербурга. Лѣвѣе насъ, на Гроссъ-Штренгельнъ и перешеекъ у Огонкенъ, наступала 1-ая Финляндская стрѣлковая бригада, а правѣе (сѣвернѣе), на Папіолленъ—Буддернъ—2-ая Финляндская стрѣлковая бригада. Общее заданіе XXII-му корпусу — отбросить противника за р. Ангераппъ.

Противникъ встрѣтилъ насъ артиллерійскимъ огнемъ. Его дозоры отходили передъ нами къ Брозовкенбергу. Развернувшись на линіи: Карльсфельде—западная опушка лѣса, что восточнѣе д. Брозовкенъ, бригада повела наступленіе на западъ. Штабъ бригады двигался за войсками лѣсомъ, прокладывая за собой телефонную линію. Выйдя неосторожно на южную опушку лѣса, мы попали подъ обстрѣлъ германской батареи какъ разъ въ то время, когда мы къ полудню, проголодавшись, сѣли на опушкѣ лѣса закусить. Пришлось уйти въ лѣсъ, бросивъ даже часть своей закуски.

Продвинувшись на западную опушку, мы были свидѣтелями наступленія нашей пѣхоты. Наши цѣпи небольшими группами и по одному перебирались черезъ открытое пространство къ хуторкамъ по дорогѣ въ Брозовкенъ и южнѣе на гребень, который тянулся между этими хуторками и Фридрихсфельде, и къ этому послѣднему хутору.

Я помню, какъ мы наблюдали двухъ пулеметчиковъ, тащившихъ пулеметъ лощиною, что южнѣе дороги на Брозовкенъ. „Чемоданъ" противника попалъ въ нихъ, и ихъ обезглавленныя, изуродованныя тѣла остались лежать вмѣстѣ съ разбитымъ пулеметомъ. Къ вечеру полки своими цѣпями занимали сѣверную половину д. Брозовкенъ и указанный выше пологій гребень, тянувшійся къ Фридрихсфельде. Ген. Волкобой назначилъ общую атаку высотъ Брозовкенбергъ къ полуночи, пользуясь полной темнотой.

Капитанъ Колесниковъ предложилъ генералу продвигать штабъ бригады непосредственно за атакующими частями. Генералъ на это не возражалъ. Впередъ, на гребень, примѣрно 200 шаговъ сѣвернѣе Фридрихсфельде, были высланы наши телефонисты, протянувшіе за собою проводъ, а за часъ до атаки и мы (штабъ) двинулись впередъ, вдоль этого провода и оказались на самомъ гребнѣ. Цѣпи наши были нѣсколько впереди насъ. Здѣсь же на гребнѣ, вырывъ себѣ неглубокую яму, лежали въ грязи наши телефонисты. Ихъ аппаратъ работалъ съ центральной станціей бригады въ Гембалкенъ. Погода совсѣмъ испортилась, шелъ мокрый снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ. Долго ждали. Наконецъ насталъ условленный часъ и наша пѣхота двинулась впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ впереди и вокругъ насъ стоялъ адъ: освѣтительныя ракеты нѣмцевъ цѣлыми группами взлетали въ небо и освѣщали насъ. Ихъ позиція оказывалась шагахъ въ 500 отъ мѣста расположенія штаба; со всѣхъ сторонъ стоялъ трескъ пулеметовъ и грохотъ разрывовъ „чемодановъ". Все, что давало перелетъ по цѣпямъ, ложилось на гребнѣ, гдѣ мы расположились.

Пришлось лечь въ грязь и ждать своей судьбы. Ища болѣе сухого грунта, я подползъ къ окопчику телефонистовъ, которые лежали на днѣ его, а затѣмъ, при слѣдующемъ близкомъ разрывѣ „чемодана", „наползъ" и на самихъ телефонистовъ.

„Простите, братцы", сказалъ я имъ послѣ разрыва.

— „Пожалуйста, ваше высокоблагородіе, лежите, лежите на насъ, намъ такъ теплѣе — вѣдь подъ нами вода, такъ намъ страсть какъ холодно!".

А надъ нами и вокругъ насъ все свистѣло, грохотало, и вспыхивало, точно въ какой то гигантской кузницѣ...

Прошло, какъ намъ казалось, съ полъ-часа. Внезапно огонь противника сталъ ослабѣвать, а затѣмъ на насъ спереди изъ темноты выбѣжали густыя группы людей: атака отбита, начинается отходъ...

Ген. Волкобой и Колесниковъ, а за ними и мы всѣ, вскочили и бросились вправо и влѣво по гребню останавливать бѣгущихъ... Впрочемъ, это слово не подходитъ — они бѣжали бѣгомъ, но не убѣгали; паники не было никакой, и отступавшіе, слыша крики генерала, быстро собирались къ нему. Отходъ только начинался и штабъ бригады своимъ нахожденіемъ вблизи атакующихъ помогъ его остановить.

Но все-же разобраться въ темнотѣ въ общемъ нашемъ положеніи было невозможно.

Наступила тишина. Колесниковъ предложилъ перевести штабъ въ хуторъ Фридрихсфельде, дабы укрыться подъ крышей отъ непогоды.

Черезъ полъ-часа мы были въ довольно большомъ каменномъ домѣ, верхній этажъ котораго уже пострадалъ отъ артиллерійскаго огня. Здѣсь провели мы остатокъ ночи, лежа на соломѣ, промокшіе до костей.

Неутомимый Григорій Георгіевичъ ушелъ лично выяснить, что въ полкахъ, и подготовлять повторную атаку на разсвѣтѣ.

Часа въ 4 утра онъ вернулся и доложилъ ген. Волкобою, что впереди насъ оказывается укрѣпленная позиція противника, пѣхота повсюду наткнулась на непреодолимую проволоку, что потери очень велики, а части перепутаны.

По его мнѣнію повтореніе атаки безнадежно. Надо отойти до разсвѣта къ опушкѣ лѣса и д. Карльсфельде и вести сначала развѣдку.

Ген. Волкобой согласился. Немедленно былъ отданъ приказъ на отходъ.

. . . .

Чуть свѣтало, когда штабъ верхомъ покинулъ Фридрихсфельде, шагомъ отходя на юго-востокъ, по дорогѣ вдоль лѣса. Утренняя мгла и дождь скрывали насъ отъ противника. Впереди, сидя на лошади по пѣхотному, съ вытянутыми впередъ ногами, двигался Волкобой. Его согнутая фигура, въ поношенномъ плащѣ-накидкѣ съ капюшономъ, надвинутымъ на голову по самые глаза, казалось, олицетворяла собою пораженіе.

Ѣхавшій за нимъ Колесниковъ былъ явно золъ. Усы его висѣли внизъ, глаза, противъ обыкновенія, были опущены, рука все время злобно дергала поводья.

Сзади ѣхали мы — остальные офицеры. Кап. Пунагинъ, горячо полюбившій Колесникова, все неодобрительно покачивалъ головою и, наконецъ, къ нему подъѣхалъ:

„Что вы такъ огорчены, Григорій Георгіевичъ? Ну что же, сегодня не взяли, завтра возьмемъ".

— „Да я совсѣмъ не изъ-за того золъ!".

„А изъ-за чего же?".

— „Да развѣ не видите? Вѣдь ужъ кажется, ни себя, ни васъ всѣхъ не пожалѣлъ: прямо подтащилъ подъ германскіе пулеметы! И все таки, чертъ его дери, уцѣлѣлъ!".

„Кто?!

— „Да онъ!" И Колесниковъ пальцемъ показалъ на спину ѣхавшаго въ двухъ шагахъ передъ нимъ генерала. Пунагинъ отъ изумленія осадилъ коня. Волкобой несомнѣнно слышалъ, но и виду не показалъ, что понялъ.

. . . .

Вскорѣ мы свернули налѣво и подъѣхали къ отдѣльному двору въ лощинкѣ подъ лѣсомъ. Этотъ дворъ Колесниковъ выбралъ по картѣ для штаба. Полки расположились въ лѣсу,

Дворъ подъ лѣсомъ оказался населеннымъ: насъ встрѣтила молодая женщина въ послѣднемъ періодѣ беременности и ея дочка, семилѣтняя дѣвочка. Женщина говорила понѣмецки, но увѣряла, что она русско-подданная полька. По ея словамъ, она съ мужемъ, полякомъ изъ Ломжинской губерніи, за нѣсколько лѣтъ до войны поселились здѣсь, купивъ этотъ дворъ. Съ объявленіемъ мобилизаціи мужъ ея былъ арестованъ и отправленъ въ западную Германію, гдѣ поставленъ кашеваромъ на питательномъ пунктѣ. Когда жители сосѣдней деревни Гембалкенъ уходили за своими войсками, ей объ этомъ не сообщили и она съ дочкой оказалась въ полосѣ боя. Домъ ея обстрѣливался артиллерійскимъ огнемъ, въ чемъ мы и сами скоро убѣдились.

Въ домѣ было двѣ большихъ и двѣ маленькихъ комнаты. Одну изъ большихъ комнатъ заняли офицеры штаба, другую — команда. Въ одной изъ маленькихъ помѣстился генералъ, другую оставили хозяйкѣ. Казаки заняли сѣновалъ и конюшню. 4 дня провели мы здѣсь, въ 2—2$^1/_2$ километрахъ отъ противника.

Штабсъ-капитанъ Захаровъ протянулъ во всѣ стороны свои телефоны: къ полкамъ, къ батареямъ, расположившимся на позиціи неподалеку отъ штаба, къ штабу корпуса въ Будзишкенъ и въ д. Гембалкенъ, занятую нашими тыловыми учрежденіями. Здѣсь я впервые ближе познакомился съ работой телефонной команды штаба. Работа эта была въ полномъ смыслѣ слова отличной. Люди были распредѣлены по „станціямъ", по три на каждую. Эти тройки были постоянными, люди сжились другъ съ другомъ; вся команда проникласъ въ высшей степени сознаніемъ своего долга и важности своей работы. Захаровъ періодически перемѣщалъ станціи, чтобы всѣ люди одинаково втянулись въ работу и хорошо знали порядки всѣхъ тѣхъ штабовъ и мѣстъ, съ которыми мы держали связь. По началу, можетъ быть, и казалось непрактичной эта частая смѣна станцій. Но скоро это дало свои отличные результаты. Все же одна станція выдѣлялась своей отчетливой работой. Ея начальникомъ былъ унтеръ-офицеръ изъ запаса Левъ Регельсонъ, человѣкъ лѣтъ за-сорокъ съ большой черной бородой и еще большей лысиной. Въ мирной обстановкѣ — преподватель физики въ женской гимназіи въ Пензѣ. Его помощниками были—запасный ефрейторъ Васильевъ, петербургскій помощникъ присяжнаго повѣреннаго, и рядовой изъ крестьянъ, сапожникъ по профессіи. Въ описываемые дни эта станція располагалась въ Гембалкенъ.

5-го ноября корпусный инженеръ, герой разрушенія порта въ Ганге, капитанъ Панковъ, по телефону изъ штаба корпуса сообщилъ, что по приказанію командира корпуса онъ ѣдетъ въ штабъ нашей бригады учить нашихъ саперъ устройству зарядовъ для разрушенія проволоки, и справлялся о дорогѣ. Ему указали путь черезъ Гембалкенъ. Примѣрно черезъ часъ послѣ этого дер. Гембалкенъ подверглась обстрѣлу тяжелой артиллеріей противника. Грозное уханье отъ разрывовъ „чемодановъ" стало доноситься къ намъ оттуда. А еще черезъ нѣсколько минутъ меня вызвали къ телефону.

„Ваше высокоблагородіе, деревня обстрѣливается тяжелыми снарядами", услышалъ я голосъ Регельсона съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ.

— „Знаю, здѣсь это хорошо слышно".

„Снаряды ложатся близко къ станціи, люди волнуются, и наши, и, особенно, полковыхъ командъ; позвольте просить вашей помощи“.

— „Что же я могу сдѣлать?“.

„Ваше высокоблагородіе, сюда пріѣхалъ корпусный инженеръ. И ихъ высокоблагородіе такъ безпокоются и кричатъ, чо я боюсь, что не смогу удержать людей въ порядкѣ. Нельзя ли ихъ попросить уѣхать“.

Я доложилъ Волкобою и послѣдній приказалъ передать черезъ Регельсона кап. Панкову приказаніе немедленно ѣхать въ штабъ бригады. Передавая это, я посовѣтывалъ Регельсону доложить „ихъ высокоблагородію“ отъ себя, что въ штабѣ бригады никакого обстрѣла нѣтъ. Нечего и говорить, что Панковъ черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у насъ. Впрочемъ его грузная персона была настолько взволнована, что почти ничего не смогла дать саперамъ и всѣми силами порывалась скорѣе отъѣхать въ тылъ. Кажется, это былъ послѣдній подвигъ Панкова въ нашемъ корпусѣ; по крайней мѣрѣ я его больше не встрѣчалъ.

Эти дни (4-го и 5-го) нашъ фронтъ шелъ примѣрно по опушкѣ лѣсовъ. Охраненіе и развѣдка выдвигались впередъ, заходили и въ самую деревню Брозовкенъ. Выяснилось, что противникъ находится за проволочными загражденіями на склонахъ Брозовкенберга. Расмотрѣть хорошо его расположенія не удавалось, т. к. все время стоялъ туманъ. Артиллерія наша вела огонь, собственно говоря, на-угадъ или, вѣрнѣе, впустую, по площадямъ, хотя подполковникъ Аргамаковъ (и. д. командира дивизіона) и докладывалъ, что имѣетъ передовыхъ наблюдателей.

Позднѣе я понялъ, что и артиллерійская подготовка этихъ дней, и наши атаки на укрѣпленную позицію были совершенно нелѣпыми. Мы даже не представляли себѣ методовъ уничтоженія загражденій и овладѣнія такими позиціями и ходили на проволоку такъ, какъ будто бы это были веревочныя загражденія. Нѣсколько паръ ножницъ, два-три „удлинненныхъ“ пироксилиновыхъ заряда и первые образцы ручныхъ гранатъ, огромныхъ, неуклюжихъ и болѣе опасныхъ для себя, чѣмъ для противника, вотъ все, что мы имѣли въ предстоявшей намъ повторной атакѣ Брозовкенберга,

Днемъ 6-го ноября пришелъ изъ штаба корпуса приказъ на эту атаку: 1-ая Финляндская стрѣлковая бригада рветъ ночью позиціи противника у Огонкенъ. 3-й бригадѣ съ наступленіемъ темноты вести энергично демонстративную атаку на своемъ участкѣ. Приказъ этотъ былъ врученъ Колесни-

кову. Онъ сѣлъ на обрубокъ дерева—нашу единственную мебель — и сталъ писать приказъ бригадѣ, бесѣдуя со мною. Я же и всѣ прочіе офицеры штаба лежали на соломѣ вокругъ Колесникова. Изъ сосѣдней комнаты слышалось астмическое покашливаніе генерала. Приказъ уже подходилъ къ концу, когда генералъ заподозрилъ у насъ что то неладное. Его тощая фигура въ очкахъ появилась, крадучись, изъ дверей и направилась къ Колесникову. Надѣвъ на кончикъ носа, впереди очковъ, еще пенснэ, Волкобой силился разобрать изъза его спины, что такое пишется. Наконецъ раздался его скрипучій голосъ:

„Григорій Георгіевичъ, что это вы пишете?".

— „Приказъ бригадѣ, ваше превосходительство".

„Почему?".

— „Изъ корпуса полученъ приказъ на наступленіе".

„Отчего же вы мнѣ его не докладываете".

— „А вотъ сейчасъ докончу проектъ нашего приказа, тогда и доложу".

„А я требую, что бы вы мнѣ немедленно докладывали".

— „Ваше превосходительство мѣшаете мнѣ работать".

„Григорій Георгіевичъ, я требую, что бы вы мнѣ немедленно доложили".

— „Ваше превосходительство, уходите вы въ ту комнату!".

„Капитанъ Колесниковъ, вы съ ума сошли!".

Колесниковъ всталъ и, хладнокровно подтверждая свое предложеніе уйти въ другую комнату, сталъ медленно тѣснить начальника бригады къ двери.

„Какъ вы смѣете! Я васъ предамъ суду! Я васъ предаю суду!" кричалъ генералъ.

Но Колесниковъ былъ неумолимъ. Онъ оттѣснилъ генерала въ его комнату, закрылъ дверь и заперъ ее на ключъ.

„Скорѣе кончаемъ, Борисъ Николаевичъ", сказалъ онъ мнѣ, садясь опять на обрубокъ.

И мы кончали составленіе приказа. А запертый генералъ стучалъ въ дверь и продолжалъ грозить полевымъ судомъ . . . .

„Ну, кончено", произнесъ наконецъ Колесниковъ, „пойду, заставлю старика подписать".

И онъ скрылся за дверью. Оттуда сначала доносились дикіе вопли, потомъ стало стихать и наконецъ вовсе затихло.

Колесниковъ вышелъ, вытирая лобъ платкомъ.

„Подписалъ!" проговорилъ онъ. „Ну, Борисъ Николаевичъ, скорѣе коней, ѣдемъ оба къ полкамъ, чтобы онъ больше не помѣшалъ. Все остальное сдѣлаемъ тамъ".

Черезъ нѣсколько минутъ мы скакали лѣсной дорожкой...

. . . .

За часъ до темноты опять загрохотали наши батареи по скрывшемуся въ туманѣ Брозовкенбергу. Съ темнотою 9-й и 10-й полки двинулись съ опушки на Іоганисфельде и Фридрихсфельде, и далѣе, на проволоку въ лощинѣ у Брозовкенъ. Ихъ встрѣтилъ ураганный огонь непріятеля. Что тамъ именно происходило, штабу бригады и позже не удалось установить. Къ полуночи огонь стихъ, а на разсвѣтѣ сильно порѣдѣвшія роты собрались на лѣсной опушкѣ. Многихъ не доставало. Въ томъ числѣ и вступившаго въ Маркграбовѣ въ командованіе 9-мъ полкомъ очень грузнаго полковника (фамиліи его не помню). Въ послѣдующія ночи 9-й полкъ старался загладить позоръ потери командира его усиленными поисками. Подобрали много раненыхъ, но его не нашли. Много позднѣе выяснилось, что полковникъ загрузъ въ болотѣ у проволоки противника и утромъ былъ взятъ въ плѣнъ германцами. Бывшіе при немъ люди связи также не вернулись, повидимому были перебиты.

. . . .

7-го ноября мы снова переживали день послѣ неудачи. Для чиновъ строевыхъ частей это или отходъ, или отдыхъ. И горечь пораженія затемняется или крайнимъ физическимъ утомленіемъ, или сномъ. Въ штабахъ этого утомленія нѣтъ, а потому штабному офицеру нравственно труднѣе переживать такой горькій день, когда сплетаются самыя различныя, но одинаково тяжелыя чувства: и оскорбленное національное самолюбіе, и ужасъ передъ сознаніемъ безплодной гибели и мученій массы людей, и опасенія за будущее, и анализъ своихъ собственныхъ дѣйствій, въ которыхъ часто видятся дѣйствительныя или кажущіяся ошибки...

Гадкій это былъ день...

Но на его мрачномъ фонѣ разыгрался маленькій анекдотъ. Командѣ штаба привезли изъ интендантства различные продукты, въ томъ числѣ большой мѣшокъ кускового сахара. Фельдфебель команды сталъ его дѣлить. Мѣшокъ былъ вытащенъ на середину комнаты, его распороли и на полу оказалась большая гора бѣлыхъ кусочковъ. За этой процедурой наблюдала маленькая дочка хозяйки. Увидѣвъ гору сахара, дѣвочка удивленно закричала и убѣжала къ матери. Послѣдняя вышла изъ своей комнаты и разсказала мнѣ, что ея дочь явилась къ ней съ крикомъ:

„Мама, мама! Я теперь знаю, что нашъ учитель въ школѣ

лгалъ. Онъ увѣрялъ всегда, что русскихъ солдатъ легко побѣдить, что ихъ очень плохо кормятъ, что они всегда голодные. А сейчасъ — пойди, посмотри: имъ привезли сахаръ, цѣлую гору, я никогда не видала столько сахара!".

Я перевелъ дѣлившимъ сахаръ солдатамъ этотъ разсказъ и они, шутя и остря, отсыпали дѣвчонкѣ цѣлый подолъ сахара...

Но мы — офицеры задумались надъ этимъ случаемъ: вотъ какъ ведется пропаганда войны! Вотъ какими способами воспитывается подростающее поколѣніе въ ненависти и презрѣніи къ будущему врагу!

Какой бы крикъ подняли наши довоенные либералы, если бы что-нибудь подобное дѣлалось у насъ!

. . . .

За день 7-го ноября выяснилось, что наступленіе корпуса къ Ангербургу потерпѣло окончательную неудачу: и 1-й бригадѣ ничего не удалось сдѣлать у Огонкенъ. Тамъ наши роты дошли до проволоки противника, но, понеся большія потери, откатились и окопались недалеко отъ нея. Бой тамъ продолжался еще дня два. Впереди нашихъ окоповъ, а частью и въ проволокѣ противника остались лежать наши раненые. Ружейный и пулеметный огонь обѣихъ сторонъ шелъ поверхъ нихъ, но стоило кому-нибудь изъ нихъ приподняться, какъ онъ сейчасъ же получалъ новую пулю. О такомъ ужасномъ своемъ пребываніи, съ перебитою костью ноги, подъ огнемъ, на морозѣ, безъ перевязки, въ теченіи болѣе сутокъ, мнѣ разсказывалъ позже подпоручикъ 2-го Финляндскаго стрѣлковаго полка Колтышевъ. Тогда почти мальчикъ, прямо со скамьи Павловскаго военнаго училища, маленькій и худенькій, онъ зарвался со своимъ взводомъ въ ночной атакѣ, получилъ мучительнѣйшую рану въ ногу и остался лежать на мерзлой землѣ. Не только выползти изъ-подъ проволоки, но даже принять болѣе удобное положеніе было невозможно. Два раза стрѣлки его роты пытались подползти и спасти своего офицера, но оба смѣльчака лишь жизнью заплатили за свои неудачныя попытки. „Больше тоя любве никтоже иматъ..."

Наконецъ, ночью самъ фельдфебель роты рѣшилъ попытать счастья. Взявъ веревку, онъ поползъ къ раненому офицеру. Доползъ, привязалъ его къ себѣ и поползъ обратно. Движеніе отъ ракеты до ракеты, медленно, притворяясь мертвымъ, пока свѣтитъ ракета... Тащилъ онъ своего несчастнаго офицера и все время его вполголоса ругалъ... Удалось...

Такая уже судьба этого офицера! Въ 1920 году, въ Крыму, онъ, уже полковникъ и командиръ полка, снова раненъ въ ногу, и раненъ очень тяжело. А нѣсколькими годами позже, въ Парижѣ, ему оторвало на фабрикѣ машиной часть кисти руки!

Многіе изъ насъ, эмигрантовъ, знаютъ милѣйшаго и храбрѣйшаго полковника-дроздовца Колтышева, но не многіе помнятъ его тѣмъ „Колтышенкомъ", какимъ онъ былъ въ рядахъ финляндскихъ стрѣлковъ въ Міровой войнѣ...

. . . .

8-го ноября командиръ корпуса отдалъ приказъ о переходѣ корпуса къ „постепенной атакѣ" позиціи противника. Этотъ терминъ былъ пережиткомъ прошлыхъ вѣковъ военнаго искусства. Въ наше время онъ знаменовалъ собою „стабилизацію фронта" или начало непредусмотрѣнной нашей довоенной тактикой „окопной войны".

Этотъ день запомнился мнѣ и по другому поводу. Уже трое съ лишнимъ сутокъ прожили мы благополучно въ отдѣльномъ дворѣ подъ лѣсомъ. „Чемоданы" противника съ грохотомъ разрывались по всему нашему раіону, но почему то миловали штабъ.

Въ это утро, на свѣту. мы всѣ мирно спали на соломѣ, на полу, одинъ около другого. Колесниковъ рядомъ со мной. Я проснулся отъ боли: Колесниковъ одною ногой стоялъ на моемъ животѣ, а на другую надѣвалъ сапогъ. Въ комнатѣ было общее смятеніе и всѣ какъ то одновременно говорили. Ничего не понимая спросонья, я, отдѣлавшись отъ непріятнаго сапога начальника штаба и разсердившись, сталъ требовать его извиненія. Онъ не обращалъ на мои слова вниманія, я сталъ повышать голосъ. Наконецъ мой другой сосѣдъ объяснилъ, что тутъ не до меня — въ штабъ попалъ „чемоданъ". Предоставляю читателю судить, какъ крѣпокъ былъ мой сонъ, если я не слыхалъ разрыва! Шагахъ въ 20 противъ нашихъ, оконъ, въ конюшнѣ, зіяла проломанная стѣна, Тамъ было разорвано въ куски семь казачьихъ лошадей. Изъ людей, по счастью, пострадалъ, да и то легко, только взводный урядникъ. Окно противъ меня было разбито, а надъ самой моей головой въ стѣнѣ торчалъ осколокъ снаряда... Крѣпко спятъ на войнѣ!

Съ полученіемъ подъ вечеръ 8-го ноября приказа о „постепенной атакѣ", былъ поднятъ вопросъ о переходѣ штаба бригады въ болѣе спокойное и удобное мѣсто. По моему предложенію былъ выбранъ по картѣ отдѣльный дворъ среди

лѣса въ гористомъ массивѣ *), километрахъ въ 4-хъ восточнѣе нашего послѣдняго пребыванія. Времени осмотрѣть дворъ не было и мы прямо выступили туда. Выборъ оказался неудачнымъ: дворъ былъ очень бѣднымъ — домикъ въ двѣ маленькихъ комнаты, сараюшка и больше ничего. Неожиданная картина ждала насъ внутри. Въ одной изъ комнатъ лежала на нищенской кровати разбитая параличомъ, умирающая отъ голода старуха. На стулѣ около кровати стояла давно опорожненная миска съ пищей. Въ комнатѣ былъ невѣроятный смрадъ. Несчастная старуха провела здѣсь одна по крайней мѣрѣ 9 дней! Генералъ и офицеры заняли другую комнату, а команда должна была помѣститься со старухой, которую импровизованныя сестры милосердія, штабные писаря, стали приводить въ болѣе гигіеническое состояніе и поить чаемъ...

Утромъ на слѣдующій день старшій писарь, Борисъ Андреевъ, забавно разсказывалъ, что онъ старался вспомнить наканунѣ, какъ моютъ грудныхъ дѣтей, чтобы „убрать", какъ слѣдуетъ, хозяйку.

Эту старуху Пунагинъ отправилъ на обозной подводѣ въ штабъ корпуса. А черезъ день, посланный зачѣмъ то туда же на автомобилѣ, я отвезъ въ распоряженіе корпуснаго коменданта и нашу хозяйку изъ дома подъ лѣсомъ съ ея дочкой, и, по правдѣ говоря, очень боялся, что мы не доѣдемъ благополучно: дорога была очень разбита и насъ невыносимо трясло, а моя спутница увѣряла, что до родовъ ей остается не болѣе недѣли.

Кромѣ этихъ несчастныхъ, оказалось въ Куттенъ, куда штабъ перешелъ 9-го ноября, еще двѣ древнихъ старухи и больной старикъ, а въ одной изъ другихъ деревушекъ бригаднаго раіона — брошенный пятилѣтній мальчикъ. Его взяли на воспитаніе солдаты одного изъ нашихъ полковъ.

Другихъ жителей въ прифронтовой полосѣ бригады не оказалось.

. . . .

Штабъ бригады расположился въ Куттенъ на долгое время — оказалось, что ровно на два мѣсяца. Описанію этой зимовки будетъ посвящена слѣдующая глава. Но, чтобы завѣнчать описанную уже картину жизни штаба, умѣстно будетъ здѣсь разсказать, какъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней генералъ Волкобой все же переспорилъ капитана Колесникова.

Вмѣстѣ съ началомъ боевого затишья, началась и кан-

---

*) Pillacker Berge.

целярская работа штаба. Колесниковъ представилъ начальнику бригады на просмотръ и подпись полученные изъ полковъ наградные листы на чиновъ бригады. На слѣдующее утро генералъ отдалъ ихъ обратно съ приказаніемъ отправить немедленно въ штабъ корпуса. И вдругъ разыгралась буря. Колесниковъ заглянулъ въ одинъ изъ листовъ, вскипѣлъ и бросился къ генералу.

„Ваше превосходительство, я прошу взять этотъ листъ обратно!“.

— „Ничего подобнаго, вы его отправите!“.

„Это оскорбительная для меня ложь! Я не могу допустить этого представленія!“.

— „Тутъ нѣтъ никакой лжи“.

„Нѣтъ, ложь. Вы отлично знаете, что я никакихъ подвиговъ не совершалъ. Это насмѣшка!“.

Генералъ Волкобой вдругъ величественно поднялся и заговорилъ дѣйствительно властнымъ голосомъ:

„Григорій Георгіевичъ! Я терпѣлъ всѣ ваши выходки и уступалъ потому, что вы въ управленіи войсками свѣдущѣе меня. Но сейчасъ, въ оцѣнкѣ моихъ подчиненныхъ, да тѣмъ болѣе васъ самихъ, я ужъ, прошу простить, знаю лучше васъ, что и почему дѣлаю. Потрудитесь болѣе не возражать ни слова! Капитанъ Пунагинъ! Потрудитесь отправить это представленіе, минуя начальника штаба, и немедленно!“.

Въ представленіи мы прочли просьбу ген. Волкобоя о награжденіи капитана Колесникова орденомъ Св. Георгія 4-й степени, такъ какъ „за время всѣхъ тяжелыхъ и блестящихъ по результатамъ, боевъ бригады онъ, ген. Волкобой, никогда не достигъ бы этихъ результатовъ, если бы не дѣятельность его начальника штаба, который, являя исключительное мужество, производя самъ развѣдки и участвуя въ бою въ передовыхъ линіяхъ, подъ губительнѣйшимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника, фактически руководилъ всѣми дѣйствіями бригады“.

Тутъ же мы узнали отъ Пунагина, что за предшествующіе бои Колесниковъ уже представленъ Волкобоемъ и къ ордену Св. Владиміра, и къ Георгіевскому оружію.

Всѣ эти три высокихъ награды Григорій Георгіевичъ дѣйствительно получилъ, и получилъ, по нашему мнѣнію, по заслугамъ.

Но и фигура ген. Волкобоя получила въ нашихъ глазахъ другое освѣщеніе.

XI. ЗИМОВКА ВЪ МАЗУРСКИХЪ ОЗЕРАХЪ.

„Постепенная атака" Брозовкенберга. Тылы. День въ штабѣ бригады. Мѣры обезпеченія штаба ночью. Командиръ корпуса въ сторожевомъ охраненіи. Развѣдка „офицерами генеральнаго штаба". Ужинъ и концертъ на заставѣ. Страшное извѣстіе. Предчувствіе революціи и гибели до-военной Россіи. Первая боевая награда. Переговоры съ противникомъ. Погребеніе убитыхъ враговъ. Нѣмецкое Рождество. Веселый плѣнный. Грабежи въ тыловомъ раіонѣ. Кирка и богомольныя старухи. Преступленіе и казнь. Преступный офицеръ. Бомбардиръ „за офицера". Православное Рождество. Загадочный случай въ охраненіи. Судейскій генералъ на тройкѣ въ междуокопномъ пространствѣ.

Итакъ, мы начали закапываться... Форма занятія этого стабилизовавшагося фронта еще сильно отличалась отъ будущаго типа окопной войны. Полки наши стали квартиробивачно по деревнямъ. Впереди этихъ деревень, верстахъ въ $1^1/_2$ отъ укрѣпленій противника, мы начали нарывать свою линію окоповъ, которые занимались лишь слабыми дежурными частями. Днемъ междуокопное $1^1/_2$ верстное пространство никѣмъ не занималось. Ночью туда выдвигалось уставное сторожевое охраненіе — заставы, полевые караулы. Тѣ и другіе постепенно нарывали для себя окопы и окопчики. Отъ этихъ окоповъ впередъ, подъ самую проволоку противника выдвигались секреты, для сообщенія которыхъ съ тыломъ стали постепенно прорывать упрощенные ходы сообщенія. Послѣднее мѣропріятіе особенно поощрялось сверху, ибо оно по внѣшнему виду напоминало ту „постепенную атаку", которая была намъ предписана приказомъ корпусу.

Штабъ бригады расположился въ Куттенъ, въ школѣ и домѣ священника. Саперная рота, прожекторное отдѣленіе, казачій конвой, санитарныя учрежденія—занимали остальную деревню.

Собственно штабъ занималъ 4 комнаты: въ одной — генералъ, въ другой — начальникъ штаба, она же и столовая штаба, въ третьей — всѣ офицеры (ихъ столы для занятій и ихъ койки), въ 4-й — команда; здѣсь же въ углу два телефонныхъ аппарата — къ штабу корпуса и къ центральной станціи бригады.

Тыловыя учрежденія бригады (эшелоны артиллерійскихъ парковъ и др.) эшелонировались по грунтовой дорогѣ на Якуновкенъ и далѣе, лѣсами, на востокъ, верстъ на сорокъ. гдѣ связывались съ корпусными и армейскими тылами.

Эта тыловая дорога, какъ и дороги къ штабу корпуса (въ Будзишкенъ) и въ другіе пункты, была очень тяжела. Осенняя распутица и большое движеніе обозовъ скоро обратили ее въ почти непролазное болото. То выпадалъ массами снѣгъ, то начиналась оттепель, но и то, и другое все болѣе и болѣе затрудняло наши сообщенія.

Боевыя дѣйствія, строго говоря, прекратились: обоюдные поиски развѣдчиковъ по ночамъ, днемъ—иногда вспыхивавшая артиллерійская перестрѣлка, да изрѣдка появленіе непріятельскихъ аэроплановъ.

Но, несмотря на это, работы и въ частяхъ, и въ штабѣ, было достаточно. Обучались пополненія, чинилось и приводилось въ порядокъ имущество всѣхъ видовъ, пополнялись всякіе недочеты, повѣрялась и составлялась отчетность...

Послѣ первыхъ трехъ мѣсяцевъ войны не было, кажется, ни одного вопроса жизни и службы войскъ, въ которомъ не надлежало бы внести измѣненій и усовершенствованій на основаніи свѣжаго боевого опыта.

Поэтому понятно, что зимовка наша, продолжавшаяся, кстати, всего два мѣсяца, не была временемъ бездѣлья.

Въ штабѣ установился правильный порядокъ дня. Вставали поздно, часовъ въ 8, я позже всѣхъ — обычно къ 10. Весь день, за исключеніемъ обѣда и ужина, скромныхъ, но уже налаженныхъ, и перерыва часа въ $1^1/_2$ послѣ обѣда — за работой, которой у каждаго изъ насъ было всегда съ избыткомъ. Послѣ ужина чаще сидѣли за дружеской бесѣдой и стаканомъ чая (отнюдь не вина: нашъ штабъ вовсе не пилъ, да и достать то вина было почти что невозможно) часовъ до 10. Послѣ этого большинство ложилось спать. Генералъ ложился сразу послѣ ужина, въ 8 часовъ. Къ полуночи все разсыпало. Я одинъ оставался за работой (оперативная и развѣдывательная работа всегда накоплялись къ ночи — общая черта штабовъ) обычно часовъ до 2-хъ. Я любилъ эти часы. Все тихо, только храпъ доносится изъ всѣхъ угловъ, да за дверью иногда слышится голосъ телефониста, принимающаго телефонограмму. Никто не мѣшаетъ работать — составлять полуночныя, оперативную и развѣдывательную, сводки, проекты различныхъ распоряженій, вычерчивать схемы, составлять описаніе прошедшихъ боевъ... Часто требовалось по долгу бесѣдовать по телефону, то съ полками, то со шта-

бомъ корпуса. Однимъ словомъ — это были часы спокойной черновой работы, когда ни начальство, ни событія дня не мѣшали. Въ эти же часы мнѣ много приходилось имѣть дѣла съ солдатами-телефонистами, а при этомъ иногда и вступать съ ними въ бесѣды вовсе неоффиціальнаго характера. Такъ, одною ночью, послѣ очень долгихъ телефонныхъ разговоровъ, оба дежурныхъ телефониста, конфузясь, стали мнѣ „объясняться въ любви" примѣрно въ такихъ выраженіяхъ:

„Разрѣшите вамъ доложить, о чемъ мы, телефонисты и писаря, теперь часто говоримъ. Какая теперь разница противъ мирнаго времени! Какъ въ мирное время мы относились къ господамъ офицерамъ, особенно къ генеральному штабу! Вѣдь почти всѣ изъ насъ, солдатъ, ихъ ненавидѣли. Я, напримѣръ, вѣдь былъ соціалистомъ. Я совершенно искренне былъ увѣренъ, что офицеры — дармоѣды и только веселятся. А о генеральномъ штабѣ не буду и говорить, какое у насъ было представленіе. А вотъ теперь мы видимъ, какъ ошибались. Какъ посмотришь на нашихъ офицеровъ, такъ вѣдь видишь, что у нихъ кромѣ службы и желанія сдѣлать какъ можно лучше для арміи и для всякаго, кто въ штабъ обращается, другихъ и мыслей то не бываетъ. А ужъ вы, ваше высокоблагородіе, да капитанъ Колесниковъ, такъ мы просто и не понимаемъ, какъ это такъ можно служить! Да, не знали мы въ мирное время, что такое офицерская служба... совсѣмъ бы мы другими были и не было бы у насъ этой вражды..."

Я умышленно останавливаюсь на этомъ хвалебномъ гимнѣ. Кто продумаетъ эти простыя слова, тотъ пойметъ, вопервыхъ, чѣмъ сильна и чѣмъ слаба была наша старая армія, а, во-вторыхъ, — что на войнѣ, рядомъ съ отвратительной человѣческой бойней, взрастаютъ и большія духовныя цѣнности — сближеніе людей, ихъ полная вѣра другъ въ друга, изглаживаніе злобы, ростъ любви къ ближнему...

. . . .

Около 2-хъ часовъ ночи я ложился и, обычно, немедленно засыпалъ, а, засыпая, чаще всего слышалъ, что начинаетъ кашлять и кряхтѣть ген. Волкобой. Иногда, сквозь сонъ, замѣчалъ я, что генералъ, надѣвъ валенки и полушубокъ, тихо и осторожно проходитъ черезъ нашу комнату и выходитъ во дворъ.

„Астма мучитъ бѣднаго", обычно думалъ я.

Но никогда не замѣчалъ я, чтобы онъ возвращался. Долго объяснялъ я себѣ это своимъ крѣпкимъ сномъ. Но наконецъ мы поняли, въ чемъ дѣло: когда засыпалъ послѣдній

офицеръ штаба, то генералъ вступалъ на добровольное дежурство. Цѣлую вторую половину ночи ходилъ онъ дозоромъ около зданія штаба и слушалъ: не слышно ли гдѣ-нибудь ружейнаго огня, не доносится ли шума и криковъ, не подходятъ ли къ штабу нѣмцы... Но обычно глубокая тишина царила кругомъ. Тогда генералъ начиналъ самъ себѣ не вѣрить и вступалъ въ діалогъ съ часовымъ, всегда стоявшимъ у штаба.

„Часовой, въ которой сторонѣ сейчасъ стрѣляли?".

— Нигдѣ не было слышно, ваше превосходительство!".

„Ты врешь, собачья морда. Ты спалъ;".

— Ей Богу, не спалъ, ваше превосходительство.

„Спалъ, такой-сякой! Подъ судъ тебя отдамъ!".

И такъ повторялось нѣсколько разъ за ночь.

Наконецъ свѣтало и первымъ изъ штаба вставалъ сотникъ Богдановъ. Онъ надѣвалъ полушубокъ на голое тѣло и выходилъ на улицу. Въ любой морозъ онъ обливался на улицѣ холодной водой.

Каждое утро встрѣчалъ онъ во дворѣ генерала и каждое утро повторялся тотъ же разговоръ.

„Доброе утро, ваше превосходительство! Что это вы такъ рано встали?".

— „Дышать трудно, астма проклятая!".

И генералъ шелъ къ себѣ, ложился и спокойно спалъ до 10 часовъ: теперь Богдановъ долго будетъ ходить около штаба, смотрѣть коней, бесѣдовать съ встающими казаками. А тамъ и весь штабъ встанетъ и возможность неожиданнаго нападенія отпадетъ.

Эти генеральскіе ночные страхи вовсе не были чертою одного ген. Волкобоя. Мнѣ приходилось позже встрѣчаться съ тѣмъ же явленіемъ и у другихъ, даже достаточно извѣстныхъ начальниковъ. Причина — или недостатокъ вѣры въ подчиненныхъ и подчиненныя войска, или, чаще, недостатокъ пониманія боевой обстановки, неясное представленіе, чего можно ожидать, а что является невѣроятнымъ.

. . . .

Отдыхъ послѣ огромнаго періода боевъ сталъ успокоительно дѣйствовать и на тѣхъ, у кого въ началѣ войны сдавали нервы. Въ ихъ числѣ былъ и командиръ корпуса. Читатель, вѣроятно, помнитъ его настроенія въ концѣ августа, у Райгрода, Боржимена и, позже, у Капціова... Теперь генералъ Б. сталъ замѣтно успокаиваться.

Однажды, въ ноябрѣ, послѣдовало сообщеніе, что онъ

ночью обойдетъ позиціи 2-й и 3-й бригадъ. На фронтѣ 3-й бригады онъ выйдетъ въ такомъ то часу къ хутору, Іоганисфельде у д. Брозовкенъ. Къ указанному часу ген. Волкобой, Колесниковъ и я ожидали его въ этомъ хуторкѣ, всего шагахъ въ 500 отъ укрѣпленій противника. Онъ пришелъ вдвоемъ съ личнымъ адъютантомъ, въ сопровожденіи стрѣлковъ связи сосѣдняго съ нами полка. Занимавшая хуторъ застава была выстроена за сараемъ, прикрывавшимъ ее со стороны непріятеля. На привѣтствіе командира корпуса стрѣлки отвѣчали вполголоса, какъ полагается въ сторожевомъ охраненіи.

„Что это за отвѣтъ?!" Закричалъ генералъ Б., „отвѣчать мнѣ по-молодецки! Здорово, стрѣлки!".

— „Здравія желаемъ, ваше превосходительство", загремѣлъ дѣйствительно молодецкій отвѣтъ. Десятки освѣтительныхъ ракетъ сейчасъ же взвились изъ-за германскихъ окоповъ и долго нѣмцы не могли успокоиться. Генералъ Б. спокойно и хладнокровно осматривалъ между тѣмъ наше расположеніе, окопы, проволочныя загражденія, только еще начатыя возведеніемъ...

Пройдя почти весь фронтъ бригады, онъ повернулъ въ тылъ и, выйдя на дорогу Крживинскенъ—Папіолленъ, остановился у отдѣльнаго домика, гдѣ помѣщался сторожевой резервъ охраняющихъ частей — знаменитая 6-я, „георгіевская", рота 12-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, подъ командой шт.-кап. Иванова.

Во время бесѣды съ нимъ, мы услышали пулеметный огонь въ сторонѣ Брозовкенъ. Огонь велся изъ одного русскаго пулемета (русскій или нѣмецкій пулеметъ стрѣляетъ, легко опредѣлялось по звуку) и продолжался секундъ сорокъ. Затѣмъ все замолкло.

Генералъ заволновался. Гдѣ стрѣляютъ? Что случилось? Почему шт.-кап. Ивановъ не поднимаетъ своего резерва и не ведетъ его на „атакованный" участокъ? Начались нудные разговоры по телефону съ заставами. Съ одной изъ нихъ доложили, что замѣчено было наступленіе противника. Въ какихъ силахъ? Опять переговоры по телефону. Отвѣтъ — силою въ звено*). Чѣмъ кончилась атака? Отбита ли она? Куда дѣлся противникъ?

На это отвѣта добиться не смогли. Начальникъ заставы самъ плохо понималъ, что случилось. На заставѣ все спокойно — вотъ все, что мы узнали.

Но это не удовлетворило генерала Б. Онъ считалъ, что

---

*) Звено — 5—7 человѣкъ.

число пуль, выпущенныхъ за 40 секундъ, было такъ велико, что все „атаковавшее“ звено должно было пасть подъ огнемъ. Оставляя насъ, онъ потребовалъ отъ меня, чтобы я утромъ точно выяснилъ происшедшее и ему донесъ въ подробностяхъ.

На другой день въ 12-мъ полку все было поднято на ноги — отчего стрѣляли, гдѣ убитые нѣмцы? Послѣ длительныхъ переговоровъ я донесъ въ штабъ корпуса, что выяснилось, что передъ окопами противника бѣгала собака, которая и была нами принята за „звено“. Пулеметнымъ огнемъ собака убита...

Описанный случай свидѣтельствуетъ, что генералъ Б., насколько это касалось его личныхъ настроеній, вернулъ себѣ бодрость и спокойствіе. Но въ пониманіи современнаго боя онъ по-прежнему не былъ на высотѣ и могъ потеряться при малѣйшемъ непонятномъ для него явленіи.

Но и высшія инстанціи были далеки отъ пониманія условій окопной войны. Такъ, когда наверхъ стали поступать изъ корпуса донесенія о результатахъ развѣдывательной дѣятельности войскъ въ отношеніи расположенія и рода укрѣпленій противника, то въ штабѣ арміи почувствовалось недовольство. Однако не тѣмъ, что свѣдѣнія объ этомъ были недостаточно полны, а тѣмъ, что они исходили отъ пѣхотной и саперной развѣдки, а не были результатами развѣдки „опытнаго“ глаза офицеровъ генеральнаго штаба. Было разослано циркулярное указаніе, требующее бо́льшей работы послѣднихъ. Генералъ Б., ссылаясь на это указаніе, потребовалъ отъ начальниковъ бригадъ донесенія, когда, гдѣ и что развѣдано лично офицерами генеральнаго штаба.

Я отнюдь не за то, чтобы штабные офицеры и, въ частности, офицеры генеральнаго штаба робко сидѣли въ тылу и не примѣнялись, когда это нужно, для боевыхъ назначеній. Развѣдка офицера съ высшимъ военнымъ образованіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ чрезвычайно полезна и необходима. Но развѣдка въ междуокопномъ пространствѣ съ одной стороны не требуетъ академическихъ познаній: она производится ночью и сводится чуть ли не къ ощупыванію непріятельскихъ загражденій. Съ другой стороны, она можетъ дать полные и точные результаты только тогда, когда ведется методически каждую ночь одними и тѣми же лицами на данномъ небольшомъ кусочкѣ мѣстности. Только детально „исползавъ“ эту мѣстность, опытный развѣдчикъ точно выяснитъ мѣсто и характеръ загражденій и мѣръ охраненія противника. Только длительное и постоянное, изо-дня въ день, съ разсвѣта до темноты, наблюденіе за тѣмъ, что видно съ поля на пози-

ціяхъ противника, и, наконецъ, фотографированіе съ аэроплановъ — дадутъ полноту развѣдывательныхъ данныхъ. Во всемъ этомъ нѣтъ, обычно, мѣста личной работѣ офицеровъ штаба. Ихъ дѣло — организація всей разнообразной и сложной развѣдывательной машины и обработка добытыхъ свѣдѣній. Ощупать же самому начальнику штаба или его помощнику 2—3 кола въ непріятельскомъ загражденіи и неумѣлою рукою выстричь лично кусокъ проволоки („на память")— едва ли это что-либо дастъ въ дѣлѣ „знанія обстановки".

Однако приказъ нужно было исполнить, и мы съ Колесниковымъ въ одну морозную ноябрьскую ночь отправились „въ развѣдку".

Доѣхали верхомъ до нашей позиціи у Карльсфельде, выѣхали здѣсь за линію нашихъ проволочныхъ загражденій и двинулись по дорогѣ на дер. Брозовкенъ, лежавшую у самой проволоки противника. Вотъ Фридрихсфельде — мѣсто нашего ночлега 4-го ноября, а теперь мѣсто нашей послѣдней заставы. Тихо въѣзжаемъ мы въ этотъ занесенный снѣгомъ фольваркъ. Окрикъ въ полъ-голоса:

„Кто идетъ?".

— „Изъ штаба бригады!".

Отъ стѣнки сарая отдѣляется почти невидимый часовой и подходитъ къ намъ. Тихо сообщаемъ пропускъ.

„Гдѣ начальникъ заставы?".

— „Въ домѣ, налѣво по коридору, увидите свѣтъ въ двери".

Слѣзаемъ съ коней, идемъ по знакомому коридору. Въ щель одной изъ дверей виденъ свѣтъ. Стучимъ.

„Войди!".

Входимъ. Небольшая комната. Диванъ. Кресло. Піанино. Топится печка. Передъ нею, на корточкахъ, готовитъ себѣ яичницу начальникъ заставы — все тотъ же командиръ „георгіевской" роты, Ивановъ.

„Кого я вижу? Весь штабъ бригады у меня!" вскрикиваетъ этотъ доблестный офицеръ, ставитъ на полъ свою сковородку и бросается къ піанино.

Громкій, бравурный маршъ оглашаетъ полуразрушенный двухэтажный домъ фольварка.

Закончивъ маршъ, Ивановъ подходитъ къ Колесникову съ рапортомъ о состояніи заставы. Мы всѣ трое смѣемся. Говоримъ о цѣли нашего визита. Ивановъ начинаетъ браниться:

— „Какого черта вы тутъ сможете развѣдать? Снѣгъ и тьма. Тутъ только лучшіе мои развѣдчики могутъ разобраться.

А мнѣ придется за васъ отвѣчать, да еще моихъ людей возьмете себѣ въ конвой и зря подведете подъ убой!".

Однако капризъ армейскаго начальства надо исполнить. Мы взяли по два стрѣлка георгіевской роты, одѣли привезенные съ собой бѣлые халаты и съ винтовками въ рукахъ двинулись въ сторону противника, обѣщавъ Иванову черезъ часъ быть у него „на ужинѣ", а за этотъ часъ „жалѣть его людей".

За домомъ тянулся садъ, на его окраинѣ — полевой караулъ, расположившійся въ маленькой садовой караулкѣ, впереди нея — постъ. Часовой надере вѣ. Дальше — слабо освѣщенная луной, полуприкрытой тучами, бѣлая равнина. Ничего не видно. Полная тишина.

Здѣсь мы разошлись: Колесниковъ пошелъ къ д. Брозовкенъ, я — къ выс. 176 – лѣвой вершинѣ Брозовкенберга.

Разставаясь, Колесниковъ отдалъ мнѣ, какъ начальникъ штаба, на ухо категорическое приказаніе, ни въ коемъ случаѣ собою не рисковать.

„Мы должны быть выше чувства ложнаго самолюбія. Наши жизни нужны для настоящаго дѣла, а не для отбыванія номера".

Медленно шелъ я по подмерзшему снѣгу. Мѣстность постепенно снижалась къ болоту съ канавой. Дальше (по картѣ) должна была быть поперечная дорога Брозовкенъ—Гроссъ-Штренгельнъ, а вдоль нея, или по ней, проволочныя загражденія нѣмцевъ у самаго подножія Брозовкенберга. Хотя до начала высоты оставалось не болѣе 200 шаговъ, но въ бѣловатой мглѣ ничего не было видно. Сопровождавшіе меня стрѣлки жались ко мнѣ и или трусили, или выполняли тайное приказаніе Иванова:

„Ваше высокоблагородіе", шептали они, „не ходите дальше: здѣсь каждую минуту можно на ихній дозоръ наткнуться. Зря пропадемъ. А увидѣть — ничего не увидимъ".

Вдругъ я за что то задѣлъ ногой и упалъ. Подо мною въ снѣгу какой то твердый большой предметъ. Вмѣстѣ со стрѣлками разгребъ снѣгъ — человѣческій трупъ.

„Нашъ или нѣмецъ?".

— „Нашъ: винтовка наша, со штыкомъ".

„Возьми винтовку".

— „Винтовка подъ нимъ. Помогите его поднять, ваше высокоблагородіе".

Подняли мертвеца на ноги, но головы его не видно...

„Да мы его, ваше высокоблагородіе, на голову поставили! Держите его за ноги, а я отдеру винтовку".

Я держалъ его за сапоги въ вертикальномъ положеніи, стрѣлокъ же съ трудомъ отдиралъ примерзшую къ его спинѣ винтовку. Луна выплыла изъ-за тучъ и на мгновенье освѣтила лицо мертвеца у моихъ ногъ. Я выпустилъ изъ рукъ ноги покойника и онъ, какъ бревно, тяжело рухнулъ на землю.

„Возьми съ него погонъ".

Двинулись дальше. Еще трупъ, и еще одинъ. Подобрали такимъ образомъ еще двѣ винтовки.

Послѣ находки послѣдняго трупа прошли еще шаговъ 50. Луна стала ярче свѣтить сквозь дымку на небѣ. На снѣгу казалось совсѣмъ свѣтло, но въ сущности дальше 30—40 шаговъ ничего не было видно. Дорога и нѣмецкія загражденія должны были быть совсѣмъ близко. Можетъ быть шагахъ въ 100, не больше. Но видно ничего не было — всюду бѣловатая, освѣщенная луною мгла.

Что то вродѣ маленькаго валика или просто снѣжной сугробъ. Разойдясь, по моему приказанію, шаговъ на 10 одинъ отъ другого, мы залегли на этомъ валикѣ. Лежали минутъ 20. Мертвая тишина, нигдѣ никакого движенія.

Итти ли дальше? Конечно, пока что я еще ничего не „развѣдалъ", но, что же я сдѣлаю, если дойду хотя бы вплотную до загражденій? Находка мертвецовъ сильно уже подѣйствовала на нервы; стрѣлки мои начали мнѣ казаться ненадежными.

„Трусятъ", думалось мнѣ, „если что случится, бросятъ!".

Наконецъ, воспоминаніе о приказаніи Колесникова, мысль, что я вѣдь здѣсь не для дѣла, а лишь для выполненія формальности...

Нѣсколько минутъ внутренней борьбы... и... мы двинулись назадъ...

. . . .

На заставѣ готовился ужинъ. Появились сардинки и колбаса. Кипѣлъ чайникъ. На столикѣ виднѣлся даже флакончикъ съ коньякомъ.

Принесенные мною погоны оказались погонами 10-го Финлянскаго стрѣлковаго полка. Значитъ, найденные мною трупы остались тамъ отъ атаки 6 ноября: тогда отъ Фридрихсфельде наступалъ 10-й полкъ. Сколько ихъ лежитъ еще подъ снѣгомъ? Ивановъ обѣщалъ послать дозоръ, чтобы подобрать замѣченныя тѣла.

Вскорѣ вернулся и Колесниковъ. Гдѣ онъ былъ и, что дѣлалъ, объ этомъ онъ не сказалъ ни слова.

Сѣли ужинать. Ивановъ оказался чрезвычайно милымъ

и веселымъ человѣкомъ. Кромѣ того — музыкантъ; онъ сыгралъ намъ нѣсколько вещей. Странно было сидѣть въ полуверстѣ впереди своихъ позицій и въ 600 шагахъ отъ противника, только что переживъ далеко не салонныя ощущенія, и слушать хорошую музыку...

Въ 3 часа ночи мы простились съ хозяиномъ и, сѣвъ на коней, двинулись въ обратный путь.

„Номеръ" былъ отбытъ...

. . . .

Въ послѣдующихъ бояхъ бригады въ 1915 году, въ Галиціи штабсъ-капитанъ Ивановъ продолжалъ отличаться. Увѣренность его стрѣлковъ, будто бы его „пуля не беретъ", повидимому находила подтвержденіе. Въ концѣ лѣта онъ, уже подполковникъ и командиръ баталіона, просилъ 7-дневнаго отпуска и разрѣшенія вступить въ бракъ съ одной изъ сестеръ милосердія бригаднаго лазарета.

„Меня вѣдь все равно скоро убьютъ, не хочу умирать холостымъ", говорилъ онъ, „пусть хоть кто-нибудь пожалѣетъ!".

Черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы онъ былъ убитъ наповалъ шальною пулей.

. . . .

Въ первыхъ числахъ декабря мы разстались съ капитаномъ Колесниковымъ: онъ былъ отозванъ къ штатному мѣсту службы. Разстались мы съ нимъ, какъ со старымъ, вѣрнымъ другомъ. Я далъ ему обѣщаніе послѣ войны погостить у него въ станицѣ, на Терекѣ. Увы... Намъ не пришлось свидѣться. Какъ я говорилъ уже, онъ былъ убитъ въ гражданской войнѣ, въ лихой конной атакѣ. Во временное исполненіе должности начальника штаба бригады вступилъ я. Это исполненіе должности продолжалось недолго — всего недѣлю, но за это время произошелъ случай, на-всегда врѣзавшійся мнѣ въ память.

Какъ то вечеромъ, помнится — 7 декабря, изъ штаба корпуса былъ полученъ маленкій синій конвертъ за печатью, съ надписью: „Начальнику 3-й бригады. Въ собственныя руки". Я принялъ пакетъ отъ привезшаго его офицера, пошелъ въ комнату уже укладывавшагося спать ген. Волкобоя, передалъ его ему и ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ генералъ меня позвалъ. Я засталъ его сидящимъ на кровати съ полученной бумагой въ рукѣ и плачущимъ. Сквозь слезы онъ мнѣ сказалъ:

„Борисъ Николаевичъ, Россія погибла!".

— „Что вы говорите, ваше превосходительство! Развѣ такія слова можно говорить своему подчиненному? Успокойтесь! Въ чемъ дѣло?“.

„Читайте сами!“.

Я взялъ листокъ и прочелъ „весьма секретное“ сообщеніе о томъ, что запасъ снарядовъ легкой и горной артиллеріи въ Россіи кончился, что работа нашихъ артиллерійскихъ заводовъ не можетъ удовлетворить даже малой доли потребности арміи, что заграничные заказы не могутъ прибыть ранѣе осени 1915 года. Поэтому предписывалось сократить до minimum'а артиллерійскій огонь, такъ, чтобы въ среднемъ каждая батарея производила не болѣе *одного* выстрѣла въ сутки!

Одного выстрѣла! А у насъ, въ дни боевъ, батареи расходовали болѣе, чѣмъ по тысячѣ снарядовъ!

Смыслъ приказанія былъ понятенъ — впредь воевать безъ артиллеріи!!

Тамъ же говорилось и о недостаткѣ винтовокъ...

Я сразу и отчетливо понялъ весь ужасъ положенія: въ разгаръ небывалой войны Россія оказалась почти безоружной.

Долго молчали. Волкобой всхлипывалъ.

Наконецъ я сталъ говорить, что, конечно, это ужасно, но все же до гибели Россіи далеко. Придется, вѣроятно, отходить, можетъ быть даже проиграемъ войну, но чтобы Россія погибла, до этого еще очень далеко. Не слѣдуетъ преувеличивать...

„Нѣтъ, Борисъ Николаевичъ, говорилъ Волкобой, вы этого не понимаете. Не нѣмцы погубятъ Россію, а „онъ“, нашъ солдатъ, намъ этого не проститъ. Насъ офицеровъ всѣхъ зарѣжутъ; будетъ такая революція, какой еще міръ не видалъ! Вы не знаете нашего мужика! Да и нельзя перенести этого ужаса (онъ показалъ на полученную бумагу)! Мы всѣ погибнемъ въ ужаснѣйшемъ бунтѣ... Россіи не будетъ!“.

Я не вѣрилъ и старался, какъ могъ, его успокоить.

Это внѣшне мнѣ удалось. Но съ этого времени ген. Волкобой окончательно впалъ въ пессимизмъ.

Прошли года... И сколько разъ вспоминалъ я этотъ разговоръ и удивлялся пророческимъ словамъ Петра Мироновича. Онъ несомнѣнно нутромъ своимъ чувствовалъ то, что громадному большинству не было еще видно и понятно...

Въ душѣ каждаго, не только солдата, но и офицера, постепенно накапливалось слишкомъ много разочарованій. При этомъ, выводомъ изъ всей совокупности массы разнообразныхъ впечатлѣній являлась даже не мысль, а чувство, что

не плохія качества солдатъ и строевыхъ офицеровъ и не особая доблесть врага наносятъ намъ пораженія или ограничиваютъ наши успѣхи, а ошибки, неумѣнье и нечестность верховъ.

Но до описываемаго вечера эти впечатлѣнія касались отдѣльныхъ, хотя можетъ быть и многочисленныхъ начальниковъ. Страшная же вѣсть 7-го декабря ставила подъ подозрѣніе уже все правительство. Тогда никто не могъ разобраться въ вопросѣ, кто виноватъ въ этомъ кошмарѣ. Да спорятъ объ этомъ вѣдь и до сихъ поръ. А мы на фронтѣ тогда и не думали о виновникахъ, но мы, кто сразу, какъ Волкобой, кто позже; кто ясно, кто полубезсознательно — но всѣ мы усвоили, что обнаружилось невѣроятное преступленіе: 8 лѣтъ интенсивно готовили армію къ бою, но оружія для нея не заготовили!

Ударъ былъ тяжелъ. И думаю я, что правъ былъ Волкобой — самый тяжелый камень будущей революціи былъ положенъ этимъ въ ея основаніе! Къ нему легко уже было прикладывать другіе, поменьше...

. . . .

Вскорѣ послѣ описаннаго вечера въ бригаду прибылъ новый начальникъ штаба, какой то полубольной полковникъ. Проживъ въ Куттенъ недѣли двѣ, онъ окончательно разболѣлся, уѣхалъ лѣчиться и вскорѣ скончался.

За эти дни въ моей личной служебной дѣятельности случилось двѣ перемѣны. Во-первыхъ, примиреніе съ генераломъ Б. и, во-вторыхъ, окончательное закрѣпленіе въ штабѣ бригады.

12 декабря въ „Русскомъ Инвалидѣ“ былъ объявленъ Высочайшій приказъ, въ коемъ значилось награжденіе меня орденомъ Св. Владиміра 4 ст. за сентябрьскіе бои подъ Малиновкой. За эти же бои командиръ корпуса награждался орденомъ Св. Георгія — за взятіе германской батареи.

Дня черезъ два номеръ „Русскаго Инвалида“ дошелъ до штаба корпуса и мои бывшіе сослуживцы увѣдомили меня по телефону о награжденіи и о томъ, что это „первый Владиміръ“ въ корпусѣ.

Мнѣ захотѣлось поскорѣе надѣть отличіе. Зная изъ приказаній по корпусу, что въ этотъ день на ст. Бенкхеймъ, гдѣ находился штабъ 4-й Финляндской стрѣлковой бригады, прибудетъ вагонъ-лавка Гв. Экономическаго Общества, я отпросился у Волкобоя „въ отпускъ“ на нѣсколько часовъ и, поль-

зуясь чуднымъ морознымъ днемъ, отправился въ Бенкхеймъ верхомъ, въ сопровожденiи Семенова.

Повышенное настроенiе, отличная прогулка, заѣздъ въ штабъ 4-й бригады, — все это создало для меня въ этотъ день дѣйствительный праздникъ и я нисколько не огорчился, когда узналъ, что въ лавкѣ большой выборъ одежды и съѣстного, но знаковъ отличiя нѣтъ.

Уже стемнѣло, когда я сидѣлъ за чашкой чая въ штабѣ 4-й бригады. Вдругъ мнѣ сообщили, что меня требуютъ къ телефону на ст. Бенкхеймъ. Простился съ гостепрiимнымъ штабомъ и очень любезно меня принявшимъ ген. Селивачевымъ, и поспѣшилъ опять на станцiю. Здѣсь мнѣ сообщилъ телефонистъ, что меня ищутъ по телефоннымъ станцiямъ всего корпуса и что ищетъ — самъ командиръ корпуса. Неужели же единственная моя отлучка со службы сейчасъ же вызоветъ безобразную непрiятность, подумалось мнѣ прежде всего... Но нѣтъ, я ошибся.

Генералъ Б. сказалъ мнѣ по телефону, что онъ меня ищетъ повсюду, что бы первымъ мнѣ сообщить о награжденiи и первымъ меня поздравить! Тонъ его былъ такой душевный и искреннiй, что я рѣшилъ сейчасъ же поѣхать въ штабъ корпуса его поблагодарить и оффицiально представиться, какъ чинъ его штаба, по случаю награжденiя.

Онъ принялъ меня при многихъ офицерахъ штаба, обнялъ, расцѣловалъ и прикололъ мнѣ свой собственный орденъ Св. Владимiра, полученный имъ еще въ Японской войнѣ. При этомъ я выслушалъ отъ него много похвалъ за свою дѣятельность.

Въ штабѣ корпуса я увидѣлъ необычную тамъ прежде тишину и порядокъ. Не было тамъ уже и ген. Огородникова. Его замѣнилъ спокойный и милый въ обращенiи ген. Заринъ. Впрочемъ и новый начальникъ штаба былъ не у дѣлъ, вѣрнѣе — не у оперативныхъ дѣлъ. Послѣднiя велъ теперь „лично" командиръ корпуса съ капитаномъ Дорманомъ.

Нужное равновѣсiе и modus vivendi были найдены въ штабѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого вернулся, залѣчивъ рану, ген. штаба кап. Верховскiй. Ему надлежало занять свое мѣсто въ штабѣ 3-й бригады, а мнѣ вернуться въ штабъ корпуса. Но рана ноги еще не давала ему возможности ѣздить верхомъ, а потому онъ предложилъ мнѣ помѣняться съ нимъ должностями. Я согласился съ большою радостью и вскорѣ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба бригады. Онъ же занялъ мое мѣсто въ штабѣ корпуса.

Въ это же время, въ концѣ декабря, вмѣсто заболѣвшаго начальника штаба, въ бригаду прибылъ новый офицеръ— ген. штаба полковникъ Маркодѣевъ, который въ кампанію 1915 года и явился моимъ дѣйствительнымъ учителемъ по службѣ штаба. Это былъ совершенно исключительный по серьезности своей, знанію дѣла, спокойствію и силѣ воли человѣкъ. Онъ кончилъ войну генералъ-лейтенантомъ и командиромъ корпуса. Несмотря на свое цвѣтущее здоровье, онъ безвременно скончался въ эмиграціи.

. . . .

Скука жизни на зимовкѣ нарушалась отдѣльными эпизодами. Къ числу такихъ эпизодовъ, нашумѣвшихъ на весь корпусъ, относились переговоры съ непріятелемъ, возникшіе во 2-й Финляндской стрѣлковой бригадѣ въ началѣ декабря.

Разскажу объ этомъ случаѣ такъ, какъ тогда разсказывали, не беря на себя отвѣтственности за точность въ деталяхъ.

На фронтѣ 5-го Финляндскаго стрѣлковаго полка сближеніе съ противникомъ было значительно болѣе тѣснымъ, нежели у насъ — между окопами лежала только открытая, пологая лощинка, шириною въ 200—300 шаговъ.

Однажды, передъ темнотою, совершенно неожиданно, изъ окоповъ противника выбѣжала группа людей человѣкъ въ 30 солдатъ и съ крикомъ бросилась къ нашимъ окопамъ. Наши стрѣлки открыли огонь; всѣ нападавшіе, до послѣдняго, были перебиты и трупы ихъ остались лежать на срединѣ лощинки.

Что это была за попытка со стороны противника, мы такъ и не узнали.

Но черезъ нѣсколько дней на этомъ участкѣ въ окопахъ противника появился бѣлый флагъ, послышался сигналъ на трубѣ и появился парламентеръ-офицеръ въ сопровожденіи вооруженнаго солдата. Навстрѣчу ему, съ нашей стороны вышелъ командиръ роты, находившійся здѣсь въ окопахъ, поручикъ Малинкинъ, также въ сопровожденіи солдата. Они сошлись на серединѣ междуокопнаго пространства, представились другъ-другу и пожали руки. Нѣмецъ-офицеръ предложилъ Малинкину папиросу, а его солдатъ нашему—сигару.

Затѣмъ германскій парламентеръ передалъ словесно просьбу своего командира полка, обращенную къ русскому командиру полка, дать нѣмцамъ возможность убрать убитыхъ.

Пор. Малинкинъ отвѣтилъ, что онъ доложитъ объ этомъ своему начальству, и, что если ему будетъ разрѣшенъ вто-

ричный разговоръ, то ровно черезъ сутки онъ выйдетъ на тоже мѣсто.

На этомъ они разстались, оказывая другъ-другу возможные знаки вѣжливости.

О случаѣ было немедленно донесено въ штабъ арміи и, согласно распоряженія командующаго арміей, на другой день Малинкинъ встрѣтился съ тѣмъ же офицеромъ и собщилъ ему, что русскій командиръ полка на уборку нѣмецами убитыхъ не согласенъ, но, если нѣмцы желаютъ, то убитые будутъ погребены русскими на томъ же мѣстѣ, гдѣ они лежатъ, при условіи, конечно, что противникъ обязуется не стрѣлять Со стороны германцевъ при погребеніи могутъ присутствовать одинъ офицеръ и одинъ солдатъ.

Парламентеръ отвѣтилъ, что онъ уполномоченъ принять эти условія и дать нужныя обязательства. Тутъ же условились о подробностяхъ.

На слѣдующій день, въ 8 час. утра, въ русскихъ окопахъ былъ поднятъ бѣлый флагъ и поданъ сигналъ трубою. Нѣмцы отвѣтили тѣмъ же. Съ русской стороны въ лощину вышла команда рабочихъ съ лопатами, снесла убитыхъ въ одно мѣсто и сложила ихъ въ рядъ. Затѣмъ была вырыта могила. Когда все было готово, то съ русской стороны вышелъ поручикъ Малинкинъ со священникомъ въ облаченіи и взводъ стрѣлковъ при трубачѣ, а съ нѣмецкой — все тотъ же офицеръ и солдатъ, въ парадной формѣ. Какъ наши, такъ и нѣмецкіе солдаты, не участвовавшіе въ погребеніи, открыто вышли на свои брустверa.

Священникъ съ пѣніемъ молитвъ обошелъ погребаемыхъ и прочелъ „Отче нашъ". Взводъ отдалъ честь павшимъ врагамъ, а когда ихъ опускали въ могилу, то произвелъ установленный салютъ — три залпа вверхъ. Германскій офицеръ плакалъ. Когда погребеніе было закончено и надъ могилой водруженъ крестъ, этотъ офицеръ подошелъ къ Малинкину и чрезвычайно сердечно благодарилъ.

„Мы гордимся, что воюемъ съ рыцарями", сказалъ онъ.

Затѣмъ противники разошлись, съ обѣихъ сторонъ протрубили отбой и опустили бѣлые флаги. Не прошло и 10 секундъ послѣ того, какъ исчезъ флагъ въ нѣмецкомъ окопѣ, какъ съ русской стороны загремѣли выстрѣлы. Германцы тотчасъ отвѣчали...

Черезъ нѣсколько дней парламентеръ появился снова и передалъ все тому же Малинкину благодарность командира германскаго полка и отъ имени общества офицеровъ, съ одобренія начальства, пригласилъ офицеровъ русскаго полка на

ужинъ въ германскихъ окопахъ въ приближавшійся по новому стилю сочельникъ. Командиръ полка честнымъ словомъ гарантировалъ ихъ неприкосновенность. Малинкинъ благодарилъ, но отъ дальнѣйшихъ переговоровъ отказался.

У командира корпуса была мысль командировать на этотъ ужинъ двухъ офицеровъ 5-го полка и меня, какъ владѣющаго языкомъ, но командующій арміей запретилъ. Наоборотъ, въ эту ночь были приняты мѣры усиленнаго охраненія.

Такъ и на фронтѣ 3-й бригады рядъ сильныхъ дозоровъ былъ видвинутъ къ проволокѣ противника, слѣдствіемъ чего явился комическій случай.

Въ полночь въ штабъ бригады донесли по телефону, что однимъ изъ этихъ дозоровъ, у дер. Брозовкенъ, взятъ плѣнный. Плѣнныхъ мы уже давно не брали, что вызывало неудовольствіе на верхахъ. Поэтому я просилъ командира полка немедленно отправить этого плѣннаго въ штабъ бригады. Онъ отвѣтилъ, что отправляетъ его на подводѣ, такъ какъ онъ настолько пьянъ, что итти не можетъ.

Въ часъ ночи я опрашивалъ его и дозорныхъ. Послѣдніе показали, что, лежа съ вечера у проволоки, они слышали шумъ. веселые крики и пѣніе въ окопахъ противника. Часовъ въ 11 вечера впереди нѣмецкаго бруствера появился какой то солдатъ, который долго бродилъ у проволоки, а затѣмъ, повидимому сбившись, за опьяненіемъ, съ направленія, сталъ, бранясь, перелѣзать черезъ проволоку въ нашу сторону и вылѣзъ, изорвавъ одежду, прямо на дозоръ.

Самъ плѣнный стоялъ на вытяжку, понималъ, что онъ у русскихъ, но далеко еще не отрезвѣлъ. На мой вопросъ:

„Какъ же ты могъ такъ напиться?“ съ гордостью отвѣтилъ:

— „Прусскій солдатъ никогда не бываетъ пьянъ“.

Когда же я его сталъ распрашивать о томъ, какъ они располагаются въ своихъ окопахъ, а онъ отвѣчалъ, что они живутъ въ убѣжищахъ и по ночамъ эти убѣжища набиты до отказа, одинъ изъ нашихъ телефонистовъ, вольноопредѣляющійся, по-нѣмецки сострилъ:

„Ну, должно быть, и ѣдятъ же васъ тамъ вши!“.

Плѣнный быстро къ нему обернулся и съ запальчивостью возразилъ:

„Не станешь же ты утверждать, что у васъ ихъ нѣтъ?“.

Подъ общій смѣхъ нашей проснувшейся команды и самого плѣннаго я закончилъ этотъ веселый опросъ...

. . . .

Коснусь еще разъ отношенія нашего къ немногимъ, оставшимся на захваченной нами территоріи жителямъ и ихъ имуществу. Въ Германіи очень много говорятъ о томъ полномъ уничтоженіи жилищъ и прочаго имущества, которое произвели русскіе въ Восточной Пруссіи. Въ извѣстной мѣрѣ это правда, да и не могло быть иначе. Погромы, учиненные нами, при занятіи германскихъ городовъ и деревень, описаны выше. Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что при первомъ нашемъ вторженіи, когда жители оставались на мѣстахъ, никакихъ погромовъ и грабежей не было. Когда же, при второмъ вторженіи, жилища и все имущество оказались брошенными, то вспыхнулъ вандализмъ. Нашъ солдат по существу своему отнюдь не насильникъ. У хозяина онъ ничего не бралъ и не разорялъ. Безъ хозяина — дѣло другое. Да и трудно себѣ представить, чтобы тысячи солдатъ проводили зиму на холоду и не разобрали безъ остатка на топливо брошенныхъ людьми деревянныхъ зданій.

Съ другой стороны, въ глубокомъ тылу, въ полосѣ у русской границы, оперировали уже просто грабители, какъ русско-подданое гражданское населеніе приграничной полосы, такъ и всякіе отрицательные элементы, устроившіеся въ нашихъ тыловыхъ учрежденіяхъ. Конечно, съ этимъ надо было бы бороться, да и боролись. Но средствъ для этой борьбы было недостаточно; къ тому же дѣйствія военно-полицейскихъ органовъ были весьма затруднены именно тѣмъ, что не было хозяевъ имущества, не было такимъ образомъ жалобщиковъ и свидѣтелей.

Что касается до отношенія къ отдѣльнымъ оставшимся нѣмцамъ, то злобы съ нимъ русскій солдатъ не испытывалъ. Приведенные выше случаи свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Приведу и еще одинъ. Въ Куттенъ, около штаба бригады, находилась большая, давней постройки кирка. Мы приняли мѣры ея охраненія отъ ограбленія и оскверненія — у кирки всегда стоялъ дневальный. Правда, до его постановки кто то пытался поиграть въ киркѣ на органѣ и его поломалъ. Но никакого безпорядка тамъ не было и серебряные чаша и крестъ оставались не тронутыми на престолѣ.

Вскорѣ послѣ занятія Куттенъ, при штабѣ стали совершаться воскресныя богослуженія полковыми священниками, по очереди. Богослуженія эти совершались въ той же киркѣ, для чего, передъ лютеранскимъ престоломъ былъ поставленъ православный, походный. Стѣны кирки были къ Николину дню (праздникъ одного изъ полковъ) убраны ельникомъ.

12 декабря, въ день нѣмецкаго Рождества, двѣ древ-

нихъ старухи, о которыхъ я упоминалъ, одной за 60, другой — около 80, пытались пройти въ церковь. Дневальный ихъ задержалъ и, опасаясь, что онѣ хотятъ сигнализировать противнику съ колокольни, привелъ ихъ въ штабъ. Я разрѣшилъ пустить ихъ въ церковь. Помолившись тамъ, онѣ вернулись къ штабу и, что то старались объяснить офицерамъ. Позвали меня. Оказалось, что онѣ, растроганныя до слезъ, благодарятъ за то, что ихъ церковь не только не разорена, но даже украшена и русскіе повидимому тамъ молятся. Такъ говорила младшая изъ старухъ. Старшая же долго вычитывала мнѣ какіе то отрывки изъ псалмовъ, видимо призывая на насъ Божіе благословеніе...

Даже нѣмцененавистникъ, ген. Волкобой, былъ разстроганъ и приказалъ отпустить старухамъ чаю и сахара, а также лѣкарствъ для жившаго съ ними и расхворавшагося старика.

Долженъ однако отмѣтить, что тамъ, гдѣ по лѣснымъ хуторкамъ въ тылу нашихъ войскъ остались молодыя женщины, были и случаи тяжкихъ преступленій. Два такихъ случая опишу, но спѣшу оговориться, что, насколько я знаю и понимаю, это были гнусныя исключенія. Вообще же войска наши оказались на исключительной высотѣ по нравственности.

Рядъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ остался въ хуторахъ въ раіонѣ штаба корпуса (Будзишкенъ). До начала декабря мѣсяца все здѣсь было благополучно. Но однажды произошелъ чрезвычайно тяжелый случай. Какой то солдатъ напился и изнасиловалъ подъ-рядъ трехъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одной было всего 14 лѣтъ. Бабушка послѣдней заявила жалобу. При штабѣ корпуса были выстроены всѣ команды и, въ присуствіи прокурора корпуснаго суда, полковника ф. Раупаха, пострадавшимъ было предложено найти виновнаго. Онѣ всѣ три согласно сначала описали его форму и внѣшность, а затѣмъ и опознали. Оказался урядникъ Отдѣльнаго Оренбургскаго дивизіона. Когда его опознала и младшая изъ пострадавшихъ, то онъ выбѣжалъ изъ строя и, несмотря на окрикъ прокурора, крича: „мнѣ погибать, такъ и ты сдохнешь“, нанесъ ей два удара шашкой, къ счастью, лишь слегка ее ранивъ.

Онъ былъ преданъ суду, сознался въ изнасилованіяхъ, и былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была произведена публично.

Были выстроены всѣ ближайшія команды, привезены пострадавшія (кромѣ младшей, помѣщенной въ нашъ лазаретъ) и ихъ родственники. Пострадавшія на колѣняхъ умоляли кор-

пуснаго коменданта, подполковника Корвина-Круковскаго, о помилованіи осужденнаго, а когда увидѣли, что помилованія не будетъ, бросились лицомъ на землю и громко рыдали.

Казнь эта произвела на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе.

Въ другомъ случаѣ виновнымъ былъ офицеръ. Одинъ изъ глухихъ лѣсныхъ участковъ глубокаго тыла нашей бригады былъ въ полицейскомъ отношеніи ввѣренъ начальнику парковаго эшелона расположеннаго въ одномъ изъ хуторовъ. Къ этому офицеру явился богатый нѣмецъ, жившій съ семьей въ 1—2 верстахъ отъ этого хуторка, и просилъ защиты. По его словамъ, въ его домѣ останавливался прекрасно говорившій по-нѣмецки русскій офицеръ, очень хорошо игралъ на имѣющемся у него піанино, шутилъ съ его тремя дочерьми и говорилъ, что онъ казакъ и что его надо бояться, онъ де можетъ озвѣрѣть и увезти дѣвушекъ. Тогда это было принято за шутку, но теперь этотъ офицеръ живетъ гдѣ то въ сторонѣ, пріѣзжалъ пьяный и уже прямо приставалъ къ его дочерямъ.

Пока нашъ офицеръ выслушивалъ это заявленіе, прибѣжала одна изъ дѣвушекъ, крича, что снова пріѣхалъ ихъ знакомый, съ солдатами, и увезъ насильно ея старшую сестру.

Нашъ офицеръ поспѣшилъ на мѣсто, но ничего не могъ уже подѣлать: дѣвушки не было, не удалось установить и направленія, куда ее увезли. Черезъ недѣлю она явилась ночью, убѣжавъ отъ своего насильника, и разсказала, что онъ ей клялся, что, если она отъ него убѣжитъ, то онъ изнасилуетъ ея младшую сестру, еще почти ребенка. Изъ ея разсказа было выяснено, что преступникъ живетъ въ раіонѣ сосѣдняго корпуса (XXVI-го ?). Между тѣмъ нашъ офицеръ долженъ былъ выѣхать къ своему начальству на фронтъ. Онъ воспользовался этой поѣздкой, чтобы заѣхать въ штабъ бригады и доложить ген. Волкобою о происшествіи. За себя онъ оставилъ старшаго изъ солдатъ, бомбардира, внушивъ ему, что онъ остается „за офицера" и обязанъ дѣйствовать рѣшительно, если бы эти нѣмцы опять подверглись нападенію.

Въ ближайшую же ночь, къ штабу бригады прискакалъ солдатъ-артиллеристъ и вручилъ мнѣ на клочкѣ бумаги безграмотно написанное донесеніе. Привожу его содержаніе на память.

„Начальнику 3-й Финляндской стрѣлковой бригады

РАПОРТЪ

Сейчасъ мнѣ сообщила жительница нѣмка, что его благородіе неизвѣстный прапорщикъ, опять пріѣхавши, насилуетъ

ихнюю сестру. Я посадилъ команду на коней и поскакалъ туда галопомъ. Какъ я оставленъ за офицера, то долженъ защищать честь господъ офицеровъ, а потому я имъ запретилъ и силою помѣшалъ сдѣлать ихнее преступленіе. А какъ они шумѣли, такъ я ихъ арестовалъ, но они изъ подъ караула ушли, такъ что канониры оробѣли. Вашему превосходительству доношу и прошу помощи.

За офицера бомбардиръ Иванюкъ".

Выяснилось, что Иванюкъ съ нѣсколькими своими канонирами, на неосѣдланныхъ артиллерійскихъ лошадяхъ, прискакали во-время. Сцена, которую они застали, не можетъ быть, по непристойности, здѣсь описана. Произошла цѣлая свалка между нимъ и преступнымъ прапорщикомъ и его людьми, при чемъ Иванюкъ кричалъ:

„Я оставленъ за моего подпоручика, а потому я сейчасъ старше вашего благородія! Я буду стрѣлять!".

Слѣдствіе по этому дѣлу установило личность виновнаго: имъ оказался прапорщикъ запаса артиллеріи Фридрихсъ, не только не казакъ, но нѣмецъ родомъ и окончившій одинъ изъ германскихъ университетовъ.

Генералъ Б. хотѣлъ во чтобы то ни стало судить этого офицера, по мѣсту совершенія преступленія, судомъ нашего корпуса, и непремѣнно растрѣлять. Но командованіе сосѣдняго корпуса возражало, дѣло затянулось и не рѣшилось, до переброски нашего корпуса на другой фронтъ.

Повидимому Фридрихсъ избѣгъ кары и, какъ мнѣ кажется, въ 1918 г. находился въ Тифлисѣ.

. . . .

Рождество штабъ бригады встрѣтилъ мирно въ занесенномъ снѣгомъ Куттенъ. Въ офицерской комнатѣ штаба въ сочельникъ вечеромъ отслужили всеношную. Потомъ тамъ же зажгли елку. Офицеры и вся команда почти безмолвно смотрѣли на огоньки свѣчей, уносясь мыслями къ своимъ домашнимъ очагамъ. Потомъ офицеры сѣли за свой ужинъ, отличавшійся отъ обычнаго лишь нѣсколькими коробками консервовъ, да большей продолжительностью и сердечностью бесѣды.

Для меня лично этотъ вечеръ принесъ неожиданную радость. Во время всенощной, когда знакомые съ дѣтства мирные церковные напѣвы унесли меня въ далекую и уютную обстановку семьи, сзади, отъ телефоннаго аппарата сталъ до-

носиться голосъ Регельсона, принимавшаго по телефону изъ штаба корпуса полученную тамъ телеграмму:

„Капитану Сергѣевскому. Дѣйствующая армія. Штабъ XXII-го корпуса. Изъ Дѣйствующей арміи. 10 словъ. Подана 24 декабря...“

Это мой братъ, прапорщикъ запаса, бывшій на фронтѣ гдѣ то подъ Тильзитомъ, впервые за войну подавалъ мнѣ о себѣ вѣсть поздравленіемъ съ праздникомъ...

На святкахъ установилась санная дорога. Практическаго значенія это не имѣло, такъ какъ всѣ наши обозы были на колесахъ, но молодежь организовала катанье въ саняхъ „на тройкахъ“. Это устроилъ подпоручикъ Фабриціусъ на лошадяхъ своего, давно уже бездѣйствовавшаго*) прожекторнаго отдѣленія. Саней же, даже богато и оригинально украшенныхъ, было найдено въ Куттенъ достаточное количество.

Помнится въ Крещенье, пріѣхалъ къ намъ въ штабъ бригады предсѣдатель корпуснаго суда ген.-м. Донъ. Старику давно хотѣлось, во-первыхъ, вырваться хоть на денекъ изъ скучнаго Будзишкенъ, поиграть въ винтъ, а, во-вторыхъ, побывать въ передовыхъ линіяхъ, въ раіонѣ огня.

„Стыдно генералу быть участникомъ Великой войны и не побыть подъ огнемъ“,говорилъ онъ.

И вотъ случай представился, да еще — „по службѣ“.

Въ извѣстномъ уже читателю Фридрихсфельде совершилось серьезное воинское преступленіе: среди бѣла дня полевой караулъ, отъ котораго мѣсяцъ передъ тѣмъ мы съ Колесниковымъ повели нашу „развѣдку“, въ полномъ составѣ явился на заставу, т. е. въ домъ Фридрихсфельде, крича, что на него напали нѣмцы. Застава бросилась черезъ садъ къ караулкѣ, но никакихъ нѣмцевъ не нашла. Болѣе того, часовой на деревѣ и подчасокъ у его основанія были на мѣстахъ и противника не видали. Между тѣмъ, въ 50-ти шагахъ позади въ караулку будто бы ворвалось нѣсколько германцевъ, при чемъ застигнутому врасплохъ караулу будто бы удалось бѣжать черезъ окно.

Случай былъ совершенно необъяснимъ. Вѣрнѣе всего, что здѣсь имѣлъ мѣсто оригинальный психозъ — пятерымъ чинамъ караула причудилось нападеніе, на дѣлѣ вовсе не имѣвшее мѣста. Между тѣмъ полковое начальство усмотрѣло въ этомъ происшествіи побѣгъ караула съ поля сраженія, пре-

---

*) Наши слабые прожектора не приносили пользы и перестали примѣняться.

дало его чиновъ корпусному суду и имъ всѣмъ, а начальнику караула во всякомъ случаѣ, грозила смертная казнь.

Генералъ Донъ хотѣлъ лично осмотрѣть мѣсто совершенія преступленія, чтобы соотвѣтственнымъ образомъ направить дѣло въ судебномъ засѣданіи.

День мы провели съ нашимъ превосходительнымъ гостемъ за винтомъ и дружеской бесѣдой. Онъ явно испытывалъ то же чувство, которое и я когда то испыталъ, хотя и въ значительно болѣе трудной обстановкѣ, попавъ впервые изъ нуднаго корпуснаго штаба въ дѣловой и дружескій штабъ 3-й бригады: онъ говорилъ, что впервые за всю войну отдыхаетъ у насъ душою, и былъ веселъ, какъ юноша...

Въ 10 часовъ вечера Фабриціусъ доложилъ, что экипажъ для предсѣдателя корпуснаго суда поданъ. Мы, т. е. ген. Донъ, командиръ саперной роты Бошенятовъ, Фабриціусъ и я, одѣли полушубки и папахи и вышли на крыльцо. Передъ нами стояли большія удобныя сани съ рѣзною спинкой. Тройка сытыхъ вороныхъ коней, запряженныхъ по-русски, съ дугой*), унтеръ-офицеръ—прожектористъ за ямщика, на запяткахъ два сапера, съ винтовками за спиною.

Мы сѣли, и сани понеслись подъ звонъ бубенчиковъ... Только русскій колокольчикъ отсутствовалъ...

Черезъ нѣсколько минутъ быстрой ѣзды по тонувшей во мракѣ снѣжной пустынѣ мы были въ Гембалкенъ, въ штабѣ 10-го Финляндскаго стрѣлковаго полка. Короткій разговоръ съ его командиромъ и мы поѣхали дальше. Бубенчики были уже сняты... Вотъ справа очертанія хорошо знакомаго лѣса, вотъ мы на линіи нашихъ укрѣпленій... Короткая остановка. Мы съ Бошенятовымъ разсказываемъ генералу о роли и устройствѣ окоповъ и проволочныхъ загражденій... Затѣмъ снова впередъ, въ проходъ между полосами кольевъ и проволоки и дальше по почти непроторенной дорожкѣ къ Фридрихсфельде. Здѣсь мы двигались уже медленнѣе и осторожнѣе. Но вотъ зачернѣли строенія фольварка и мы въѣхали во дворъ.

Бесѣда съ начальникомъ заставы, обходъ и осмотръ, поскольку позволяла темнота, караулки, сада и мѣстности на его окрайнѣ... Служебная часть поѣздки окончена.

Ген. Донъ распрашиваетъ, что впереди.

„Секреты или, вѣрнѣе, отдѣльные посты подъ самой проволокой противника. Тамъ сдѣланы маленькіе окопчики, а къ нимъ мѣстами ходы сообщенія“.

---

*) Ее, не безъ труда, добылъ Фабриціусъ „изъ Россіи“.

„Я хочу дойти до секрета“, заявляетъ его превосходительство.

Начальникъ заставы отговариваетъ, но генералъ не уступаетъ, да и Фабриціусъ, не разъ бывавшій въ проволокѣ противника и даже за нею, его поддерживаетъ.

Въ результатѣ, въ сопровожденіи 2—3 стрѣлковъ съ заставы, генералъ и три офицера оказываются въ узкомъ ходѣ сообщенія, начинавшемся шагахъ въ ста отъ окраины сада, и доходятъ до окопчика. Онъ глубоко врытъ подъ скатъ выступа Брозовкенберга, выдающагося на востокъ въ средней части высоты. Проволоки противника не видно, но Фабруціусъ шопотомъ докладываетъ, что она прямо надъ гребнемъ окопчика и, что до выдвинутаго впередъ окопа противника никакъ не больше 60 шаговъ.

Стрѣлки, оказывается, принесли съ собой два снопа соломы, „чтобы генералу было на чемъ посидѣть“. Мы усаживаемся на ней, прислонившись спинами къ обрытому скату и... генералъ закуриваетъ сигару. Куренье строго запрещено въ охраненіи, но кто будетъ судить самого предсѣдателя корпуснаго суда?!

Съ полъ-часа просидѣли мы въ уютномъ окопчикѣ и затѣмъ благополучно вернулись на заставу. Полная тишина царила между позиціями враговъ. Даже обычныхъ освѣтительныхъ ракетъ не бросали нѣмцы.

Но вотъ мы усѣлись снова въ свои сани во дворѣ Фридрихсфельде. Саперы и Фабриціусъ что то возятся около лошадей...

— „Готово!“ Кричитъ Фабриціусъ, вскакивая въ сани.

Лошади рванули, мы полнымъ ходомъ вылетѣли изъ фольварка... подъ звонъ настоящаго „почтоваго“ колокольчика!

Гдѣ то за нами, освѣщая снѣжную равнину, загорѣлись нѣмецкія ракеты, мы же во весь опоръ застоявшейся тройки неслись къ своей проволокѣ...

Едва ли въ Міровую войну кто-либо изъ генераловъ, кромѣ военнаго судьи Дона, разъѣзжалъ въ междуокопномъ пространствѣ на тройкѣ съ колокольчикомъ!..

. . . .

Чуть ли не на слѣдующій день былъ полученъ приказъ о смѣнѣ частей XXII-го арм. корпуса другими частями и о выводѣ его къ Лыку, Граеву и Сувалкамъ для погрузки на желѣзную дорогу и переброски на другой фронтъ, по слухамъ, къ Млавѣ.

Эта смѣна состоялась 9—10 января 1915 года и намъ суждено было оставить Восточную Пруссію какъ разъ наканунѣ перехода противника въ наступленіе и катастрофы нашей Х-ой арміи.

Но мы — финляндскіе стрѣлки — простились съ германской территоріей еще какъ побѣдители...

XII. НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ ТЫЛУ.

На тыловыхъ путяхъ. Подвигъ шоффера. Грозное тыловое начальство. Веселый обѣдъ. Монашескій идеалъ воина. Послѣднія восточно-прусскія впечатлѣнія. Къ дѣлу Мясоѣдова.

Пользуясь смѣной частей и предстоящимъ 3-дневнымъ маршемъ бригады къ Граеву, я испросилъ себѣ небольшой отпускъ въ Вильну. Конечно, оффиціально это былъ не отпускъ (отпуска были разрѣшены много позднѣе), а командировка „за пріобрѣтеніемъ телефоннаго имущества". Попутно мнѣ было поручено провести къ штабу арміи въ Маркграбово оба штабныхъ автомобиля, выводъ которыхъ прямо отъ Куттенъ на Граево, по занесеннымъ глубокимъ снѣгомъ ненаѣзженнымъ (онѣ шли въ пересѣчку тыловыхъ путей сосѣднихъ корпусовъ) дорогамъ былъ очень труденъ.

Но и мнѣ пришлось основательно повозиться съ ними. Особенно трудно было въ одной изъ деревень (вѣроятно — Лиссенѣ), гдѣ скопились огромные сугробы снѣга. По счастью, въ ближайшихъ домахъ, какъ и вездѣ брошенныхъ жителями, мы разыскали нѣсколько большихъ деревянныхъ лопатъ, послѣ двухчасовой работы которыми, намъ (двумъ шофферамъ и мнѣ) удалось расчистить проѣздъ. Выѣхавъ изъ Куттенъ въ два часа дня, я съ трудомъ добрался до Маркграбова, выбирая лучшія дороги, черезъ Альтъ-Бодшвингенъ, уже въ темнотѣ. Оставивъ здѣсь одну изъ машинъ, я на другой выѣхалъ на Рачки—Сувалки. Но доѣхать даже до границы мнѣ не удалось. Дороги здѣсь оказались мало наѣзженными, такъ какъ подвозъ всего необходимаго для арміи шелъ до Маркграбова по желѣзной дорогѣ*), намъ приходилось все время итти по глубокому снѣгу, и въ 9 километрахъ отъ Маркграбова мой фордъ сдалъ — сломалась ось. Отправилъ

*) Если не ошибаюсь, была сооружена полевая жел. дорога отъ Сувалокъ до самого Маркграбова.

шоффера Николаева пѣшкомъ въ Маркграбово за второй машиной. Часа черезъ три двинулся дальше, но добравшись до какой то деревни и распросивъ оказавшихся въ ней русскихъ крестьянъ-повозчиковъ, я рѣшилъ двигаться дальше на саняхъ. Одинъ изъ крестьянъ взялся доставить меня на лошадяхъ въ Сувалки, къ ночному поѣзду на Вильну. Автомобиль же пошелъ назадъ, выручать поломаннаго товарища и тащить его въ Маркграбово, гдѣ стояла цѣлая автомобильная рота*) и имѣлись автомобильныя мастерскія.

Не буду описывать своего 3-дневнаго пребыванія въ Вильнѣ — встрѣчу съ выѣхавшими сюда родными, приведеніе себя въ культурный видъ, посѣщеніе нѣкоторыхъ знакомыхъ. Всѣ эти тыловыя переживанія не имѣютъ общественнаго интереса.

13-го января я выѣхалъ въ Бѣлостокъ: тамъ предполагалъ я выждать подхода со стороны Граева эшелона со штабомъ 3-й Финляндской бригады. Въ поѣздѣ, шедшемъ изъ Петербурга въ Варшаву, я встрѣтилъ человѣкъ 10 офицеровъ полковъ бригады, лѣчившихся въ Финляндіи отъ ранъ и теперь возвращавшихся группою къ своимъ полкамъ черезъ Ораны на Сувалки и Маркграбово. Мое появленіе въ по-

---

*) Позднѣе мы узнали (уже находясь въ Галиціи), что при спѣшномъ отходѣ изъ Маркграбова штаба X-ой арміи, тамъ были брошены всѣ 50 машинъ этой авто-роты, т. к. было признано невозможнымъ вывезти ихъ, ввиду снѣговыхъ заносовъ. Наша неповрежденная машина прошла благополучно въ Граево къ посадкѣ бригады еще до начала отхода частей X-ой арміи. Поломанную машину, оставшуюся въ Маркграбовѣ, мы считали погибшей, и были чрезвычайно удивлены, когда, мѣсяца черезъ три, шофферъ Николаевъ прибылъ на ней къ намъ въ Карпаты. Оказалось, что въ то время, когда растерявшееся авто-начальство X-ой арміи жгло или бросало въ Маркграбовѣ все свое первоклассное имущество, шофферъ Николаевъ, связалъ двое крестьянскихъ дровней, поставилъ на нихъ свою поломанную машину, силой оружія заставилъ бывшихъ въ Маркграбовѣ русскихъ повозчиковъ впречь своихъ лошадей и благополучно довезъ свой грузъ конной тягой до Гродны! И это въ то время, когда край уже захватывался германцами и, когда тутъ же погибали русскія коллонны и цѣлый корпусъ (XX-й) почти цѣликомъ былъ взятъ въ плѣнъ! Затѣмъ Николаевъ перевезъ автомобиль въ Львовъ, добился того, что его тамъ вычинили, и въ апрѣлѣ прибылъ въ штабъ бригады.

Да не подумаетъ читатель, что героическаго шоффера ждали высокія награды!

Не хочется и писать о безобразной сценѣ, которая разыгралась, когда ген. Волкобой увидѣлъ Николаева подъѣхавшимъ на своемъ автомобилѣ къ нашему штабу въ ущельѣ Карпатъ...

Но это событіе уже относится къ „1915-му" году и здѣсь затронуто лишь для того, чтобы отмѣтить дѣятельность въ Восточной Пруссіи послѣдняго финляндскаго стрѣлка.

ѣздѣ оказалось для нихъ, какъ нельзя блоѣе кстати—они избѣжали ненужной уже и крайне тяжелой поѣздки въ Маркграбово и послѣдующихъ розысковъ своихъ, куда то ушедшихъ полковъ. Конечно, мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Бѣлостокъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ сопровождали жены, надѣявшіяся хоть украдкой взглянуть на фронтъ. По дорогѣ мы быстро сошлись въ обмѣнѣ новостями и впечатлѣніями. Дамы пришли въ радостное настроеніе при мысли, что онѣ смогутъ провести еще нѣкоторое время со своими мужьями и, что послѣднимъ на первыхъ порахъ предстоитъ переброска, а не бои... т. е. что моментъ начала опасностей отдаляется... Подъѣзжая къ Бѣлостоку, мы рѣшили всѣ встрѣтиться за обѣдомъ въ лучшей гостинницѣ города. Я обѣщалъ сообщить имъ къ этому времени свѣдѣнія о времени прохода ихъ полковъ. которыя я надѣялся получить у коменданта станціи.

Пока на вокзалѣ ст. Бѣлостокъ я разыскивалъ этого коменданта, вся финляндская группа успѣла уѣхать въ городъ. Между тѣмъ я узналъ, что, во-первыхъ, эшелоны XXII-го корпуса не идутъ и не пойдутъ черезъ Бѣлостокъ, что они ожидались на сосѣдней (узловой) станціи Старосельцы, а, во-вторыхъ, что намѣченная перевозка почему то остановлена и, хотя, повидимому, и не оставлена совсѣмъ, но ожидается какое то крупное измѣненіе. Мнѣ и офицерамъ-финляндцамъ въ этомъ случаѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ выжидать въ Бѣлостокѣ, пославъ по телеграфу куда то въ невѣдомое пространство — въ „Дѣйствующую армію“ — запросъ своему начальству.

Такъ я и сдѣлалъ, т. е. послалъ телеграмму начальнику штаба бригады и отправился въ городъ искать себѣ ночлега. Извозчикъ отвезъ меня въ недалеко отъ вокзала расположенную отвратительную гостинницу, гдѣ не оказалось никого изъ моихъ спутниковъ-офицеровъ, и управляющій которой пустилъ меня въ номеръ лишь послѣ твердаго обѣщанія, что я сегодня же получу отъ начальника гарнизона письменное разрѣшеніе на ночлегъ. При этомъ онъ что то твердилъ о строгости этого тылового громовержца. Я, самоувѣренный „генштабъ“ съ фронта, не придалъ этимъ словамъ никакого значенія и спокойно пошелъ въ городъ дѣлать покупки и по пути прописать свое удостовѣреніе въ комендантскомъ управленіи. Въ послѣднее я попалъ около 5 часовъ вечера. Комендантскій писарь заявилъ мнѣ, что безъ начальника гарнизона онъ не можетъ прописать моего удостовѣренія и выдать разрѣшенія на ночлегъ, безъ каковаго меня не пустятъ ночевать ни въ одну гостинницу города. Начальникъ же

гарнизона принимаетъ только въ служебные часы. Иначе говоря, офицеръ, прибывшій въ Бѣлостокъ послѣ 4 часовъ не можетъ уже получить права ночлега въ городѣ. Гдѣ же начальникъ гарнизона? — Его превосходительство проживаетъ въ такой то гостинницѣ.

Я отправился туда. Лучшая и, дѣйствительно, отличная гостинница. Въ вестибюлѣ солдатъ-ординарецъ. Я приказалъ ему доложить о себѣ начальнику гарнизона. Несмотя на скептическое отношеніе къ моей просьбѣ какъ ординарца, такъ и швейцара, я былъ принятъ.

Меня провели въ особую, пріемную комнату отеля, въ открытыя двери которой виднѣлся столовый залъ, роскошно накрытый столъ и мои знакомцы — финляндскіе стрѣлки, какъ разъ усаживавшіеся обѣдать.

Вошелъ высокій и очень строгаго вида генералъ-маіоръ пограничной стражи. Я ему отрапортовалъ по уставу и подалъ свое удостовѣреніе, въ коемъ за подписью генерала Волкобоя значилось, что я командированъ въ Вильну за телефоннымъ имуществомъ. Генералъ любезно подалъ мнѣ руку и просилъ сѣсть. Мы усѣлись въ удобныя кресла и генералъ погрузился въ изученіе моего документа.

— „Чего же вы отъ меня хотите, капитанъ?“.

Я объяснилъ, что XXII-й корпусъ перебрасывается по жел. дорогѣ, что въ его перевозкѣ за время моей командировки произошли какія то измѣненія, что мною посланъ телеграфный запросъ, куда слѣдуетъ прибыть мнѣ и другимъ офицерамъ 3-й Финляндской стрѣлковой бригады, и что, до полученія отвѣта, у меня нѣтъ другого выхода, какъ задержаться и, прежде всего переночевать въ Бѣлостокѣ.

— „Вотъ этого то я вамъ и не могу разрѣшить: въ вашемъ удостовѣреніи сказано, что вы командированы въ Вильну, а не въ Бѣлостокъ“.

„Я былъ уже въ Вильнѣ, ваше превосходительство; это отмѣчено на моемъ удостовѣреніи. Нынѣ я возвращаюсь къ своему штабу. Комендантъ станціи можетъ удостовѣрить, что наши части дѣйствительно подлежатъ перевозкѣ и будутъ проходить черезъ Старосельцы“.

— „Это для меня безразлично. У васъ въ документѣ не указано Бѣлостока. Поэтому я вамъ не разрѣшаю не только ночевать въ Бѣлостокѣ, но даже вообще здѣсь оставаться. Потрудитесь сію же минуту покинуть городъ“.

„Начальникъ моей бригады мнѣ приказалъ присоединиться къ штабу на пути его переброски. Путь этотъ измѣненъ въ направленіи, которое пока мнѣ неизвѣстно. Указаніе, куда слѣ-

довать мнѣ и другимъ нашимъ офицерамъ, придетъ въ Бѣлостокъ. Куда же намъ теперь ѣхать, если вы не разрѣшите намъ здѣсь оставаться?".

— „Какимъ это другимъ офицерамъ?".

„Вотъ этимъ, которые здѣсь обѣдаютъ".

Генералъ обернулся, увидѣлъ большой столъ, занятый финляндцами, и уже загремѣлъ:

— „Какъ? Они до сихъ поръ не выѣхали изъ Бѣлостока? Я имъ, кажется, категорически приказалъ немедленно выѣхать на вокзалъ! А теперь и вы еще являетесь! Да что же это за безобразіе! Капитанъ, потрудитесь, разъ это, какъ вы говорите, „ваши" офицеры, имъ сейчасъ же передать мое приказаніе прекратить обѣдъ и немедленно оставить гостиницу и городъ. Иначе я ихъ всѣхъ арестую!".

Пришлось мнѣ итти къ обѣдающимъ и передать имъ грозное приказаніе. Они всѣ вмѣстѣ со мной двинулись въ пріемную и окружили генерала. Однако никакіе доводы и просьбы не помогали. Супъ остывалъ на столѣ. Оставшіяся за столомъ дамы волновались, а генералъ бушевалъ...

„Вы направлены, господа, въ ваши части, находящіяся на фронтѣ. Какъ же смѣете вы самовольно оставаться вь Бѣлостокѣ и здѣсь обѣдать?".

Одинъ изъ офицеровъ нашелся:

„Мы здѣсь вовсе не самовольно, ваше превосходительство. Мы слѣдовали на Сувалки—Маркграбово, но встрѣченный нами въ пути начальникъ штаба бригады намъ приказалъ ѣхать въ Бѣлостокъ, и, по пріѣздѣ сюда, ожидать его въ гостинницѣ и заказать для него обѣдъ".

— „Это еще что за новости? Какой начальникъ штаба?".

„Да вотъ, капитанъ генеральнаго штаба Сергѣевскій!".

Генералъ опѣшилъ. Я поспѣшилъ ему объяснить, что я дѣйствительно исполнялъ должность начальника штаба въ то время, когда эти офицеры были ранены въ бояхъ, да и теперь, разъ самъ начальникъ штаба отсутствуетъ, то я со стороны чиновъ полковъ бригады совершенно правильно разсматриваюсь, какъ его замѣститель.

Начальникъ гарнизона задумался.

— „Словесныя распоряженія меня не касаются", заявилъ онъ наконецъ, „разъ у васъ нѣтъ письменнаго документа, то потрудитесь ..."

„Письменный докуметъ имѣется, ваше превосходительство", возразилъ я, и, вынувъ изъ кармана полевую книжку, тутъ же, на глазахъ генерала, написалъ предписаніе:

„Группѣ подполковника Храневича (фамилія старшаго изъ офицеровъ)

Начальникъ 3-й Финляндской стрѣлковой бригады приказалъ группѣ прибыть въ Бѣлостокъ и ожидать его дальнѣйшихъ распоряженій.

За начальника штаба, капитанъ Сергѣевскій“.

Почва окончательно оказалась выбитой изъ подъ ногъ суроваго исполнителя закона. Онъ долго разсматривалъ только что написанный мною „документъ“ и наконецъ объявилъ:

— „Подполковникъ Храневичъ, донесите мнѣ рапортомъ о прибытіи ввѣренной вамъ группы офицеровъ въ Бѣлостокъ и получите въ комендантскомъ управленіи мое распоряженіе объ отводѣ вамъ квартиръ. Но вы, капитанъ Сергѣевскій, не имѣете законнаго документа и потому повторяю вамъ мое категорическое приказаніе выѣхать изъ Бѣлостока!“.

„Подполковникъ Храневичъ“, обратился я къ счастливому обладателю „документа“, „начальникъ бригады вамъ приказалъ временно прикомандировать меня къ ввѣренной вамъ группѣ. Благоволите включить меня въ списокъ ея чиновъ, который вы представите начальнику гарнизона“.

Храневичъ взялъ у меня полевую книжку и карандашъ и тутъ же написалъ требуемый рапортъ и, на оборотѣ его, „списокъ чиновъ группы“, въ коемъ значилась и моя фамилія.

— „Вотъ видите, господа“, нравоучительно закончило нашу оригинальную бесѣду грозное начальство, „если бы вы своевременно выполнили требуемыя закономъ формальности, то вашъ обѣдъ не остылъ бы. Теперь все въ порядкѣ. Можете оставаться въ городѣ!“.

Вѣжливый поклонъ, и начальство съ важностью удалилось. Мы поспѣшили къ столу и я долженъ засвидѣтельствовать, что никогда за всю войну я не видѣлъ болѣе веселаго обѣда.

Мы сидѣли еще за столомъ, когда явился комендантскій писарь и вручилъ намъ 11 удостовѣреній на право трехдневнаго пребыванія въ Бѣлостокѣ, „на основаніи предписанія начальника штаба 3-й Финляндской стрѣлковой бригады отъ сего числа за № . . .“

. . . .

На другой день я получилъ отвѣтъ изъ штаба бригады: мнѣ приказывалось прибыть въ Граево, офицерамъ полковъ — ожидать распоряженій своихъ командировъ.

Я выѣхалъ черезъ Осовецъ въ Граево и въ тотъ же день, 14 января, вечеромъ, разыскалъ свой штабъ, занимавшій крестьянскій домъ на шоссе, у самой границы, какъ разъ

въ томъ мѣстѣ, гдѣ я 25 августа впервые переѣзжалъ на германскую территорію. Такимъ образомъ для меня географически замкнулся кругъ „кампаніи 1914 года".

Нѣсколько словъ объ упомянутомъ мною подполковникѣ Храневичѣ. Этотъ чрезвычайно скромный, честный офицеръ когда то вмѣстѣ со мною окончилъ Военную Академію, но не былъ причисленъ къ генеральному штабу. Мнѣ такъ живо врѣзались въ память чрезвычайно симпатичные образы его и его супруги на веселомъ обѣдѣ въ Бѣлостокѣ. Черезъ нѣсколько дней, въ Галиціи, когда его 10-й Финляндскій стрѣлковый полкъ только еще вступалъ въ боевую линію, онъ подошелъ къ командиру полка, чтобы получить отъ него задачу своему баталіону и упалъ къ его ногамъ мертвымъ, мгновенно сраженный пулею въ сердце.

Уже второй разъ отмѣчаю я здѣсь, что офицеръ, только что вернувшійся изъ отпуска, немедленно гибнетъ на полѣ сраженія. Такихъ случаевъ мнѣ извѣстно очень много. Тогда уже офицеры обратили на это вниманіе и частенько приходилось слышать въ средѣ строевыхъ офицеровъ:

„Ну, поѣхалъ къ семьѣ! Значитъ скоро убьютъ!".

Съ другой стороны существовалъ у многихъ офицеровъ, въ особенности у казаковъ, взглядъ, что на войнѣ воинъ — монахъ. У него нѣтъ ни семьи, ни связей. Онъ обязанъ блюсти заповѣдь цѣломудрія. Нарушителя судьба караетъ немедленной смертью. Я помню, какъ во время октябрьскихъ боевъ эту мысль мнѣ развивалъ Колесниковъ. Чѣмъ то средневѣковымъ, рыцарскимъ или запорожскимъ (впрочемъ, запорожцы вѣдь тоже были „лыцари") вѣяло отъ его словъ.

Кто знаетъ, можетъ быть это — законъ войны, одинъ изъ тѣхъ необъяснимыхъ законовъ, которые иногда поражаютъ раціоналистическій умъ современнаго человѣка.

. . . .

Въ штабѣ бригады я узналъ, что перевозка корпуса чѣмъ то задержана. Наши полки уже прибыли къ станціямъ погрузки. Подвижные составы также были поданы. Но погрузка не начиналась.

Нѣсколько дней мы прожили въ Граевѣ. Дѣла не было никакого. Гуляли по занесенному снѣгомъ шоссе взадъ и впередъ — „за-границу" и „въ Россію". Когда то это мѣсто меня поразило рѣзкимъ переходомъ отъ бѣдной русской деревни къ германскому Гроссъ-Простkенъ, съ его каменными зданіями и желѣзными рѣшетками. Теперь впечатлѣніе было обратное: русская деревня была населена; дымки, поднимав-

шіеся изъ трубъ ея домовъ, говорили о теплѣ и уютѣ; Гроссъ-Простkенъ представлялъ изъ себя полузанесенную снѣгомъ груду развалинъ; высоко поднимались полуразрушенныя стѣны каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ или высокіе дымоходы; все деревянное давно уничтожилъ огонь. Офицеры, побывавшіе въ эти дни въ Лыкѣ, разсказывали, что и весь этотъ, когда то чистенькій и веселый городокъ представлялъ изъ себя груду безобразныхъ развалинъ...

. . . .

Наконецъ пришло приказаніе грузиться. Не помню числа (вѣроятнѣе всего — 18-го или 19-го), когда штабъ бригады погрузился на станціи Гроссъ-Просткенъ, до которой доходила русская колея. Эшелонъ нашъ отходилъ передъ темнотою. Мы стояли на платформѣ. Окружавшая картина какъ нельзя лучше характеризовала результаты перваго акта трагедіи, названной Міровою войной. Холодъ и снѣгъ. Кругомъ безжизненныя развалины каменныхъ зданій. Какія то причудливо-разорванныя облака несутся по небу со стороны фіолето-багроваго заката. Оттуда же, или, можетъ быть, съ сѣверо-запада — толкомъ не разобрать — доносится грохотъ только-что начавшейся канонады...

Сигналъ на трубѣ... Свистъ паровоза... Мы на-всегда прощаемся съ Восточной Пруссіей! Но прощальные звуки артиллерійскаго огня порождаютъ въ душѣ безпокойство: мы уходимъ, а за нами начинается бой... Но про то должно вѣдать высшее начальство!

За нѣсколько дней до начинавшейся катастрофы уводился опять, какъ когда то въ концѣ августа, изъ своего наивыгоднѣйшаго флангового положенія у Граева корпусъ Финляндскихъ стрѣлковъ!

Стучали колеса уже на русской землѣ и уносили насъ къ мѣстамъ нашихъ страданій 1915-го года.

Кампанія 1914 года для насъ была окончена...

. . . .

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ воспоминаній мнѣ не придется уже возвращаться къ Восточной Пруссіи и къ разыгравшейся здѣсь, вслѣдъ за нашимъ уходомъ, катастрофѣ. Поэтому позволю себѣ привести нѣкоторыя небольшія данныя, которыя дадутъ, быть можетъ, историку лишнюю черточку въ разъясненіи причинъ этой катастрофы.

Послѣ нея въ арміи установилось ходячее мнѣніе, не знаю — насколько правильное, что значительная роль въ нашемъ несчастьѣ принадлежитъ подполковнику Мясоѣдову,

громкій процессъ котораго, завершившійся признаніемъ его виновнымъ въ измѣнѣ и его смертною казнью, всѣмъ хорошо извѣстенъ.

Еще задолго до войны, въ 1907 или 1908 году, я слышалъ отъ своего сосѣда по имѣнію въ Псковской губерніи, жандармскаго офицера А. Д. Веденяпина, котораго я считалъ и продолжаю считать безусловно честнымъ человѣкомъ, что его сослуживецъ по жандармскому отдѣленію на станціи Вержболово, ротмистръ Мясоѣдовъ, крайне ему подозрителенъ, такъ какъ живетъ выше средствъ, а долговъ не имѣетъ. Спустя нѣкоторое время Веденяпинъ былъ назначенъ начальникомъ Вержболовскаго отдѣленія и добился увольненія Мясоѣдова отъ должности и вообще изъ корпуса жандармовъ. Какъ онъ говорилъ мнѣ, у него были неоспоримыя доказательства связи Мясоѣдова съ германской развѣдкой. Но въ тоже время онъ говорилъ и о трудности борьбы съ Мясоѣдовымъ, ввиду близости жены послѣдняго, носившей въ дѣвичествѣ не то нѣмецкую, не то еврейскую фамилію, съ женой военнаго министра, ген. Сухомлинова. Вскорѣ послѣ этого второго моего разговора съ Веденяпинымъ, Борисъ Суворинъ въ своемъ „Вечернемъ Времени" огласилъ фактъ увольненія Мясоѣдова изъ корпуса жандармовъ по подозрѣнію въ измѣнѣ и о назначеніи его, несмотря на это, въ канцелярію военнаго министерства. Вслѣдъ за симъ послѣдовалъ извѣстный громкій скандалъ: запросъ въ государственной думѣ, оскорбленіе Суворина Мясоѣдовымъ, ихъ дуэль, несостоявшаяся ввиду того, что мѣсто и время ея были заранѣе извѣстны полиціи...

Тотъ же самый Мясоѣдовъ, уже въ чинѣ подполковника, оказался осенью 1914 года на службѣ въ штабѣ Х-ой арміи, да еще, какъ я слышалъ, въ должности начальника контръ - развѣдывательнаго отдѣленія, имѣющаго задачей борьбу со шпіонажемъ противника. И будучи на этой должности, онъ самъ оказался центромъ германскаго шпіонажа!

Будь живъ полковникъ Веденяпинъ, этого назначенія Мясоѣдовъ вѣроятно бы не получилъ. Но Веденяпина уже не было въ живыхъ. Онъ застрѣлился сразу послѣ объявленія войны. Попутно коснусь и его смерти. Опишу ее по разсказу его жены.

Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ объявленіи войны полк. Веденяпинъ эвакуировалъ ст. Вержболово и прибылъ со своимъ управленіемъ въ Ковну. Генералъ Ренненкампфъ вызвалъ его лично изъ Вильны къ телефону и назвалъ трусомъ и предателемъ. Веденяпинъ въ ту же ночь застрѣлился, отправивъ предварительно письмо своей женѣ, находившейся

въ имѣніи, гдѣ пишетъ, что онъ эвакуировалъ станцію по приказанію свыше, переданному ему по телефону отлично ему извѣстнымъ жандармскимъ офицеромъ. Когда же, послѣ разговора съ ген. Ренненкампфомъ, онъ обратился къ этому офицеру, то послѣдній ему со смѣхомъ отвѣтилъ:

— „Я объ этомъ ничего не знаю. Вылѣзайте теперь изъ этой исторіи, какъ хотите".

Г-жа Веденяпина передала предсмертное письмо мужа судебнымъ властямъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла мнѣ неизвѣстенъ.

Я не хочу дѣлать никакихъ выводовъ изъ этихъ послѣднихъ фактовъ. Оффиціальные выводы сдѣланы уже давно судебными приговорами и надъ Мясоѣдовымъ, и надъ Сухомлиновымъ. Но историку придется еще не разъ задумываться надъ этими, и аналогичными имъ фактами.

Я задалъ бы только одинъ вопросъ: если бы русскимъ верховнымъ главнокомандующимъ въ Міровую войну былъ назначенъ не великій князь Николай Николаевичъ, а, какъ того добивались нѣкоторые круги, — генералъ Сухомлиновъ, то какую бы тогда должность занималъ подполковникъ Мясоѣдовъ и насколько тогда легче была бы задача германской развѣдки?

Совсѣмъ не важно, что этотъ вопросъ задается теперь, въ 17-ю годовщину начала войны, а важно то, что его многіе задавали уже и тогда, въ преддверіи „великаго отхода" безоружной русской арміи въ 1915 году...

Камни фундамента грядущей революціи одинъ за другимъ укладывались въ подсознаніи русскихъ людей...

1 августа / 19 іюля 1931 г.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мои воспоминанія должны были охватить весь періодъ Міровой войны. По условіямъ эмигрантской жизни для меня оказалось возможнымъ издать пока только первую четверть намѣченнаго. Это нарушило ясность моей основной мысли и дало читателю, быть можетъ, слишкомъ отрицательную и даже безнадежную картину. Этого не было бы, если бы передъ нимъ прошли всѣ періоды войны. Послѣ изложенныхъ въ этой книгѣ картинъ кампаніи 1914-го года, когда мы вступили въ войну съ огромными недочетами въ области управленія войсками и подбора начальниковъ, читатель пережилъ бы вмѣстѣ съ Финляндскими стрѣлками лѣтнюю кампанію 1915-го года, когда эти недочеты стали уже постепенно исчезать, но неумолимо всталъ передъ нами фактъ отсутствія снарядовъ и недостатка винтовокъ — мы были фактически безоружными предъ лицомъ прекрасно вооруженнаго врага. Но среди кошмарной безнадежности „великаго отхода" читатель увидѣлъ бы, какъ мы, можно сказать, руками и зубами вцѣплялись въ противника, какъ только обстановка давала къ этому хотя бы малѣйшую возможность... Онъ пережилъ бы вмѣстѣ уже не съ Финляндскими, но съ не менѣе славными стрѣлками 2-ой и 4-й Стрѣлковыхъ дивизій утѣшеніе въ талантливыхъ побѣдахъ нашего командованія въ октябрѣ 1915 года... Наконецъ, въ кампанію 1916-го года, онъ увидѣлъ бы Россійскую армію вновь вооруженной, снабженной, обученной, съ прекраснымъ составомъ начальниковъ... увидѣлъ бы ее по-прежнему героической, но теперь уже и рѣшительно побѣдоносной, достойной своего великаго народа! Восторгъ побѣды охватилъ бы его, и темные штрихи, которые лишь изрѣдка, какъ нѣкій диссонансъ, смущали бы его народную гордость, мелькали бы уже лишь гдѣ то въ верхахъ командованія...

Онъ понялъ бы, что, несмотря на все пережитое, русская армія изжила свои больные вопросы, что она поднялась на огромную высоту и что *она побѣдила.*

И если нѣтъ въ итогѣ войны этой побѣды для Россіи, то въ этомъ вина уже не арміи, а всего русскаго общества, всего несчастнаго Русскаго народа. Вина общества въ томъ, что оно увлеклось теоріями и лозунгами, лживо прикрывавшими иные идеалы и иныя цѣли, а увлекшись, оказалось къ

тому же безвольнымъ; народа, въ его цѣломъ, — лишь въ одномъ: въ его безпросвѣтной темнотѣ, величайшемъ и непростимомъ передъ лицомъ неумолимой Исторіи грѣхѣ...

Эти выводы должно было дать мое „Пережитое“ въ его цѣломъ.

Поэтому прошу читателя усвоить мысль, что онъ познакомился только съ первыми нашими шагами на театрѣ Міровой войны, и что по началу еще нельзя судить о цѣломъ. Но, конечно, картина этого начала — есть то исходное положеніе, изъ котораго развилось все цѣлое. Она очерчиваетъ и тѣ трудности, которыя пришлось намъ во всемъ теченіи Міровой войны преобороть, и тѣ положительныя силы, которыя поборoли эти трудности.

Кромѣ этого нужно отмѣтить, что мое „Пережитое“ односторонне — оно почти что только — „мы“. А, что же противникъ? Вѣдь и у германцевъ были недочеты... Нѣкоторые изъ нихъ отразились и въ этихъ воспоминаніяхъ...

Въ эмиграціи мнѣ пришлось говорить подолгу съ германскими офицерами и слышать отъ нихъ, что и у нихъ многое, очень многое было далекимъ отъ совершенства, и даже не только въ началѣ, но и въ концѣ войны...

Сейчасъ въ разныхъ, и русскихъ, и иноземныхъ лагеряхъ слышится мысль, что новыя поколѣнія должны знать о прошломъ только его славныя страницы. Вѣдь и древніе говорили: de mortuis aut bene, aut nihil*)

Да, я долженъ сознаться, что мнѣ именно съ этой точки зрѣнія было больно предавать гласности отрицательныя черты героевъ „Пережитого“. И по этой же причинѣ я скрылъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ иниціалами... Но вѣдь римская поговорка касается частной жизни людей. Какъ скоро же они выступили на поприщѣ государственной жизни, это правило конечно отпадаетъ, ибо интересы ихъ доброй памяти блѣднѣютъ передъ интересами государства, передъ необходимостью осознать ошибки прошлаго, что бы ихъ не повторять въ будущемъ.

И, наконецъ, я твердый сторонникъ мысли, что *истина выше всего*, въ особенности въ дѣлѣ воспитанія юношества. А вѣдь передъ нами, „пережившими“, теперь стоитъ важнѣйшая національная задача — воспитаніе новыхъ поколѣній.

Августъ 1933 г.
Югославія.

---

*) О мертвыхъ — или хорошее, или ничего.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ страницѣ 3-й.

Причины Міровой войны создавались многими десятилѣтіями европейской исторіи. Важнѣйшей намъ представляется — торговая конкуренція Англіи и Германіи — ихъ торговая борьба за міровой рынокъ. Франція съ 1871 года горѣла мыслью о „реваншѣ“ — о возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи, областей, спорныхъ между французами и германцами еще съ 843 года — Верденскаго договора внуковъ Карла Великаго. Нѣмцы, включая въ это понятіе и германцевъ, и австрійцевъ, направили съ 1878 г. свой вѣковой „Drang nach Osten“ по линіи наименьшаго сопротивленія — на юго-востокъ, на Балканы. И здѣсь, на проливахъ, скрестились направленія вѣковой внѣшней политики, русской и нѣмецкой.

Нѣмцы шли вѣрными шагами: оккупація Босніи и Герцеговины въ 1878 г.; инструктированіе турецкой арміи съ первыхъ годовъ XX-го вѣка; аннексія Босніи и Герцеговины въ 1908 г.; военная миссія Германіи въ Турціи (Сандерсъ-паша и фонъ-деръ-Гольцъ-паша); концессія на постройку Багдадской и другихъ желѣзныхъ дорогъ въ Азіатской Турціи; прикрытыя „научными“ цѣлями, военныя изслѣдованія германцами нашего Закавказья, чему авторъ самъ былъ свидѣтелемъ въ августѣ 1913-го года...

Ихъ планъ былъ нарушенъ образованіемъ въ 1912 году Балканскаго союза изъ Сербіи, Болгаріи, Греціи и Черногоріи и чрезвычайно удачной войной этого союза съ Турціей. Впечатлѣніе этой удачи было ослаблено ссорой между союзниками, въ которой историкъ найдетъ руку Германіи.

И вотъ, съ момента примиренія поссорившихся, насталъ судьбоносный годъ. Въ теченіе этого года мы видимъ, какъ авангардъ германизма на юго-востокѣ, Австро-Венгрія, упорно добивается столкновенія съ обезсиленной войнами маленькой Сербіей. Цѣлый рядъ ничѣмъ не оправдываемыхъ требованій предъявляется ей. Россія не готова къ войнѣ, она еще не сможетъ поддержать славянскихъ интересовъ на Балканахъ. Сербія уступаетъ всѣмъ требованіямъ. Но Австро-Венгріи нуженъ поводъ вмѣшательства въ сербскія дѣла. Намъ представляется, что нѣмцы желали обезпечить за собою весь путь, всю полосу отъ себя до Персидскаго залива и южныхъ границъ Закавказья (крѣпость Эрзерумъ отстроена ихъ инжене-

рами; къ ней они же вели изысканія желѣзно-дорожной вѣтки отъ выстроенной уже ими западной части Багдадской желѣзной дороги; уже былъ поднятъ вопросъ о соединеніи Багдадской жел. дороги съ русскими жел. дорогами въ сѣверной Персіи). Весь этотъ путь былъ уже въ ихъ рукахъ или въ полосѣ ихъ полнаго вліянія — территоріи Австро-Венгріи, Болгаріи, Турціи. Оставалась лишь крошечная часть пути — отъ Бѣлграда до Цариброда, по территоріи Сербіи. Какъ не попытаться его захватить, пока Россія еще не готова, и, вѣроятно, ограничится лишь дипломатическимъ вмѣшательствомъ? Если же это удастся, нѣмцы будутъ имѣть, къ началу будущаго неминуемаго столкновенія народовъ, охватывающее Россію съ запада и юга положеніе; они смогутъ захватить тѣ неисчерпаемые запасы нефти (Баку) и марганца (Чіатуры), которыхъ имъ такъ не хватало къ началу 1917 г.

Къ страницѣ 5-й.

Русская школа военнаго искусства XIX вѣка была далеко не на высотѣ. Мы забыли основанія побѣдной школы Румянцева и Суворова. Увлеченные кабинетнымъ изученіемъ военной науки, которую наши военные мыслители XIX вѣка старались представить наукой точной, мы забыли, что военное дѣло прежде всего дѣло волевое. Мы сознательно отказывались на войнѣ отъ своей воли и проповѣдывали лишь противодѣйствіе волѣ противника. „Дѣйствія по непріятельскимъ обращеніямъ“, т. е. избраніе того или другого способа нашихъ дѣйствій исключительно въ зависимости отъ дѣйствій противника; признаніе обороны способомъ дѣйствій, равноцѣннымъ наступленію; увлеченіе различными математическими представленіями; забвеніе значенія психологическаго элемента, какъ для нашихъ войскъ, такъ и для противника; отсутствіе личной инціативы подчиненныхъ начальниковъ — вотъ отличительныя черты школы XIX вѣка. Неудачи Крымской кампаніи, такъ тяжело намъ доставшаяся побѣда въ 1877—78 г.г. и, наконецъ, позоръ пораженій въ Русско-Японскую войну — это все слѣдствія неправильнаго направленія нашей „науки побѣждать“ (выраженіе Суворова).

Неудачи 1904—5 г.г. заставили насъ пересмотрѣть эту науку, и съ 1906 г. началось возвращеніе нашей арміи къ завѣтамъ Суворова, пріуроченнымъ къ современному состоянію техники... Но измѣненіе основъ военнаго искусства во всей толщѣ командннаго состава арміи требуетъ большого времени и цѣлаго поколѣнія вождей. Поэтому въ Міровую войну мы вступили безъ „единства военной доктрины“ — нашъ

командный составъ мыслилъ различно: взгляды большинства молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и младшихъ выпусковъ офицеровъ генеральнаго штаба, были противоположны взглядамъ большинства старшихъ начальниковъ.

Къ страницѣ 7-й.

Организація русской арміи къ началу Міровой войны въ самыхъ общихъ чертахъ была такова: страна дѣлилась на 12 военныхъ округовъ; штабы этихъ округовъ съ объявленіемъ мобилизаціи обращались въ штабы армій, перевозившихся на театръ военныхъ дѣйствій. Въ составъ каждаго военнаго округа (арміи) входило нѣсколько корпусовъ и отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій. Корпусовъ у насъ въ мирное время было 37, кавалерійскихъ и казачьихъ дивизій около 25 (считая отдѣльныя кавалерійскія бригады). Корпуса состояли большею частью изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій. Въ нѣкоторые изъ нихъ входило, кромѣ того, по одной стрѣлковой бригадѣ и по 1 (2) кавалерійской дивизіи. XXII-й корпусъ и два Туркестанскихъ корпуса состояли изъ 4-хъ стрѣлковыхъ бригадъ каждый. Каждая дивизія состояла изъ 4 полковъ, 4-хъ баталіоннаго или 6-ти эскадроннаго состава; стрѣлковыя бригады — изъ 4-хъ полковъ двухъ-баталіоннаго состава. (Отдѣльныя отступленія отъ нормальной организаціи здѣсь не приводятся).

Артиллерія входила: въ каждую пѣхотную дивизію въ количествѣ бригады изъ 6 восьми-орудійныхъ батарей (48 орудій); въ стрѣлковыя бригады — по дивизіону 3-хъ-батарейнаго состава (всего 24 орудія); въ кавалерійскія дивизіи — по дивизіону изъ двухъ конныхъ батарей 6-орудійнаго состава (всего 12 орудій). Корпусъ имѣлъ кромѣ того 12-орудійный мортирный дивизіонъ. Полевая тяжелая артиллерія только еще начинала формироваться.

Инженерныя войска образовали по саперному баталіону (4 саперныхъ и 1 телеграфная роты) на каждый корпусъ, и отдѣльныя техническія части разныхъ наименованій.

Авіотряды еще не были органически приданы войскамъ.

Численный составъ корпуса въ военное время, считая и его тыловыя учрежденія, достигалъ 50.000 человѣкъ.

Къ страницѣ 10-й.

Поводомъ къ началу Міровой войны послужило убійство 15 (28) іюня 1915 г. въ Сараевѣ австрійско-подданнымъ-сербомъ, Гавріиломъ Принципомъ, наслѣдника Австро-Венгерскаго престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены. Австро-Венгерское правительство упорно настаивало на томъ,

что рука убійцы была направлена изъ Сербіи. 10 (23) іюля правительству Сербіи былъ врученъ Австро-Венгерскимъ посломъ ультиматумъ съ 2-хъ-дневнымъ срокомъ, сущность котораго сводилась къ тому, чтобы Сербія согласилась на производство арестовъ, слѣдствія и суда австро-венгерскими властями на территоріи Сербіи и въ отношеніи ея подданныхъ. Телеграфныя сношенія регента Сербіи, Королевича Александра, съ Россіей были кѣмъ то задерживаемы и отвѣтъ нашего Государя на просьбу Королевича о совѣтѣ, запоздалъ. Сербія, до его полученія, отвѣтила, что она соглашается на рядъ требованій ультиматума и лишь въ отношеніи одного изъ нихъ — согласится въ томъ объемѣ, въ какомъ ей это посовѣтуетъ Всероссійскій Императоръ.

Получивъ этотъ отвѣтъ, австрійскій посолъ 12 (25) іюля покинулъ Бѣлградъ. 15 (28) іюля начались военныя дѣйствія входомъ ночью въ устье Савы въ Бѣлградѣ австрійскихъ транспортовъ безъ огней, обстрѣломъ ихъ сербской таможенной стражей и вслѣдъ затѣмъ начавшейся бомбардировкой Бѣлграда съ сѣвернаго берега Дуная.

Генералъ-квартирмейстеръ — генералъ генеральнаго штаба, вѣдающій въ большихъ штабахъ всей боевой стороной ихъ работы (управленіе войсками, развѣдка, служба связи).

Къ страницѣ 17-й.

Военное министерство въ мирное время являлось у насъ высшимъ органомъ управленія арміей. Главнѣйшими его частями, подчиненными военному министру, были *Главныя Управленія*: *генеральнаго штаба* (планъ обороны государства, планъ мобилизаціи, служба и обученіе войскъ, развѣдываніе армій нашихъ возможныхъ противниковъ, военныя сообщенія, изданіе военныхъ картъ), *артиллерійское*, *инженерное*, *интендантское*, *военно-санитарное*, *военно-судное*, *военно-учебныхъ заведеній*. Въ ряду съ главными управленіями стоялъ *Главный Штабъ*, вѣдавшій личнымъ составомъ арміи. Особая *Канцелярія Военнаго Министерства* обобщала высшіе административные и законодательные вопросы военнаго вѣдомства.

Къ страницѣ 22-й.

Великое Княжество Финляндское — область, присоединенная отъ Швеціи имп. Александромъ І-мъ въ 1809-мъ году, съ добавленіемъ къ ея территоріи и прежнихъ русскихъ владѣній — Выборгской губерніи. Тогда же данъ этой области и титулъ Великаго Княжества.

До 1809 г. эта территорія, въ составѣ Швеціи, никакихъ признаковъ отдѣльнаго существованія не имѣла. Подъ русскою властью Финляндія, какъ и Польша, получила отъ имп. Александра I-го особое законодательство съ установленіемъ народнаго представительства (сеймъ). Представителемъ общеимперской власти являлся назначаемый императоромъ генералъ-губернаторъ.

Съ теченіемъ времени, углубляя размѣры своей автономіи, финляндцы добились своей монеты, отдѣльныхъ почты и желѣзныхъ дорогъ, отдѣльныхъ финскихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Финляндіи начало развиваться сепаратистическое движеніе (партія шведомановъ), склонное видѣть Великое Княжество лишь въ личной уніи съ Всероссійской Имперіей. Основные же законы послѣдней говорили о томъ, что „Вел. Княжество Финляндское состоитъ въ державномъ обладаніи Имперіи Россійской".

За время послѣдняго царствованія былъ принятъ рядъ мѣръ къ ограниченію финляндскаго сепаратизма, въ томъ числѣ были упразднены отдѣльныя финскія войска, при чемъ жители Финляндіи были совсѣмъ освобождены отъ отбыванія воинской повинности. Финляндскія стрѣлковыя бригады времени Міровой войны — чисто русскія войска.

Юго-восточная граница Великаго Княжества проходила по р. Сестрѣ, относя на территорію Финляндіи сѣверные, береговые форты Кронштадтской крѣпости.

Къ страницѣ 29-й.

Объявленію войны предшествовали слѣдующія обстоятельства: по полученіи извѣстія о началѣ австрійцами военныхъ дѣйствій противъ Сербіи, въ Россіи объявлена съ полуночи на 17-ое іюля мобилизація южныхъ округовъ. Въ теченіи 17-го числа выяснилось, что Германія не останется нейтральной въ случаѣ столкновенія Россіи и Австро-Венгріи*). Съ другой стороны, русское правительство уяснило себѣ и всю катастрофичность производства неподготовленной нами частной мобилизаціи. Ввиду этого, съ полуночи на 18-ое іюля объявлена общая мобилизація всѣхъ нашихъ вооруженныхъ силъ. Въ Германіи, по наблюденіямъ русскихъ офицеровъ, проѣзжавшихъ черезъ нее, мобилизація (сборъ запасныхъ и ихъ массовыя перевозки) происходила уже съ утра 17-го (30-го) іюля. 18-го іюля Австро-Венгерское правительство сдѣлало заявленіе, дающее надежду на мирную ликвидацію кон-

*) Телеграмма имп. Вильгельма нашему Государю о недопустимости русской частной мобилизаціи съ упоминаніемъ объ угрозѣ войной.

фликта. Но въ полночь на 19-ое Германія предъявила намъ ультиматумъ съ 12-часовымъ срокомъ о немедленной демобилизаціи. Ультиматумъ этотъ оставленъ нами безъ отвѣта, ибо его односторонній характеръ былъ совершенно очевиденъ. 19-го въ 8 ч. 40 м. вечера германскій посолъ въ Петербургѣ, гр. де-Пурталесъ, передалъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ ноту съ формальнымъ объявленіемъ войны.

Въ 1 ч. ночи на 20-ое іюля во Франціи объявлена общая мобилизація. Въ тотъ же день германскія войска вступили на территорію Люксембурга. 21-го — Германія объявила войну Франціи (7 ч. веч.). Въ тотъ же день германскія войска вторглись на территорію Бельгіи. 22-го Англія потребовала отъ Германіи очищенія Бельгійской территоріи, а 23-го объявила ей войну. 24-го Австро-Венгрія объявила войну Россіи.

Къ страницѣ 35-й.

Восточно-Прусская операція состояла во вторженіи въ Восточную Пруссію двухъ нашихъ армій — I-й, ген. Ренненкампфа, съ востока, и II-й, ген. Самсонова, съ юго-востока и юга. Наступленіе это было начато ранѣе срока готовности нашихъ войскъ, подъ давленіемъ усиленныхъ просьбъ Франціи, надъ которой уже нависла угроза полнаго пораженія.

I-я армія 4-го августа перешла границу и 7-го нанесла въ раіонѣ Гумбинена пораженіе VIII-й герм. арміи, послѣ чего, обходя съ сѣвера Мазурскія озера, выдвинулась на западъ до р. Алле; II-я армія перешла границу 8-го августа (см. отдѣльную схему) и углубилась на сѣверъ позади линіи Мазурскихъ озеръ, занявъ г. Алленштейнъ. Ведя затѣмъ своими средними корпусами упорный бой ю.-зап. Алленштейна, она, вслѣдствіе отсутствія связи, неорганизованности управленія и неправильныхъ дѣйствій своихъ фланговыхъ корпусовъ, была окружена нѣмцами, и остатки среднихъ корпусовъ (5 див.), понесшихъ огромныя потери, взяты 17—18 августа въ плѣнъ въ лѣсахъ къ югу отъ Остеродскихъ озеръ, при чемъ самъ ген. Самсоновъ пропалъ безъ вѣсти (повидимому застрѣлился). Для достиженія этого успѣха, германцы, въ разгаръ „битвы на Марнѣ", перебросили оттуда $2^1/_2$ корпуса въ В. Пруссію и, ослабивъ во Франціи свою ударную группу, проиграли тамъ генеральное сраженіе. Гибель арміи Самсонова въ итогѣ — спасла Францію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Замѣченныя погрѣшности:

На страницѣ 17, строка снизу 2-ая, напечатано: **«16-го іюля»**. Слѣдуетъ читать — **«12-го іюля»**.

На страницахъ 50, 51, 53 и 61 упоминается **«д. Клещовенъ»**. Слѣдуетъ читать — **«д. Марциновенъ»**.

Кенигсбергъ
р. Прегель
Инстербургъ
Гумбинненъ
р. Анкерапъ
Ангербургъ
Летценъ
Мазурскія озера
Лыкъ
Граево
р. Алле
Алленштейнъ
Остербов оз.
Сольдау
II я армія
Къ стр. 35 и 190.
Гибель II арміи
15—18 авг.
Масштабъ
40 клм.
Бакаларжево
Германская укрпл. позиц.
Малиновка
Каменка
Александровъ
Грушевод.
Заіончково
Котовизна
Дв. Мазуръ
фронтъ 10 октября
р. Шеберка
Рабалин
Липово
Хоцки
р. Распуда
Мал. Рачки
1я Ф. е. бр.
Схема № 2.
Масштабъ
2 клм.
10—22 окт. 1914 г.
Къ стр. 53—60.
Условн. знаки:
русскіе
нѣмцы.
цыфры — число батальон.
Гольдапъ
Бакаларжево
Сувалки
Маркграбово
Рачки
32
XXII корп.
Лыкъ
сиб.
Августовъ
Райградъ
Граево
Осовецъ
Предположенія штаба XXII арм. корпуса на 31 августа 1914 г.
Масштабъ
10
20 клм.
Схема № 3.
ноябрь-декабрь 1914 г.
Попіолленъ
Бродзовкенъ
Іоганнесфельде
Бродзовкенбергъ
Карльсфельдъ
Кржывинскенъ
Гр. Штренгельнъ
Линденвизе
Штейнвальде
озеро
Гездалкенъ
Къ штабу корпуса
Куттенъ
Очонкенъ
Масштабъ
2 клм.
Якуновкенъ

Схема № 1.

Масштабъ

0 10 20 30 клм.

Ковна

Въ Вильну.

Каушенъ.

Инстербургъ

Изъ Кенигсберга

Гумбиненъ

Эйдкуненъ

Вержболово

р. Ангерапъ

Гольдапъ

Ангербургъ

Ленценъ

Гр. Габликъ

Маркграбова

Бакаларжево

Сувалки

Сейны

Гибы

Капціово.

Друскеники

р. Нѣманъ

Ораны

Въ Вильну.

Лыкъ

Августовъ

Августовскій каналъ

Сапоцкинъ

Липскъ

Рыгаловка

Гродна

Райградъ

Гр. Просткенъ

Граево.

Бяла

Іоганнисбургъ

Щучинъ

р. Бобръ

Осовецъ

Соколка

р. Наревъ

Ломжа

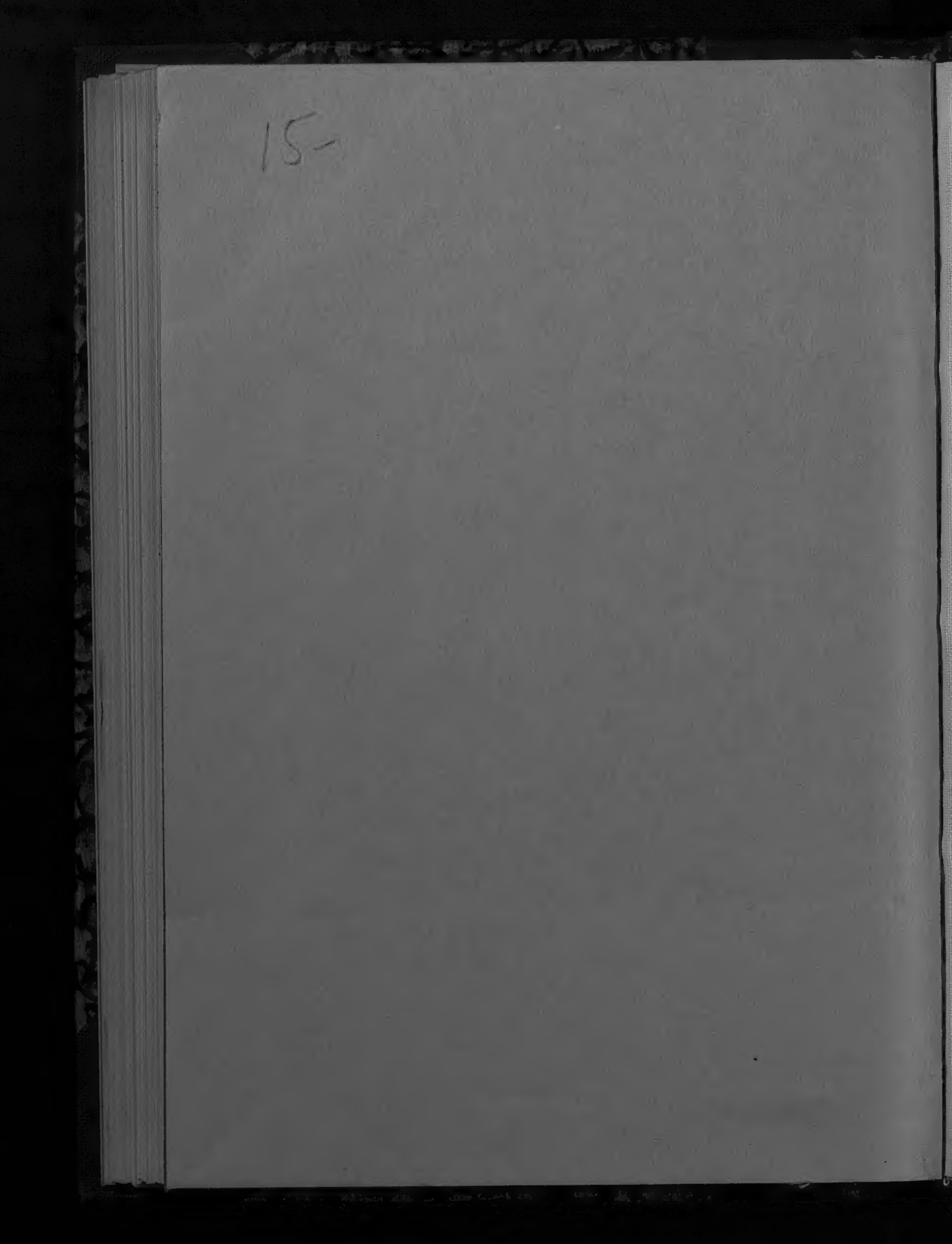
Старосельцы

Бѣлостокъ

ЦѢНА:

Въ Югославіи	45 динаръ.
За границей	20 фр. франковъ.

15-

